Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кемеровский государственный университет»

На правах рукописи

Стародубцев Евгений Юрьевич

ЭВАКУИРОВАННОЕ НАСЕЛЕНИЕ В КУЗБАССЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРИЕМ, РАЗМЕЩЕНИЕ, ОБУСТРОЙСТВО (1941–1945)

5.6.1. Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Ермолаев Алексей Николаевич

Кемерово – 2026

Оглавление

***Введение*……..3**

Глава 1. Прием и размещение гражданского населения на территории Кузбасса ……47

1.1. Партийно-государственные органы и нормативно-правовые документы по организации эвакуационного процесса ……..47

1.2. Прием персонала эвакуированных предприятий ……62

1.3. Размещение и численность эвакуированного населения на территории региона ……86

Глава 2. Обустройство эвакуированного населения на территории Кузбасса ……..117

2.1. Обеспечение эвакуированных граждан жилыми помещениями …….117

2.2. Трудоустройство эвакуированного населения ……..135

2.3. Материально-бытовое снабжение и медико-санитарное обслуживание эвакуированного населения…….155

Заключение ……182

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ…….192

ПРИЛОЖЕНИЯ…….230

Введение

Актуальность темы исследования. Память о событиях Великой Отечественной войны является священной для каждого россиянина. Очень важно в современных условиях, когда происходит фальсификация исторических фактов и принижение роли Советского Союза в победе во Второй мировой войне со стороны недружественных стран, более глубоко и детально изучать события военных лет.

Одной из важнейших и недостаточно изученных тем остается эвакуация населения из прифронтовых и оккупированных территорий СССР в тыловые регионы. Эвакуационный процесс оказал колоссальное влияние на судьбы миллионов советских граждан и стал одним из ключевых мероприятий, который позволил сохранить человеческий потенциал и обеспечить промышленное производство. Перемещение огромного количества людей за короткий период времени является беспрецедентным явлением в мировой истории. Данный процесс сопровождался не только транспортировкой и размещением эвакуированного населения на новых местах, но и созданием всех необходимых условий для жизни, что требовало значительных усилий со стороны государственных органов. Выдающийся полководец Г. К. Жуков считал, что «народная трудовая эпопея по эвакуации и восстановлению производственных мощностей в годы войны, проведенная в связи с этим колоссальная организаторская работа партии по размаху и значению своему для судьбы нашей Родины равны величайшим битвам второй мировой войны»[1].

Западная Сибирь являлась приоритетным регионом для эвакуации предприятий и населения. Это объяснялось удаленностью от линии фронта, наличием промышленных площадей, богатством природных ресурсов, транспортной доступностью. Особое место среди сибирских регионов занимал Кузбасс, где было сосредоточено много промышленных

[1] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. М.: АПН, 1986. С. 47.

предприятий, способных производить продукцию для армии. Регион сыграл важную роль в размещении и дальнейшем обустройстве прибывшего на его территорию населения, при этом сам процесс эвакуации в Кемеровскую область остается недостаточно изученным.

Стоит отметить, что Кузбасс в годы войны получил мощный импульс в развитии во многом благодаря размещению на его территории промышленных предприятий, различных социальных объектов и эваконаселения, что сделало регион важнейшим экономическим центром страны, а также способствовало его оформлению в отдельную административно-территориальную единицу.

В военные годы Кузбасс выполнял ключевую роль в обеспечении страны углем и промышленной продукцией, а массовый приток эвакуированного населения позволил укрепить его промышленный потенциал. Максимальное количество эвакограждан на территории области было зафиксировано на 1 апреля 1943 г. и составляло 212 541 человек[2]. Размещение столь большого количества населения в городах и районах области существенно повлияло на социальную сферу, демографическую структуру и экономическое развитие региона.

Таким образом, комплексное изучение истории Кузбасса и страны в годы Великой Отечественной войны невозможно без рассмотрения проблемы эвакуации населения. Также исследование темы способствует сохранению исторической памяти, уважению к подвигу и труду тех, кто пережил эвакуацию.

Кроме того, изучение опыта проведения масштабных эвакуационных мероприятий в настоящее время актуально в связи со сложной военно-политической обстановкой в мире, когда может возникнуть необходимость перемещения большого количества населения в безопасные районы. Осмысление верных и ошибочных действий со стороны руководства страны,

[2] Справка о состоянии работы отдела Кемеровского облисполкома по хозяйственному устройству эвакуированного населения на 20 мая 1943 г. // ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 30. Л.117.

касающихся эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны, позволит избежать многих просчетов в случае необходимости организации данного процесса.

Историография исследуемой проблемы. Проблема эвакуации гражданского населения рассмотрена в соответствии с традиционной периодизацией, которая предусматривает выделение двух периодов – советского и современного (постсоветского). Каждый из них, в свою очередь, делится на два этапа, которые отражают эволюцию подходов, источниковой базы и тематики исследований.

Советский период (1940-е – 1980-е гг.) характеризуется двумя определяющими факторами: во-первых, господством марксистско-ленинской идеологии (для исторических исследований это проявлялось в доказательстве определяющей роли КПСС в руководстве социальными и экономическими процессами); во-вторых, постепенным выделением проблемы эвакуации из общей истории Великой Отечественной войны как отдельной научной темы. В его рамках можно выделить два этапа.

Первый этап (1940-е – середина 1960-х гг.): первоначальное накопление и осмысление фактического материала. Первые работы, которые были косвенно связаны с эвакуацией населения и промышленных объектов, появились еще в годы войны. Данные труды показывали значение эвакуационного процесса, а также демонстрировали трудовой героизм и самоотверженность граждан[3]. Значение Сибири в годы Великой Отечественной войны отражено в работе В. И. Стрельского, в которой автор рассматривает регион как территорию с развитыми промышленными центрами, на базе которых разместились эвакуированные мощности. Он уделил внимание и эвакуации населения, упоминая, что на предприятиях работали кадры из западных районов страны[4]. Отдельно стоит отметить работу И. С. Пешкина, в которой автор рассматривал проблему эвакуации

[3] Иоффе А. Ф. Советская наука в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии наук СССР. 1943. № 7–8. С. 6–9.
[4] Стрельский В. И. Сибирь в Великой Отечественной войне. Омск: Омгиз, 1943. 60 с.

учреждений и предприятий в тыловые регионы страны, однако он не привел полноценных данных, касающихся эвакуации населения[5].

В данных исследованиях проблема эвакуации, как отдельная тема, была только обозначена. В послевоенные годы интерес к рассматриваемой проблеме возрос. Авторы стали уделять внимание анализу итогов Второй мировой и Великой Отечественной войны, рассматривать социально-экономические последствия. В работах Л. М. Гатовского, Б. М. Соколова уделяется внимание тылу в годы войны, в том числе и на территории Сибири[6].

Для послевоенных лет следует выделить работу Н. А. Вознесенского, посвященную экономике СССР в 1941–1945 гг. Автор сделал акцент на промышленном развитии Западной Сибири, писал о формировании новых отраслей промышленности, в том числе благодаря перебазированию предприятий. Исследователь не уделил пристального внимания эвакуации населения, однако подчеркнул важнейшую роль данного процесса для страны[7]. Также необходимо отметить статью А. Ф. Хавина, где отражены события перебазирования предприятий вместе с рабочими[8]. В исследовании Ю. А. Васильева эвакуированное население впервые было выделено в отдельную категорию. Для эвакограждан прорабатывались вопросы приема и размещения, трудоустройства, оказания необходимой помощи[9].

На этапе уже обобщается и кузбасский материал, характеризующий период Великой Отечественной войны. В кандидатской диссертации Т. В. Коноваловой рассматриваются вопросы перестройки работы промышленности на военный лад. В работе подчеркивалось, что труднейшей

[5] Пешкин И. С. На новых местах. М.: Профиздат, 1942. 64 с.

[6] Гатовский Л. М. Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне. М.: Госполитиздат, 1946. 124 с.; Соколов Б. М. Промышленное строительство в годы Отечественной войны. М.: Госпланиздат, 1946. 56 с.

[7] Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат,1948. 192 с.

[8] Хавин А. Ф. Великое переселение индустрии // Новый мир. 1948. № 6. С. 252–282.

[9] Васильев Ю. А. КПСС – вдохновитель и организатор патриотического подъема Советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах партийных организаций Западной Сибири): дис. … канд. ист. наук. М., 1955. 307 с.

задачей для партийной организации Кузбасса было размещение эвакуированных предприятий на территории региона и организация бесперебойного функционирования промышленности. Отдельный акцент в работе сделан на кадровой составляющей эвакуации. Коновалова отметила, что вместе с предприятиями прибывали рабочие, и их быстрое вовлечение в производственный процесс становилось ключевой задачей[10].

Марксистско-ленинский подход обусловил появление научных работ, посвященных рабочему классу. Одной из основополагающих работ является монография А. В. Митрофановой «Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны», в которой автор рассмотрела изменения численности и состава рабочего класса СССР в годы войны. Особое место уделено социальным аспектам, связанным с процессом эвакуации населения[11].

К концу 1950-х гг. историческая наука в СССР накопила большой объем фактического материала по истории Великой Отечественной войны, что потребовало его теоретического обобщения. Уже в начале 1960-х гг. во втором томе фундаментального шеститомного труда «История Великой Отечественной войны Советского Союза» процесс эвакуации промышленных предприятий, оборудования и гражданского населения на территорию Сибири был представлен достаточно подробно. Важное место авторы отвели роли органов власти в данном процессе. Также в работе рассмотрены постановления, которые являлись основополагающими для эвакуации промышленности и гражданского населения. Однако вопросы приема, трудоустройства, быта для данной категории граждан практически не затрагивались[12].

---

[10] Коновалова Т. В. Партийная организация Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1953. 16 с.

[11] Митрофанова А. В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). М.: АН СССР, 1960. 486 с.

[12] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: В 6 т. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР.

Работы первого этапа обозначили важность эвакуационного процесса в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, они были нацелены на демонстрацию героизма и мужества советского народа на поле боя и в тылу. Однако авторам часто были недоступны архивные источники в силу их секретности и ограниченного доступа к ним. Проблеме эвакуации гражданского населения в Сибирь и, в том числе, в Кузбасс отводилось совсем незначительное место, но авторами данный аспект был обозначен.

Второй этап (середина 1960-х – конец 1980-х гг.): систематизация и углубление исследования проблемы эвакуации. Важной вехой, ознаменовавшей переход к новому этапу, стало установление в 1965 г. Дня Победы – государственного праздника, который привлек внимание общества и власти к событиям Великой Отечественной войны[13]. Этот этап характеризуется выделением проблемы эвакуации гражданского населения в отдельную тему для исследования, в частности данный процесс отразился и в рамках крупных работ, посвященных Великой Отечественной войне.

Важнейшим событием для историографии Великой Отечественной войны стало издание фундаментального двенадцатитомника «История СССР с древнейших времен до наших дней». В его десятом томе нашли отражение вопросы эвакуации промышленности и населения на восток, расширения промышленной базы тыловых регионов, а также материально-бытового положения населения[14].

Также стоит выделить издание «История Второй мировой войны, 1939–1945», где интерес для нас представляет пятый том, посвященный созданию условий для коренного перелома в войне. В работе, как и в предыдущем труде, основное место отведено эвакуации промышленных мощностей в восточные районы СССР, созданию экономически крепкого тыла, а также

Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М: [б. и.], 1961. 682 с.

[13] Об объявлении 9 мая нерабочим днем (Указ от 26 апреля 1965 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 17.

[14] История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. Т. 10. СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / П. С. Болдырев [и др.]. М.: Наука, 1973. 782 с.

фрагментарно упомянуты проблемы организации процесса эвакуации гражданского населения[15].

Большой интерес представляет сборник статей и воспоминаний «Эшелоны идут на Восток», который был издан институтом истории Академии наук СССР[16]. В данном сборнике впервые была отдельно обозначена проблема эвакуации гражданского населения. В статье И. И. Белоносова рассмотрена эвакуация населения из прифронтовой полосы, сделан акцент на плановую и неплановую эвакуацию, транспортировку и распределение эвакуированного населения на местах, упомянуты проблемы социально-бытового характера и способы их решения[17]. Другой, не менее важной является работа Л. И. Погребного из этого же сборника, посвященная деятельности Совета по эвакуации. Автор описывает четкую структуру данного совета, обозначает его функции и задачи. Особое внимание уделено проблеме перевозки населения в тыловые территории, упомянуты оказание медицинской помощи, продуктовое обеспечение и др.[18]. В данных исследованиях авторы обозначили, что эвакуация часто проходила стихийно, описаны некоторые просчеты. В работах рассмотрена эвакуация населения из прифронтовых территорий, при этом практически нет информации по размещению и дальнейшему проживанию данных граждан на территории Сибири.

Коллектив авторов издания «Советский тыл в Великой Отечественной войне» достаточно подробно описал значение эвакуационного процесса, обратил внимание на работу Совета по эвакуации. Однако в работе подробно

---

[15] История Второй мировой войны, 1939–1945: в 12 т. Т. 4. Фашистская агрессия против СССР: крах стратегии «молниеносной войны» / Н. Г. Андроников [и др.]. М.: Воениздат, 1975. 534 с.

[16] Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. М.: Наука, 1966. 263 с.

[17] Белоносов И. И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. М.: Наука, 1966. С. 15–30.

[18] Погребной Л. И. О деятельности Совета по эвакуации. Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. М.: Наука, 1966. С. 201–207.

не рассмотрены особенности жизни эвакуированного населения на территории Сибири[19].

В советское время стали появляться исследования, посвященные региональной тематике. «История Сибири с древнейших времен до наших дней» является фундаментальным исследованием, в пятом томе которого нашли отражение события Великой Отечественной войны. В работе значимое место отведено перестройке экономики на военный лад, перебазированию промышленности из западных районов, упомянуто эвакуированное население, в основном на территории Новосибирска[20]. В исследовании «Подвиг земли богатырской» особое внимание уделяется введению в строй эвакуированных предприятий, а также обеспечения их рабочей силой[21]. М. Р. Акулов в своей работе, посвященной промышленному развитию Сибири в военные годы, затронул проблему нехватки кадров для предприятий и способы ее решения, в том числе и с помощью привлечения эвакуированного населения[22].

Другим примером является исследование Г. А. Докучаева, посвященное сибирскому тылу. Автор выделил эвакуированное население как один из основных источников пополнения рабочей силы промышленности, транспорта, строительных организаций и других отраслей экономики Сибири. При этом сделал вывод, что достаточно проблематично просчитать удельный вес эвакуированных рабочих[23]. В исследовании З. Г. Карпенко, посвященному развитию угольной промышленности и черной металлургии Сибири, значительное место отводится процессу эвакуации

[19] Советский тыл в Великой Отечественной войне / ред. П. Н. Поспелова. М.: Мысль, 1974. 700 с.
[20] История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму / Б. Л. Борисов [и др.]. Л.: Наука, 1969. 470 с.
[21] Подвиг земли богатырской: Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / М. Р. Акулов [и др.]. М.: Мысль, 1970. 364 с.
[22] Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ставрополь, 1967. 332 с.
[23] Докучаев Г. А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука, 1968. 322 с.

промышленных мощностей и населения на территорию Кузбасса. Зинаида Георгиевна привела примеры распределения эвакограждан по предприятиям региона и подчеркнула их важную роль в работе промышленности[24]. Также стоит упомянуть работу «Металлурги Кузбасса», где коллективом авторов поднимался ряд вопросов, связанных с эвакуацией предприятий и населения в Кемеровскую область[25].

Данные работы связаны с экономическим подходом в изучении проблемы эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны на территорию Западной Сибири и Кузбасса. Большинство исследователей интересовала экономическая роль эвакуированных промышленных предприятий и граждан, участвовавших в создании военно-промышленной мощи страны.

Одновременно с работами, выполненными в рамках специальности «История СССР», активно развивается историко-партийная проблематика периода Великой Отечественной войны. В работе М. И. Лихоманова, Л. Т. Позиной, Е. И. Финогенова, посвященной партийному руководству эвакуацией в первый период войны, детально анализируется деятельность Совета по эвакуации при СНК СССР, Переселенческого управления (впоследствии Управления по эвакуации населения), а также роль местных партийных и советских органов в приеме и размещении людей. Наряду с вопросами приёма и размещения эвакуированных граждан в тыловых регионах поднимаются проблемы их трудоустройства и бытового обеспечения. Кроме того, в работе отдельно рассматривается эвакуация научных и культурно-просветительских учреждений[26]. Также в русле историко-партийной проблематики на данном этапе выполнены работы

[24] Карпенко З. Г. Развитие угольной промышленности и черной металлургии Сибири: учебное пособие. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1985. 82 с.
[25] Металлурги Кузбасса Ч. 1. (1917–1960). Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1975. 199 с.
[26] Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 169 с.

Н. П. Шуранова, которые были посвящены перестройке угольной промышленности Кузбасса и восточных регионов в годы войны[27].

В рамках регионального аспекта стоит упомянуть работы Г. А. Докучаева, С. Н. Витковского, З. Г. Карпенко, В. В. Алексеева, В. А. Исупова, в которых рассмотрена динамика численности рабочего класса Сибири и Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. Эвакуированному населению не отводилось основное место, однако оно упомянуто в контексте исследований[28]. Указанные работы непосредственно связаны с экономическими процессами периода Великой Отечественной войны, но основное внимание в них уделено изменению социальной структуры и численности населения, регулированию его состава и движения.

Важно отметить, что в советский период появились обобщающие труды по истории Кузбасса, а также исследования, непосредственно связанные с развитием региона в годы Великой Отечественной войны. В них впервые были представлены данные о количестве эвакуированных граждан на территорию области, а также некоторые сведения об их социально-бытовом положении[29].

---

[27] Шуранов Н. П. КПСС – организатор перестройки работы Кузнецкого угольного бассейна на военный лад (1941–1942 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1967. 24 с.; Его же. Коммунистическая партия – организатор развития угольной промышленности восточных районов страны в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 1978. 38 с.

[27] Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ставрополь, 1967. 332 с.

[28] Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1973. 423 с.; Витковский С. Н., Карпенко З. Г. Рабочие индустриального Кузбасса. Кемерово: Кн. изд-во, 1970. 99 с.; Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.

[29] Зелкин И. И. Кузнецкий угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1969. 187 с.; Кузбасс – фронту. Кемерово: Кн. изд-во, 1975. 396 с.; Кацюба Д. В. История Кузбасса: краеведческое пособие для учащихся 7–10-х классов. Кемерово: Кн. изд-во, 1975. 126 с.; История Кузбасса: в 3 ч. Ч. 3: История Кузбасса в период строительства социализма и коммунизма. / П. К. Редькин [и др.]. Кемерово: Кн. изд-во, 1970. 223 с.; Кузбасс. Прошлое. Настоящее. Будущее / А. И. Мартынов [и др.]. 2-е изд., перераб. Кемерово: Кн. изд-во, 1978. 365 с.; Очерки истории партийной организации Кузбасса: в 3 ч. Ч. 3. Кемерово: Кн. изд-во. 1985. 287 с.

Показателем возросшего интереса к истории сибирского тыла на данном этапе стало появление библиографических указателей. В 1973 г. вышел указатель «Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)», а в 1976 г., к 30-летию Победы, – «Сибирь в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – сентябрь 1945 гг.)». В них была обобщена опубликованная к тому времени литература, включая работы по эвакуации населения и промышленности[30].

Второй этап характеризовался выделением проблемы эвакуации населения в отдельное направление исследования. Данная тема изучалась как в партийной истории, так и в общей истории СССР. В целом, в советской историографии проблема эвакуации населения не получила комплексного исследования. Особое внимание уделялось экономическим аспектам – эвакуация промышленных предприятий и их вклад в победу. Социальные аспекты (прием, размещение, обустройство) эвакуированного населения остались на периферии исследовательского внимания. В конце 1980-х гг. в научный оборот вводятся новые источники, что подготовило почву для перехода к постсоветскому этапу историографии.

Современный период историографии (1990-е г. – настоящее время). Данный период историографии также определяется двумя главными факторами: во-первых, многообразием исторических концепций, которые применяются при изучении эвакуации населения; во-вторых, существенным расширением проблематики исследования, когда внимание исследователей привлекает не только сама эвакуация как процесс перемещения населения, а и все сопутствующие элементы: обустройство, трудоустройство,

[30] Соболева Е. Б., Лебедева А. Н. Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): библиогр. указ; Зон. объединение б-к Зап. Сибири, Новосиб. обл. б-ка, Воен.-науч. о-во при Новосиб. окр. доме офицеров Сов. Армии. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 165 с.; Сибирь в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – сентябрь 1945 гг.): библиогр. указ. посвящается 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Гос. публич. науч.-техн. б-ка; [сост. В. Н. Волкова и др.]. Новосибирск: ГПНТБ, 1976. 249 с.

медицинское обслуживание и прочее. В рамках постсоветского периода также выделяются два этапа.

Первый этап (1991–2005 гг.) связан с устранением идеологических запретов, рассекречиванием значительного объема архивных документов, применением большого количества исторических концепций. Все это способствовало актуализации темы эвакуации населения. Важной вехой, завершившей первый этап, стало празднование 60-летия Победы (2005 г.).

На данном этапе продолжают создаваться обобщающие труды, посвященные теме Великой Отечественной войны, однако проблеме эвакуации населения в них уделяется незначительное место. Основное внимание в этих работах сосредоточено на военно-стратегических, экономических и политических аспектах войны[31].

Интерес представляет междисциплинарная работа В. Т. Анискова, посвященная борьбе крестьянства с фашизмом. В отличие от других авторов, которые в основном рассматривали процесс эвакуации на примере городов и промышленных центров, Виктор Тихонович сделал акцент на сельские территории и крестьянство, затрагивая и тему эвакуации гражданского населения[32]. Другая работа автора непосредственно связана с численностью и составом эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны, однако написана она на стыке двух периодов[33].

В работе Т. А. Сафоновой поднимается проблема организации приема и обустройства эвакуированного населения на территории Западной Сибири, помимо этого исследователь затрагивает сферу строительства: приводит

[31] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. М.: Наука, 1998. 544 с.; Хохлов Е. В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй Мировой войны. СПб.: СПбГУ, 2005. 280 с.; Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 448 с.

[32] Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма, 1941–1945. История и психология подвига. М.: Памятники ист. мысли, 2003. 500 с.

[33] Анисков В. Т. Численность и состав эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны. Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. 2. Социально-демографическое развитие советской Сибири: Всесоюз. науч. конф. (Новосибирск, 12–14 декабря 1989 г.) Новосибирск, 1989. С. 43–44.

данные о вводе в эксплуатацию нового жилья, в том числе и для эвакуированных граждан[34].

Отдельного внимания заслуживают труды М. Н. Потемкиной, в которых автор поднимает вопросы управления эвакуацией, уделяет внимание перебазированию промышленных объектов и перемещению населения в масштабах страны. Кроме того, Марина Николаевна подробно рассмотрела вопросы приема и размещения, материально-бытового устройства и медико-санитарного обслуживания эвакуированных граждан, прибывших на Урал[35].

Эвакуация промышленных мощностей и населения в Кузбасс нашла свое отражение в работах Н. П. Шуранова. Николай Павлович основное внимание уделил перебазированию и размещению на территории региона предприятий из прифронтовых и оккупированных районов страны. Стоит сказать, что количество эвакуированных предприятий, выявленных Н. П. Шурановым, долгое время считалось наиболее точным и полным. Кроме того, автор привел данные о количестве эвакограждан, прибывших в Кузбасс, а также кратко затронул вопросы их обустройства на местах[36].

На данном этапе сложилась традиция проведения региональных научных конференций по истории Великой Отечественной войны. Сборники их материалов, изданные в Кемерове под редакцией Н. П. Шуранова, отразили широкий круг проблем, включая эвакуацию населения и

---

[34] Сафонова Т. А. Прием и размещение эвакуированного населения в Западной Сибири в 1941–1942 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. № 4. С. 122–125.

[35] Потемкина М. Н. Проблемы эвакуации и эвакуированного населения на Урале в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 (Историко-партийный аспект): автореф. дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 1994. 15 с.; Ее же. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эваконаселение на Урале в 1941–1948 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. 32 с.; Ее же. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы: монография. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 265 с.

[36] Шуранов Н. П. Кузбасс – фронту. Кемерово: Притомское, 1995. 117 с.; Его же. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово: Кемер. гос. ун-т: Кемер. обл. ин-т усовершенствования учителей, 2000. 219 с.; Его же. Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: Монография. Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», 2004. 220 с.; Его же. Кузбасс: все для фронта. Кемерово: Скиф, 2005. 245 с.

промышленности в Кузбасс, и заложили основу для последующих исследований[37]. Также в «Исторической энциклопедии Кузбасса» была опубликована статья «Великая Отечественная война и Кузбасс», обобщившая накопленный материал по проблеме эвакуации[38].

В работе А. Н. Ермолаева дан краткий очерк эвакуации населения в Кемеровскую область. Автор уделил внимание государственным органам, которые занимались эвакуационным процессам, привел данные о работе эвакопунктов Новосибирской области, проанализировал информацию по размещению эвакограждан в городах и районах Кузбасса. Также Алексей Николаевич определил фонды Государственного архива Кузбасса, в которых содержится информация, связанная с эвакуацией населения на территорию области[39].

Развитие угольной отрасли региона в годы Великой Отечественной войны также было связано с процессом эвакуации населения. Например, в работе, подготовленной коллективом авторов по истории угольной промышленности, отражено, что в ряды кузбасских шахтеров в первые годы войны вливались рабочие угольных и других предприятий, эвакуированных с временно оккупированных территорий. Это было одним из основных способов укомплектования штатов угледобывающих предприятий региона[40].

---

[37] Пятидесятилетие коренного перелома в Великой Отечественной войне. 50 лет Кемеровской области: тезисы докладов и сообщений на научной конференции, 18–19 ноября 1992 г. / Кемеровский гос. ун-т; ред. Н. П. Шуранов. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1992. 146 с.; Пятидесятилетие Великой Победы: тезисы науч. конференции / РАН, СО, Ин-т истории, Кемеровский гос. ун-т; ред. З. П. Галаганов, Т. О. Машковская, Н. П. Шуранов. Кемерово: Изд-во ОблИУУ, 1995. 174 с.; Город Кемерово в годы Великой Отечественной войны: материалы науч. конф., 14 апреля 2000 г. / Кемеровский гос. ун-т; ред. Н. П. Шуранов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 155 с.; Вклад сибиряков в победу в Великой Отечественной войне: материалы региональной науч.-практ. конф., посвященной 60-летию Победы, 21 апреля 2005 г., г. Кемерово / Кемеровский гос. ун-т; ред. Н. П. Шуранов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 338 с.

[38] Великая Отечественная война и Кузбасс // Историческая энциклопедия Кузбасса: в 3 т. Т. 1: А–К. Кемерово; Познань: Штама, 1996. С. 91–99.

[39] Ермолаев А. Н. Эвакуация населения в Кемеровскую область (указатель архивных материалов). Кемерово: Алкор, 2002. 67 с.

[40] Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996 гг. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1997. 357 с.

Важное место в изучении эвакуации на региональном уровне заняли работы, появившиеся во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. В. Т. Анисков обратился к малоизученной проблеме медико-санитарного обслуживания эвакуированного населения[41]. И. Ю. Усков на примере г. Кемерово проанализировал процесс эвакуации 1941–1942 гг.[42]. С. В. Зяблицева рассмотрела отдельные аспекты трудоустройства эвакуированных в Кузбассе[43]. Эти исследования носили локальный характер, но заложили основу для последующего углубленного изучения социальных аспектов эвакуации.

На данном этапе появляются первые диссертационные исследования, посвященные эвакуации населения на примере разных регионов страны, что также свидетельствует об актуальности темы и углублении её до локального уровня[44].

Первый этап постсоветского периода носил переходный характер. С одной стороны, были преодолены идеологические запреты, расширена источниковая база, намечены новые направления исследования (социальная адаптация, трудоустройство, быт эвакуированных). С другой стороны, региональные исследования еще не получили широкого распространения.

Второй этап (2005 г. – настоящее время) характеризуется углублением локальных исследований, вниманием к «человеческому измерению»

---

[41] Анисков В. Т. Медико-санитарное обслуживание эвакуированного населения (1941–1942 гг.) // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVII–XX вв.: материалы Междунар. науч. конф. 19–21 марта 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 164–167.

[42] Усков И. Ю. Г. Кемерово и эвакуация 1941–1942 гг. // Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово. 2000. С. 18–21.

[43] Зяблицева С. В. Некоторые аспекты трудоустройства эвакуированных в Кузбассе // Сибирь – фронту: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Кемерово, 12–13 мая 2000 года. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. С. 100–102.

[44] Купцов В. П. Проблемы перестройки народного хозяйства и эвакуации мирного населения в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2002. 49 с.; Киселев Ф. А. Государственная политика по отношению к эвакуированному населению в годы Великой Отечественной войны (на материалах Кировской области и Удмуртской АССР): автореф. дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2004. 23 с.; Федотов В. В. Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): проблемы размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности: автореф. дис. … канд. ист. наук. Самара, 2004. 23 с.

эвакуации. На первое место стали выходить вопросы социальной адаптации, бытового обустройства и повседневной жизни эвакуированных граждан. На данном этапе продолжают появляться кандидатские диссертации, посвящённые эвакуации населения в различные регионы страны[45]. Что касается обобщающих трудов по истории Великой Отечественной войны, то в них, как и прежде, эвакуации населения отводится второстепенная роль[46].

Ключевым автором этого этапа является томский историк Л. И. Снегирева. В своих работах она затрагивает широкий круг вопросов, связанных с эвакуацией населения в Западную Сибирь. Автор уделяет внимание трудоустройству и социальному составу эвакуированного населения, медицинскому обслуживанию, обращает внимание на прием и размещение детских учреждений, упоминает и эвакуацию высших учебных заведений, даёт историографический обзор темы[47]. Отдельно исследователь

[45] Арсланова Ч. Р. Эвакуированное и депортированное в Башкирскую АССР население в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2006. 188 с.; Козурман С. О. Эвакуированное и перемещённое население на территории Саратовской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2011. 25 с.; Николенко А. В. Деятельность государственных и партийных органов по жизнеобеспечению эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Архангельской и Вологодской областей): автореф. дис. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2017. 22 с.; Толстова Н. Ю. Эвакуированные в годы Великой Отечественной войны на территорию Чувашской АССР: организация размещения, социальная адаптация, трудовая деятельность: дис. канд. … ист. наук. Чебоксары, 2023. 226 с.

[46] Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности: монография. М.: Ин-т экономики Российской акад. наук, 2015. 342 с.; Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.; Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 10: Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. 862 с.

[47] Снегирева Л. И. Медико-санитарное обслуживание населения, эвакуируемого в западносибирский тыл (1941–1943 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 1. С. 49–53; Ее же. Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в западносибирском тылу (1941–1943 годы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5. С. 143–156; Ее же. Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 2. С. 38–43; Ее же. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 1. С. 201–210; Ее же. Эвакуация детей в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 28–31; Ее же. Эвакуированные вузы и их вклад в развитие сельскохозяйственного производства Западной Сибири (1942–1945 гг.) // Вестник

анализирует работу эвакопунктов Западной Сибири и определяет их роль в процессе эвакуации населения[48]. Работы Л. И. Снегиревой касаются и процесса реэвакуации населения[49]. Опираясь на архивный материал, выявленный и впоследствии опубликованный в первом томе труда «Во имя Победы»[50], томский исследователь Д. В. Закиров предпринял попытку визуализации динамики размещения эвакуированного населения на территории Западной Сибири и Кузбасса[51].

На данном этапе продолжила активную разработку темы эвакуации М. Н. Потемкина. Она опубликовала серию работ, в которых углубила анализ управления эвакуационным процессом, организационного опыта перемещения предприятий, демографических и психологических аспектов эвакуации населения[52].

Кемеровского государственного университета. 2015. № 4–1. С. 35–40; Снегирева Л. И., Сафонова Т. А. Эвакуация гражданского населения в Западно-Сибирский регион в годы Великой Отечественной войны (историографический обзор) // Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне, Томск, 12–13 мая 2005 года. Томск: Томский государственный педагогический университет, 2005. С. 4–28.

[48] Снегирева Л. И. Эвакопункты Западной Сибири и их роль в эвакуации населения в регион (1941–1943 годы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 5 (194). 2018. С. 30–37.

[49] Снегирева Л. И. Проблемы реэвакуации коллективов промышленных предприятий и их решение в западносибирском регионе (1942–1948 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3–1. С. 70–76; Ее же. Реэвакуация из Западной Сибири в освобожденные районы специалистов сельского хозяйства (1943–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–6. С. 206–209; Ее же. Реэвакуация строительных организаций и специалистов-строителей в освобожденные районы страны в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9. С. 181–187; Ее же. Социально-экономические последствия реэвакуации в западносибирском тылу (1942–1948 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9. С. 188–195.

[50] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 360 с.

[51] Закиров Д. В. Визуализация динамики размещения эвакуированного населения в Западной Сибири в 1941 г. Приоритеты и стратегические направления развития педагогического образования в эпоху 4.0: Междунар. конф. (Томск, 19–24 апреля 2021 г.) Томск: ТГПУ, 2021. Т. 2. С. 540–545.

[52] Потемкина М. Н. Перемещение работников промышленных предприятий из прифронтовой зоны в тыл в 1941–1942 гг.: эвакуация или мобилизация? // Великая

Новосибирский исследователь В. А. Исупов в своих работах рассматривает вопросы демографии. Автор уделяет внимание численности, составу и воспроизводству населения на территории Сибири и Кузбасса, делает акцент и на процессе эвакуации населения, так как она имела прямое воздействие на демографические тенденции в регионе[53]. Отдельно стоит отметить совместную работу В. А. Исупова с Л. И. Снегиревой, посвященной эвакуированным ленинградцам на территорию Новосибирской области. В исследовании уделяется внимание многих аспектам жизни эвакуированного населения, затрагиваются вопросы обеспечения жильем, продуктами питания, одеждой, приводятся данные о численности данной категории населения на территории области, обозначается особое отношение к ленинградцам и их потребностям со стороны местных властей, а также жителей[54].

Кузбасские историки К. А. Заболотская и А. В. Бельков в работе, посвященной демографическим тенденциям индустриального Кузбасса (в конце XIX в. – начале XXI в.), косвенно уделяют внимание процессу эвакуации гражданского населения на территорию региона. При этом

Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей II Международной научной конференции. Казань, 09–10 апреля 2025 года. Казань: Академия наук Республики Татарстан. 2025. С. 346–352; Ее же. Организационный опыт эвакуации промышленных предприятий в 1941–1942 гг.: проблемы и результаты // Уральский исторический вестник. 2025. № 1(86). С. 62–70; Ее же. Демографический аспект эвакуации населения в советский тыл в годы Великой Отечественной войны // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сборник статей X Уральского демографического форума. Екатеринбург, 10–11 июня 2019 года: в 2 т. Т.2. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН. 2019. С. 139–143; Ее же. Органы руководства эвакуационным процессом: российский опыт Первой и Второй мировых войн // Опыт мировых войн в истории России: сборник статей. Челябинск: Каменный пояс. 2007. С. 73–82; Ее же. Психологический аспект эвакуации в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16(270). С. 58–61.

[53] Исупов В. А. Население Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: численность, состав, воспроизводство // Российская история. 2010. № 4. С. 69–84; Исупов В. А., Коробейникова Н. С., Семенов М. А. Население западной Сибири в годы Второй Мировой войны: 1939–1945 гг. // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 143–168.

[54] Исупов В. А., Снегирева Л. И. Эвакуированные ленинградцы: Новосибирская область // Побратимы: Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается. М.: Политическая энциклопедия. 2019. С. 727–780.

исследователи обращают внимание на сложность подсчета точного количества эвакограждан и проводят цифру – 209 049 эвакуированных граждан на январь 1943 г.[55]. В другом труде авторы приводят данные об изменении численности и социального состава населения Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. Исследователи показывают процентное соотношение эвакуированных граждан и местного населения в городах и районах области, а также поднимают вопросы неравномерности распределения данной категории граждан на территории региона[56].

Значимый вклад в изучение эвакуации населения на территорию Западной Сибири внес М. П. Беленко. В своей диссертации автор рассмотрел численность и состав эвакуированного населении на территории региона, включая Кузбасс. Помимо этого, Михаил Павлович уделил внимание не только процессу транспортировки и размещения эвакограждан, но и их дальнейшего обустройства. Автор рассмотрел вопросы трудоустройства, продовольственного, вещевого и медицинского обеспечения[57]. Также следует упомянуть и другие работы автора, касающиеся эвакуированного населения[58].

В своих работах Ю. А. Мелехова поднимает вопросы организации учета эвакуированного населения, продовольственного, материально-бытового и медицинского обеспечения данных граждан, уделяет внимание историографии и источникам исследования данной темы. Юлия

[55] Заболотская К. А., Бельков А. В. Демографические тенденции индустриального Кузбасса (конец XIX – начало XXI в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 22–26.

[56] Бельков А. В., Заболотская К. А. Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории 1920–2015 гг. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. 113 с.

[57] Беленко М. П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект (1941–1943 гг.): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 204 с.

[58] Беленко М. П. Численность и состав эвакуированного в Западную Сибирь гражданского населения (1941–1943 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. № S1. С. 154–159; Его же. Источники по численности гражданского населения, эвакуированного в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 2. С. 88–92.

Александровна активно занимается вопросами эвакуации гражданского населения, однако в основном рассматривает территорию Алтайского края[59]. Данные работы имеют выраженный социальный характер, в них на первом месте определяются проблемы эвакуированного населения и способы их решения.

С. В. Зяблицева в своих работах затрагивает культурную сферу Западной Сибири и ее трансформацию в связи с влиянием эвакуационного процесса. Светлана Владимировна в первую очередь уделяет внимание музыкально-театральной жизни Сибирского региона, в том числе Кузбасса, рассматривает кадровый, эстетический, художественно-просветительский и образовательный аспекты[60].

Отдельного внимания заслуживает фундаментальный труд кузбасского историка А. Б. Коновалова, который, используя обширный архивный материал, изучил историю Кузбасса от начала Великой Отечественной войны до 1964 г. Александр Борисович уделил внимание не только эвакуации

---

[59] Мелехова Ю. А. Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края): дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 325 с.; Ее же. Историография и источники исследования эвакуации населения на территорию Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Гуляевские чтения: девятая и десятая историко-архивная конференция. Барнаул, 8 декабря 2015 г. – 13 декабря 2018 г. Барнаул, 2018. С. 146–155; Ее же. Материально-бытовое обеспечение эвакуированных граждан в 1941–1943 гг. на примере Алтайского края // Актуальные вопросы гуманитарных наук: Всероссийская научно-практическая конференция. Кемерово, 31 октября 2014 г. Кемерово: КузГТУ, 2014. С. 183–189; Ее же. Медико-санитарное обслуживание воспитанников эвакуированных детских учреждений в 1941–1943 гг. (на примере Алтайского края) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 4. С. 408–411; Ее же. Организация учета эвакуированного населения в 1941–1943 гг. (по материалам Алтайского края) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–2. С. 171–175; Ее же. Продовольственное обеспечение эвакуированных граждан в 1941–1943 годах (на материалах Алтайского края) // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 2. С. 148–155.

[60] Зяблицева С. В. Влияние эвакуационного процесса на театральную сферу Западной Сибири периода Великой Отечественной войны // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Всероссийская научно-практическая конференция «VI Емельяновские чтения». Курган, 26–28 апреля 2012 г. Курган: КГУ, 2012. С. 237–239; Ее же. Эвакуация 1941–1942 гг. как фактор перемен в культурной жизни Западной Сибири // Вопросы истории. 2016. № 2. С. 126–136; Ее же. Социокультурный потенциал Западной Сибири и практика его реализации (1920 – середина 1950-х гг.): монография. Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2011. 469 с.

промышленных объектов и населения на территорию региона, но и социальным аспектам тыловой повседневности. Исследователь подробно охарактеризовал состояние здравоохранения, проблемы развития городского хозяйства, системы образования и научных исследований, упомянул организацию продовольственного и промтоварного снабжения населения, социальное обеспечение, развитие культурной сферы. Описывая условия жизни населения, автор сделал акцент и на эвакуированных гражданах[61].

Помимо данного труда стоит упомянуть большое количество работ автора, связанных с вопросом образования Кемеровской области в 1943 г. Так как выделение Кузбасса из Новосибирской области было напрямую связано с процессом эвакуации промышленности и гражданского населения, то на них также стоит обратить внимание[62].

Поскольку Кузбасс до января 1943 г. был частью Новосибирской области, то внимания заслуживают работы, посвященные истории данного региона, в рамках которых значимое место отведено периоду Великой Отечественной войны, в том числе проблеме эвакуации[63]. Помимо научных исследований появляются учебные пособия по истории Кузбасса, в которых отражен процесс эвакуации населения. В них приводятся данные о количестве эвакуированных граждан по городам и районам Кузбасса, однако

---

[61] Коновалов А. Б. История Кузбасса: В 3 т. Т. 3. Кузбасс от начала Великой Отечественной войны до распада СССР (1941–1991). Книга 1. 1941–1964. Кемерово: ArtAvis, 2024. 568 с.

[62] Коновалов А. Б. Объективные и субъективные факторы становления Кемеровской области (1943–1945) // 65-летие Сталинградской битвы и Кемеровской области: сборник научных трудов, Кемерово, 21 февраля 2008 года. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 230–239; Его же. История создания Кемеровской области в 1943 году: иллюстрированный очерк. Кемерово: ООО «Принта», 2015. 28 с.; Его же. Образование Кемеровской области в 1943 г.: документальные источники, ход и участники процесса // Кузбасс – 75: Материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной юбилею Кемеровской области, Кемерово, 25 января 2018 года / Отв. ред. С. П. Звягин; ред. кол.: А. В. Блинов. Кемерово: Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, 2018. С. 56–59; Его же. Создание Кемеровской области: факты и участники (1943–1945): иллюстрированный очерк. Кемерово: ООО «Принта», 2018. 36 с.

[63] История Новосибирской области: история России через историю регионов: учебное пособие / Андреенков С. Н. [и др.]. М.: Интеграция: Образование и Наука, 2017. 382 с.

вопросы социально-бытового обслуживания данной категории населения затрагиваются фрагментарно[64].

В исторической энциклопедии Сибири приводятся данные о количестве эвакуированных предприятий и населения в сибирских регионах, выделяются этапы эвакуационного процесса, обозначаются вопросы обеспечения эвакограждан жильем, питанием, медицинской помощью. В работе отмечено, что сибирские города были не готовы к приему большого количества людей, которых селили не только в домах местных жителей («уплотнение»), но и в неприспособленных помещениях (подвалы, чердаки, землянки с двухъярусными нарами)[65].

Также исследователями был подготовлен ряд работ, посвященных истории городов Кузбасса, в том числе в годы Великой Отечественной войны, в которых отражен эвакуационный процесс. Кроме того, стоит выделить работы, которые отражают именно перебазирование промышленности на территорию региона, поскольку эвакуация населения была напрямую связана с данным процессом[66].

---

[64] История Кузбасса / Звягин С. П. [и др.]. Кемерово: Кемеровский технологический институт пищевой промышленности (университет), 2014. 368 с.; История Кузбасса. Кемерово: Скиф, 2006. 360 с.

[65] Эвакуация // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 3: С–Я. С. 557–558.

[66] Карсакова А. Н. Размещение и ввод в действие эвакуированных промышленных предприятий в Сталинске Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны // Омский научный вестник. 2011. № 2(96). С. 17–20; Ленинск-Кузнецкий: страницы истории: в 2 т. Т. 2. 1941–2014 / А. М. Адаменко [и др.]. Новосибирск: Приобские ведомости, 2014. 349 с.; Перескокова М. В. Промышленность города Белово в измерении военного времени // Шахтерские города Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Материалы региональной научно-практической конференции, Прокопьевск, 28 мая 2015 года / науч. ред. А.Б. Коновалов. Прокопьевск: Кузбассвузиздат, 2015. С. 110–116; Чекина Л. И. Все для фронта, все для победы: о работе промышленных предприятий Анжеро-Судженска в годы войны // Шахтерские города Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Материалы региональной научно-практической конференции, Прокопьевск, 28 мая 2015 года / науч. ред. А. Б. Коновалов. Прокопьевск: Кузбассвузиздат, 2015. С. 73–81; Город Кемерово. Страницы истории (1918–1991 годы) / И. Ю. Усков [и др.]. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2023. 383 с.; Ермолаев А. Н., Зеленин А. А., Овчинников В. А. Кузбасс – Донбасс: из истории взаимодействия регионов в годы Великой Отечественной войны // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2023. № 2(85). С. 113–119.

Отдельно стоит упомянуть исследования, в которых отражены разные аспекты бытовой обустроенности эвакуированных граждан на территории Сибири и Кузбасса. После прибытия эваконаселения в тыловые регионы перед местными органами власти встала задача обеспечения их жильем, продуктами питания и вещами первой необходимости. Не менее важными были вопросы трудоустройства и оказания необходимой медицинской и материальной помощи эвакогражданам. Данные аспекты нашли свое отражение в работах Г. В. Акименко, Н. С. Головань, Ю. А. Давыдовой, М. С. Зинич, Т. А. Кискидосовой, О. В. Морозовой, Е. Н. Семеновой, О. А. Черемных[67].

На втором этапе данного периода историографии появился целый ряд новых работ, посвященных эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны. Исследователи обратились к теме повседневности, раскрывая условия жизни и быта эвакуированного населения. Наряду с этим активно разрабатывались политические и экономические аспекты эвакуационного процесса.

Таким образом, историографический обзор литературы по проблеме показывает наличие большого количества работ, посвященных теме эвакуации населения и промышленных мощностей в тыловые регионы в

[67] Акименко Г. В. Продовольственное снабжение Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 3. С. 391–400; Головань Н. С. Жилищно-бытовые условия городского населения Кузбасса (1941–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–4(62). С. 17–20; Давыдова Ю. А. Структура и динамика медико-санитарной сети в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 3. С. 42; Зинич М. С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны: монография. М.: Центр гуманитарных наук, 2019. 347 с.; Кискидосова Т. А. Бытовые условия эвакуированного населения в Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2025. № 5(43). С. 94–107; Морозова О. В. Состояние медицинского обслуживания в Сталинске в годы Великой Отечественной войны // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 1. С. 128–137; Семенова Е. Н. Трудоустройство членов семей военнослужащих в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 9 (99). С. 58–63; Черемных О. А., Шевляков А. С. Санитарные мероприятия и благоустройство в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 182–190.

годы Великой Отечественной войны. В советский период проблема эвакуации населения не получила комплексного исследования. Особое внимание уделялось экономическим аспектам эвакуационного процесса. Социальные аспекты (прием, размещение, обустройство) эвакуированного населения остались на периферии исследовательского внимания. В постсоветский период произошло расширение тематики: появились работы по обустройству, трудоустройству и медицинскому обслуживанию эвакограждан. Стоит отметить, что традиционным объектом изучения выступало эвакуированное население, а основными сюжетами – прием, размещение и обустройство. Несмотря на явное преобладание регионального подхода, до сих пор не сложилась традиция комплексного учета всех факторов, влияющих на эвакуацию. Практически не исследованы такие аспекты, как борьба за человеческие ресурсы и конфликты между руководителями разных уровней за распределение эвакуированных.

Несмотря на обилие публикаций, комплексного исследования приема, размещения и обустройства населения в Кузбассе периода Великой Отечественной войны до сих пор не создано. Отсутствует обобщенная информация о размещении и численности эвакуированных, недостаточно изучены вопросы их жилищного, материально-бытового и медико-санитарного обеспечения.

Цель диссертационного исследования – выявить специфику приема, размещения и социально-бытового обслуживания эвакуированного населения на территории Кузбасса в годы Великой Отечественной войны.

В соответствии с поставленной целью следует решить ряд исследовательских **задач:**

1. Выделить направления деятельности партийно-государственных органов и установить роль нормативно-правовых и делопроизводственных документов, связанных с эвакуационным процессом;

2. Определить специфику приема в населенных пунктах Кузбасса персонала эвакуированных предприятий;
3. Установить организационные формы приема и учета эвакуированных граждан;
4. Оценить уровень обеспеченности эвакуированных граждан жильем;
5. Выявить основные проблемы трудоустройства эвакуированного населения;
6. Определить место и роль материально-бытового снабжения и медико-санитарного обслуживания в системе обустройства эвакуированного населения.

Объектом исследования является эвакуированное население, прибывшее на территорию Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. Под эвакуированными гражданами в данной работе понимаются лица, вывезенные (или выехавшие) из прифронтовой полосы в тыл по решению государства или в силу личных обстоятельств, с целью сохранения жизни и обеспечения трудовых ресурсов.

Предметом исследования является организация приема, размещения эвакуированных граждан, их бытовое и трудовое устройство.

Территориальные рамки исследования. Как известно, термин Кузбасс появился в 1920-е гг. и первоначально применялся для локализации экономико-географического района с богатыми месторождениями каменного угля. В диссертации мы отождествляем территорию Кузбасса с территорией Кемеровской области, которая была образована в январе 1943 г. В это время область включала в себя следующие города: Кемерово, Сталинск, Прокопьевск, Анжеро-Судженск, Белово, Киселевск, Ленинск-Кузнецкий, Осинники, Тайга и районы: Анжеро-Судженский, Барзасский, Беловский, Гурьевский, Зырянский, Ижморский, Кемеровский, Киселевский, Крапивинский, Кузедеевский, Кузнецкий, Ленинск-Кузнецкий, Мариинский, Мысковский, Прокопьевский, Таштагольский, Тисульский, Титовский,

Топкинский, Тяжинский, Чебулинский, Юргинский и Яшкинский[68]. Общая территория выделяемых районов составляла 103,1 тыс. кв. км. В 1944 г. Зырянский район был включен в состав Томской области[69].

Хронологические рамки исследования охватывают период Великой Отечественной войны. Нижней границей является конец июня 1941 г., когда начался процесс эвакуации. В 1943 г. произошло завершение коренного перелома в ходе военных действий, в связи, с чем процесс эвакуации был практически завершен, однако эвакуированное население оставалось на территории Кузбасса до окончания войны. В связи с этим необходимо проследить положение эвакограждан на протяжении всего военного периода. Соответственно верхней границей исследования является май 1945 г.

Методологической основой исследования явилась совокупность основополагающих принципов, подходов и методов научного исследования. Принцип историзма предполагает исследование процесса эвакуации, организации приема и обустройства эвакуированного населения в тыловых регионах в контексте конкретных исторических условий. Кроме того, мы использовали принцип объективности, позволяющий рассматривать данную проблему на основе анализа достаточно широкого круга источников. С помощью комплексного подхода удалось представить эвакуацию как многомерное явление, включающее экономические, социальные и демографические аспекты. В диссертации использовался и микроисторический подход, который позволил выявить локальные практики реализации общегосударственной политики в городах и районах Кузбасса.

Большое значение для нашего исследования приобретает теория социальной мобилизации, разработанная доктором исторических наук С. А. Красильниковым. Она раскрывает функционирование механизмов государственного принуждения при перемещении и закреплении

[68] Об образовании Кемеровской области в составе РСФСР (Указ от 26 января 1943 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 5 (211) от 31 января.
[69] Усков И. Ю. Административно-территориальное деление Кузбасса. 1920–2000. Кемерово, 2000. С. 7.

человеческих ресурсов в сталинском обществе. Данная концепция позволяет интерпретировать эвакуацию населения как элемент мобилизации, в рамках которой эвакуированные были не просто «беженцами», а ресурсом, подлежащим учету, распределению и жесткому контролю со стороны государства[70].

Также стоит отметить концепцию «мобилизационного государства», разработанную доктором исторических наук О. В. Хлевнюком. В своих работах он показывает, что советское государство использовало механизмы массовой мобилизации и принуждения для решения экономических и политических задач. В годы Великой Отечественной войны эти механизмы достигли своего апогея, превратив тыл в военно-мобилизационную систему. Эвакуация населения рассматривается в рамках этой концепции не как стихийное бедствие, а как одна из форм принудительной мобилизации человеческих ресурсов для военной экономики[71].

Концепция военно-исторической антропологии разработана доктором исторических наук, профессором Е. С. Сенявской. Она представляет собой междисциплинарное направление, изучающее «человеческое измерение войны». В отличие от традиционной военной истории, сосредоточенной на стратегии, тактике и военно-экономических аспектах, военно-историческая антропология ставит в центр исследования человека – его сознание, психологию, поведение, повседневность и морально-психологическое состояние в экстремальных условиях военного времени[72].

---

[70] Красильников С. А. Раннесоветский опыт социальной мобилизации: история для теории // Уральский исторический вестник. 2018. № 4(61). С. 42–43; Его же. Сталинская модель социальной мобилизации: некоторые проблемы изучения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 10. С. 41–42.

[71] Хлевнюк О. В. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. Исследования о характере и эволюции мобилизационной системы // Российская история. 2022. № 3. С. 123–124.

[72] Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. С. 4–5; Ее же. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2002. М.: РОССПЭН. 2002. С. 6, 17.

Для эвакуированных война не закончилась на линии фронта – она продолжалась в тылу в форме психологического стресса и необходимости экстренной адаптации к новым условиям. Местные жители и эвакуированные граждане были вынуждены сосуществовать в сложных бытовых условиях. Для самих эвакуированных «чужими» оказались сибирские города, непривычный климат и быт. Военно-антропологическая концепция Е. С. Сенявской дает возможность преодолеть узкоэкономический взгляд на эвакуацию и обратиться к её «человеческому измерению».

В работе были использованы формально-логические методы: анализ и синтез – для изучения отдельных аспектов эвакуации и воссоздания целостной картины процесса; дедукция – для перехода от общих положений к их региональной реализации; индукция – для перехода от конкретных фактов к обобщениям; обобщение – для выделения типичных форм размещения и трудоустройства эвакуированных граждан.

Для достижения цели исследования использовались специальные исторические методы. Историко-генетический метод позволил определить причины и следствия эвакуации. Метод периодизации позволил выделить качественно различные этапы эвакуационного процесса. Историко-сравнительный метод дал возможность выявить региональные особенности условий приема и размещения эвакуированного населения. С помощью проблемно-хронологического метода в конкретных исторических условиях удалось определить основные задачи, которые стояли перед органами власти и способы их решения, а также раскрыть содержание отдельных направлений приема и обустройства эвакуированного населения. При определении взаимосвязи управленческих, демографических, хозяйственных и социальных аспектов использовался историко-системный метод. Для реконструкции численности, состава и размещения эвакуированного населения применялись количественные методы анализа.

Таким образом, комплексное применение изложенных методов и концепций позволило выявить особенности организации приема, размещения

и обустройства эвакуированного населения в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны, решить поставленные задачи и достичь цели диссертационного исследования.

Источниковая база исследования. Исследование опирается на большой массив разных видов исторических источников: законодательные и нормативно-правовые документы; делопроизводственные документы; статистические материалы; материалы периодической печати; воспоминания и мемуары. Часть исторических источников вводится в научный оборот впервые. Особенности информационного потенциала выделенных групп источников обусловлены спецификой их создания. Степень достоверности выделенных групп источников во многом зависела от уровня и объема полномочий органов власти. Рассмотрим основные группы источников.

1. Законодательные и нормативно-правовые документы военных лет, которые регулировали деятельность высших, региональных и местных партийно-государственных органов власти в сфере организации приема и размещения эвакуированных граждан. Данные документы (постановления, приказы, директивы, решения, инструкции, положения) были приняты ЦК ВКП(б), Верховным Советом СССР, СНК СССР, СНК РСФСР, Советом по эвакуации и народными комиссариатами). На региональном уровне советско-партийные органы власти вслед за вышестоящими инстанциями принимали соответствующие нормативно-правовые акты (постановления, решения, распоряжения) (Новосибирский областной комитет ВКП(б) и исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся, Кемеровский обком ВКП(б) и облисполком)[73].

[73] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938–1944 гг. М.: Ведомости Верховного совета СССР, 1945. 362 с.; Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. / Народный комиссариат юстиции СССР. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942. 144 с.; Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г.) / Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б); Сост. Д. Г. Кузьменко. М.: [Б. и.], 1944. 382 с.; Советское военно-политическое руководство в годы Великой Отечественной войны. Государственный Комитет Обороны СССР. Политбюро ЦК ВКП(б). Совет народных комиссаров СССР: Сб. док. / Федер. арх.

2. Делопроизводственные документы, которые отражали процесс принятия решений по эвакуации, обеспечивали информационное сопровождение приема и обустройства перемещенных граждан, содержали отчетные сведения и анализ достигнутых результатов. Среди них – стенограммы, протоколы заседаний пленумов и связанные с ними материалы бюро Новосибирского и Кемеровского областных комитетов ВКП(б), а также исполнительных комитетов областных Советов депутатов трудящихся. Кроме того, в эту группу включены планы приема и расселения эвакуированного населения по районам области, а также планы городских и районных исполнительных комитетов, бюро горрайкомов ВКП(б). Особую ценность для исследования представили отчеты инспекторских проверок о выполнении распоряжений и постановлений республиканских и союзных органов власти. Они помогли выявить специфику работы государственных и партийных органов в вопросах организации приема, обустройства и всесторонней поддержки эвакуированного населения.

Делопроизводственные документы хранятся в федеральных и региональных архивах. Основной массив источников по рассматриваемой проблеме представлен документами Государственного архива Российской Федерации (далее ГАРФ), Государственного архива Новосибирской области (далее ГАНО), Государственного архива Кузбасса (далее ГАК) и его филиала в городе Новокузнецке.

агентство, Гос. архив РФ, Рос. гос. архив соц.-полит. истории; Сост. Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк. М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. 752 с.; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 гг.; Сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1968. 754 с.; Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) В 2 т. Т.1. (Июнь 1941 г. – декабрь 1942 г.) / Партархив Кемеров. обкома КПСС, Гос. арх. Кемеров. обл.; Сост. Т. В. Высоцкая [и др.]. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1962. 230 с.; Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) В 2 т. Т. II. (Январь 1943 г. – июль 1945 г.) / Партархив Кемеров. обкома КПСС, Гос. арх. Кемеров. обл.; Сост. Т. В. Высоцкая [и др.]. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1965. 280 с.; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. 1938-1945 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1985. 576 с.

В Государственном архиве Российской Федерации отложилось большое количество документов, отражающий эвакуационный процесс. Важнейшим для изучения проблемы являются документы фонда № А-327 (Главное переселенческое управление при Совете министров РСФСР и его предшественники). Фонд позволяет ознакомиться с отчетами отделов по хозяйственному устройству эвакуированного населения в нескольких регионах Сибири, в том числе и в Кемеровской области. В документах отражены аспекты приема, размещения, хозяйственного обслуживания эвакограждан, приводятся заявления, жалобы семей эвакуированных и докладные записки уполномоченных СНК РСФСР о результатах проверок. Также документы раскрывают особенности взаимодействия государственных органов в решении вопросов приема. Помимо этого, в данном фонде содержится уникальная информация по размещению эвакуированных граждан на территории Кузбасса.

В период с 24 июня по 25 декабря 1941 г. в стране действовал Совет по эвакуации при Совете народных комиссаров СССР, документы которого отложились в ГАРФ (Ф. Р-6822). В фонде присутствует большое количество данных, касающихся проблемы эвакуационного процесса. Большинство документов представлено по наркоматам. Для региона актуальными являются архивные документы по эвакуации предприятий по следующим наркоматам: боеприпасов, цветной металлургии, черной металлургии. Важным источником информации по проблеме эвакуации населения является переписка Совета с органами региональной власти. В ней содержатся не только данные о количественных и качественных показателях эвакуируемого населения, но и о тех проблемах, которые возникали в процессе вынужденного перемещения значительных масс людей.

Материалы, представленные в Государственном архиве Российской Федерации, позволяют в общих чертах проследить процесс эвакуации гражданского населения в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны,

однако для получения более точных и полных сведений необходимо обратиться к документам региональных архивов.

В связи с тем, что Кемеровская область до 26 января 1943 г. входила в состав другого региона, интерес представляют материалы Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), в частности фонд Р-1030 «Отдел по хозяйственному устройству эвакуированных и переселенцев при Исполнительном комитете Новосибирского областного Совета народных депутатов, г. Новосибирск, 1937–1946 гг.». Фонд содержит постановления Совета по эвакуации при Совете народных комиссаров СССР, а также постановления и распоряжения областного исполнительного комитета, связанные с обслуживанием эвакуированного населения. Большой интерес представляют сведения по разным годам о количестве прибывших эвакограждан в районы и города Новосибирской области. В результате их изучения возможно установить наиболее точные данные о количестве эвакограждан, находившихся на территории Кузбасса в период 1941–1942 гг.

Заслуживают также внимания тексты докладов заведующих отделами хозяйственного устройства эвакуированного населения на территории области на межобластных совещаниях, а также докладные записки и справки. Изучая данные документы, можно в целом проследить развертывание процесса эвакуации граждан в регионе, а также обнаружить проблемы, с которыми приходилось сталкиваться властям и перемещенным лицам. В указанных фондах мы можем найти множество отчетов и докладов о хозяйственном и трудовом устройстве жизни переселенцев, их медицинском обслуживании, продовольственном снабжении.

В ГАНО также были изучены фонды П-4 «Новосибирский областной комитет ВКП(б)» и Р-1020 «Новосибирский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет». В них содержатся сведения об эвакуации предприятий промышленности, о размещении эвакогоспиталей, а также о расселении и трудоустройстве временно перемещенных с оккупированных территорий граждан.

В Государственном архиве Кузбасса (ГАК) сохранилось значительное количество документации по интересующей нас проблеме. Для получения объективных данных, связанных с процессом эвакуации населения в г. Кемерово, автор изучил документы фонда Р-57 «Кемеровское городское бюро по принятию и устройству эвакуированных». В фонде имеется список эвакограждан по г. Кемерово с указанием дополнительной информации (место выбытия, год рождения, национальность, место работы до эвакуации, профессия, адрес регистрации по месту эвакуации), также представлены информационные запросы, касающиеся эвакограждан, и ответы на них.

Работа с фондами Кемеровского обкома ВКП(б) (П-75) и Кемеровского облисполкома (Р-790), а также с фондами городских и районных комитетов партии и городских и районных исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся Кузбасса позволила собрать информацию об организации приема, особенностях расселения эвакограждан, проследить способы решения проблем, связанных с бытовым обустройством эвакуированного населения.

В филиале Государственного архива Кузбасса в г. Новокузнецке хранятся документы промышленных предприятий, которые функционировали либо были созданы в городе в годы Великой Отечественной войны. В связи с этим представляется возможным на их основе изучить конкретные аспекты жизни эвакуированного населения.

Стоит отметить, что Кузбасс был выделен в самостоятельную административно-территориальную единицу в составе РСФСР только 26 января 1943 г., когда процесс эвакуации был практически завершен. В связи с этим в фондах Государственном архива Кузбасса и его филиала в г. Новокузнецке отложилась не вся информация, касающаяся эвакуационного процесса.

Также большой объем делопроизводственной документации опубликован в сборниках архивных документов. Можно привести в пример издание «Путь к Победе», где представлены материалы по эвакуации

промышленных предприятий в Челябинскую область[74]. Необходимо отметить фундаментальный трехтомный труд «Во имя Победы», подготовленный учеными Томского государственного педагогического университета Л. И. Снегиревой, Т. А. Сафоновой. В первом томе содержатся документы, отражающие деятельность органов власти Западной Сибири в процессе эвакуации населения. Второй том включает информацию, связанную с условиями жизни данных граждан на новых местах. Третий том посвящен проблемам эвакуации детей[75].

В 2025 г. был опубликован сборник документов, отражающий процесс эвакуации и реэвакуации гражданского населения, промышленных предприятий, организаций социокультурной сферы из прифронтовой полосы в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кузбасскими историками А. В. Блиновым, М. А. Орловым, И. Ю. Усковым был собран уникальный материал на основе фондов Государственного архива Кузбасса, в котором отразились вопросы приема и устройства эвакограждан на территории региона, представлен список эвакуированных организаций[76].

Ориентироваться в массиве делопроизводственных документов помогают тематические перечни, составленные сотрудниками Архивного управления и Государственного архива Кузбасса. Документы в них систематизированы по территориальному и тематическому принципу, снабжены точными поисковыми данными (фонд, опись, дело, лист). Особую

[74] Путь к Победе: эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов / Гос. ком. по делам архивов Челяб. обл., Объед. гос. архив Челяб. обл.; редкол.: Н. А. Антипин [и др.]. Санкт-Петербург: Первый ИПХ, 2020. 398 с.

[75] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 360 с.; Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 2 «На сибирской земле» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 377 с.; Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 3 «Спасенное детство» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 398 с.

[76] Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. Кемерово, 2025. 276 с.

ценность представляет раздел «Эвакуация и реэвакуация» во второй части перечня[77].

3. Статистические материалы связаны с учетом количества эвакуированных граждан, размещенных в городах и районах области в разные годы войны. Статматериалы включают в себя сведения о национальном составе прибывших, их трудоустройстве, а также информацию о местах выхода эвакуированного населения. Статистические данные содержатся в фондах архивов. Например, в Государственном архиве Кузбасса в фонде Р-304 «Кемеровский областной комитет государственной статистики Государственного статистического комитета» находятся документы, в которых отражены данные о численности эвакограждан в городах и районах Кузбасса. В фонде Ф. Р-1030 Государственного архива Новосибирской области размещены статданные, касающиеся мест выхода и национального состава эвакограждан, их трудоустройства и размещения в городах и районах области. Кроме того, интерес представляют статистические сборники, содержащие данные о социально-экономическом развитии Кемеровской области, в том числе и в годы Великой Отечественной войны[78].

К этой же группе источников можно отнести структурированную базу данных «Эвакуация населения в Кемеровскую область в годы Великой Отечественной войны»[79]. Она содержит систематизированные

---

[77] Тематический перечень документов: История Кемеровской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: https://arhiv42.ru/pictures/20181204071437perecen2018.pdf (дата обращения: 20.11.2025); Тематический перечень документов: История Кемеровской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ч. 2. URL: https://arhiv42.ru/pictures/20260324080012Perechen_2026_chast2.pdf (дата обращения: 14.04.2026)

[78] Кемеровская область в цифрах 1965–1975 гг.: статистический сборник. Кемерово: Книжное изд-во, 1977. 116 с.; Кузбасс. История в цифрах: статистический сборник. Кемерово: [б. и.], 2008. 322 с.; Кемеровская областная организация КПСС в цифрах, 1943–1974. Кемерово: Кн. изд-во, 1975. 110 с.

[79] База данных Государственного архива Кузбасса (ГАК): «Эвакуация населения в Кемеровскую область в годы Великой Отечественной войны» URL: http://arhfond.arhiv42.ru/database/7 (дата обращения: 01.11.2025).

количественные сведения о численности эвакуированных граждан, их распределении по городам и районам области. Наличие поисковых инструментов позволяет исследователю оперативно работать с большим количеством информации.

4. Периодические издания. Автором были проанализированы центральные, региональные, городские и районные газеты. На страницах изданий размещались тексты указов, распоряжений и решений государственных органов власти, связанных с процессом эвакуации и дальнейшим обустройством эвакуированного населения на местах. Освещался и сам процесс эвакуации, подчеркивалась его значимость для скорейшей победы.

В центральных газетах в основном можно встретить редакционные статьи, отражающие официальную позицию государства по вопросу эвакуации. Их главной целью являлось поднятие боевого духа и призыв населения тыловых регионов к помощи эвакуированным гражданам.

В региональных и местных газетах, помимо официальной информации, публиковались корреспондентские статьи, касающиеся разных сторон жизни эвакуированных граждан. Из них можно узнать о продовольственном и вещевом снабжении прибывшего населения, их бытовом обустройстве и социальном статусе.

Публикации в периодической печати в годы Великой Отечественной войны имели агитационную и пропагандистскую направленность, однако в них содержатся важные сведения об особенностях эвакуационного процесса на местах. На страницах «Правды», «Известий» «Советской Сибири», «Кузбасса», «Большевистской стали» и других газет можно встретить призывы к качественной организации приема данной категории населения на местах, о сборе вещей и продуктов для эвакуированных граждан, о помощи эвакуированным детям, а также сведения о ненадлежащем обслуживании эвакограждан. Данные вопросы часто

обсуждались на самом высоком уровне, что свидетельствует об особом положении эваконаселения[80].

5. Мемуары и воспоминания эвакуированных граждан передают не только факты, но и их личные переживания, эмоции и психологическое состояние. Кроме того, они позволяют раскрыть бытовые условия проживания прибывших граждан, определить проблемы, с которыми они сталкивались на новых местах. Воспоминания отложились в фондах архивов[81], на электронных ресурсах[82], а также публиковались в отдельных сборниках, посвященных истории Великой Отечественной войны[83].

6. Электронные библиотеки, созданные Архивным управлением и Государственным архивом Кузбасса, занимают особое место в совокупности исторических источников. Они регулярно пополняются сканами архивных документов и периодических изданий, носят комплексный и разноплановый характер. В них представлены нормативно-правовые, делопроизводственные документы, периодические издания, воспоминания и мемуары. Эти ресурсы нацелены на широкую популяризацию событий и фактов Великой Отечественной войны.

---

[80]Забота об эвакуированном населении // Правда. 1941. № 350 от 18 декабря; Вовлечь в производство рабочих // Известия. 1941. № 306 от 27 декабря; Для дорогих гостей // Советская Сибирь. 1941. № 304 (6873) от 24 декабря; Улучшить политическую работу на вокзалах // Советская Сибирь. 1941. № 305 (6874) от 25 декабря; О выполнении задач, поставленных товарищем Сталиным в докладе от 6 ноября 1941 года. Из доклада тов. Кулагина М. В. на VI пленуме Новосибирского обкома ВКП(б) // Советская Сибирь. 1942. № 14 (6894) от 17 января; Эвакуированным детям // Советская Сибирь. 1942. № 27 (6907) от 1 февраля; О сохранении непрерывного стажа работы за эвакуированными рабочими и служащими // Кузбасс. 1942. № 47 (4818) от 17 мая; 15 сессия Сталинского горсовета // Большевистская сталь. 1942. № 17 (3107) от 8 января; Картофель эвакуированным // Большевистская сталь. 1942. № 179 (3269) от 29 декабря и др.

[81] Из воспоминаний Д. А Багмута, главного инженера завода «Кузбассэлектромотор» // ГАК Ф. П-483. Оп. 1. Д. 168. Л. 1–4; Из воспоминаний М. М. Лапшиной о работе эвакуированных в Кемерово предприятий в годы войны // ГАК. П-483. Оп. 1. Д. 208. Л. 1–9.

[82] «Дети войны». URL: https://детивойны42.рф/ (дата обращения: 29.01.2026).

[83] Этот день мы приближали, как могли: сборник документальных материалов/ Отв. ред. В. А. Сергиенко. Кемерово, 2005. 261 с.; Герои тыла / Редкол.: В. С. Балахонов [и др.]; Кемерово: ООО «Примула», 2012. 460 с.; В памяти сердца эхо войны: сборник документальных материалов / Отв. ред. Турбаба О. В. Кемерово, 2020. 352 с; Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. 458 с.

К числу таких ресурсов относятся электронные библиотеки «Вклад Кузбасса в Победу», «Эвакуация из Ленинграда и Ленинградской области в Кузбасс», «Кузбасс – Донбасс»[84]. Однако при использовании электронных библиотек необходимо учитывать их недостатки. Отбор документов для оцифровки осуществляется архивистами, что неизбежно вносит элемент субъективности: в электронную коллекцию могут попасть не все доступные документы, а лишь те, которые составители сочли наиболее важными и показательными. Кроме того, документы в таких библиотеках часто представлены в случайном, тематически не структурированном порядке, что затрудняет их анализ. Отсутствие развернутых предисловий и пояснений к опубликованным документам снижает научную ценность этих ресурсов.

Разнообразие исторических источников дает возможность максимально подробно и детально изучить процесс эвакуации населения в Кузбасс, проследить условия его приема, размещения и обустройства. Комплексное использование законодательных и нормативно-правовых документов, делопроизводственной документации, статистических материалов, электронных ресурсов, периодической печати и воспоминаний позволяет не только воссоздать целостную картину эвакуационного процесса в регионе, но и выявить его специфику.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в определении особенностей эвакуационного процесса на примере Кузбасса – крупного индустриального региона на востоке страны. Уточняется представление о Кузбассе как особом тыловом пространстве, где прием эвакуированного населения был тесно связан с перебазированием

[84] Электронная библиотека Архивного управления Кузбасса: «Вклад Кузбасса в Победу». URL: https://kuzbassarchives.ru/vklad-kuzbassa-v-pobedu/ (дата обращения 25.01. 2026). Электронная библиотека Государственного архива Кузбасса (ГАК): «Эвакуация из Ленинграда и Ленинградской области в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны». URL: http://arhfond.arhiv42.ru/database/11?page=4 (дата обращения 24.01.2026); Электронная библиотека Государственного архива Кузбасса (ГАК): «Кузбасс – Донбасс» URL: http://arhfond.arhiv42.ru/database/8?sort=content (дата обращения 28.01.2026)

предприятий, что проявилось в одновременной реализации задач жизнеобеспечения населения и производственных задач военной экономики.

В исследовании показано, что размещение эвакуированного населения определялось не только количественным, но и пространственно-структурным измерением (зависело от отраслевого профиля города, наличия эвакуированных предприятий, жилого фонда, транспортной доступности, состояния местной социальной инфраструктуры).

Выделено противоречие в использовании эвакуированного населения в хозяйственной жизни региона: с одной стороны, прибывшие контингенты рассматривались как важный трудовой ресурс в производственной и социальной сферах, с другой стороны, эффективность их использования снижалась, а адаптация осложнялась вследствие возникавших дефектов системы учета, дефицита жилья, несоответствия полученной квалификации выполняемым трудовым функциям.

Выделены критерии периодизации и определены четыре этапа эвакуационного процесса в Кузбассе периода Великой Отечественной войны. Впервые на региональном уровне качественная характеристика временных интервалов эвакуации определяется комплексом факторов, в числе которых интенсивность и источники притока населения, специфика форм управления эвакуацией, характер связи между перебазированием предприятий и размещением населения, изменение демографического состояния городов и районов Кузбасса, состояние инфраструктуры жизнеобеспечения, военно-политическая ситуация в стране.

Положения, выносимые на защиту:

1. В системе управления эвакуацией населения в Кузбасс в 1941–1942 гг. выделяются стратегический, тактический и оперативный уровни, которые находились между собой в постоянном взаимодействии. К стратегическому уровню относились Совет по эвакуации, Комитет разгрузки, Переселенческое управление при СНК, а после его реорганизации – Управление по эвакуации населения. На тактическом уровне полномочия

осуществлялись областной комиссией по вопросам размещения эвакуированного населения при Новосибирском облисполкоме, уполномоченный Управления по эвакуации населения по Новосибирской области. Оперативный уровень был представлен «тройками» при местных органах государственной власти, уполномоченными управления эвакуации по городам Кузбасса, а также председателями городских и районных исполкомов Советов. Контрольно-надзорные функции за эффективностью системы управления эвакуацией населения на стратегическом уровне осуществлялись ГКО СССР и аппаратом ЦК ВКП(б), на оперативном и тактическом – областными, городскими и районными комитетами ВКП(б).

2. С образованием в январе 1943 г. Кемеровской области была проведена перестройка системы работы с перемещенным в регион населением: тактический уровень управления обеспечивался созданным в Кемеровском облисполкоме отделом по хозяйственному обустройству эвакуированных граждан. В период 1943–1945 гг. основные усилия органов региональной и местной власти сосредотачивались на обустройстве, адаптации и создании условий для реэвакуации новоприбывших жителей. Исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся обеспечивали непосредственное решение вопросов по материально-бытовому снабжению и медико-санитарному обслуживанию населения.

3. Организация эвакуационного процесса проводилась на основе выстроенной иерархии нормативно-правовых и делопроизводственных документов: по степени юридической силы наибольшее значение имели постановления ГКО СССР и совместные постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, правительственные постановления, постановления Совета по эвакуации при СНК СССР. Вносимые изменения в нормативно-правовые акты обусловливались целым комплексом обстоятельств – динамикой эвакуационного процесса, наличием дублирующих звеньев в системе управления эвакуацией, содержанием негативной информации о

проблемах в перемещении граждан, которая отражалась в справках и отчетах партийно-советских органов власти регионального и местного уровней.

4. Региональная специфика эвакуационного процесса заключалась в приоритетном перемещении в Кузбасс персонала промышленных предприятий, потенциал которых усиливал отраслевую специализацию городов (угольную, металлургическую, химическую, машиностроительную). Прием эвакуированного населения был сопряжен с задачей скорейшего ввода предприятий в эксплуатацию, вследствие чего инженерно-технический персонал и члены их семей размещались в соответствии с логикой экономической целесообразности, а не социальной политики.

Формирование в предвоенные пятилетки комплекса промышленных предприятий в городах Кузбасса обусловило высокий процент трудоустройства эвакуированного населения (от 81,7 % в Тайге до 100 % в Киселевске на 01.01.1943 г.), в отличие от сельских районов, где возможность трудоустройства была значительно ниже (Тяжинский – 47,4 %, Беловский район – 61,1 %).

5. Формы приема и учета эвакуированного населения в Кузбасса отражали сочетание централизованных и местных практик регистрации и распределения прибывших граждан. При этом качество учета было невысоким, что проявлялось в значительном расхождении количественных оценок размещенных контингентов по городам и районам, в трудностях реконструкции численности эвакуированных в рамках заданных временных интервалов (квартал, полугодие, год).

6. Жилищное обеспечение эвакуированного населения рассматривалось как наиболее важный критерий эффективности деятельности местных органов власти. Уровень решения жилищной проблемы зависел от ряда факторов: экономической специфики населенного пункта, состояния и структуры имевшегося жилого фонда, количественных масштабов (на определенный период времени) притока эвакуированных, ресурсных

возможностей местных партийно-советских руководителей и директорского корпуса промышленных предприятий.

7. Трудоустройство эвакуированного населения нацеливалось на вовлечение человеческих ресурсов в систему бесперебойного обеспечения военной экономики региона и на социальную адаптацию контингентов, перемещенных в глубокий тыл из прифронтовых территорий. Эффективность трудоиспользования эвакуированного в Кузбасс населения снижалась из-за отсутствия системы учета профессионального состава кадров и оценки потребностей в них по городам и районам региона. Затруднял закрепление эвакуированных кадров и высокий уровень географической мобильности прибывших контингентов, а также запущенный с осени 1943 г. процесс реэвакуации населения.

8. Материально-бытовое и медико-санитарное обслуживание можно рассматривать как системообразующие элементы социальной адаптации эвакуированного населения, которая в Кузбассе имела свою специфику: установлены различия в моделях снабжения контингентов между городом и деревней, в степени внимания местных органов власти к эвакуированному населению. По уровню и времени адаптации к тыловой среде можно выделить контингенты крупных городов (Сталинск, Кемерово, Прокопьевск), средних и малых городов, сельских районов.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении специфики эвакуации как многоуровневого социального процесса, который сочетал в себе функции внутренней вынужденной миграции, формы мобилизационного перераспределения трудовых ресурсов и механизм системной трансформации экономики индустриального тылового региона.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что результаты исследования могут быть востребованы органами власти при реализации мероприятий по эвакуации населения в условиях чрезвычайных ситуаций. Кроме того, выводы и рекомендации диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке научно-популярных,

учебно-методических, краеведческих изданий, научных публикаций и фундаментальных обобщающих трудов по истории Великой Отечественной войны.

Достоверность исследования обеспечивается использованием широкого круга исторических источников и трудов предшественников, а также применением различных подходов к изучению проблемы эвакуации населения на территорию Кузбасса в годы Великой Отечественной войны.

Апробация результатов. В процессе подготовки диссертационной работы основные научные результаты изложены в 10 статьях[85], 4 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах,

[85] Стародубцев Е. Ю. Эвакуация промышленности и гражданского населения в г. Новокузнецк в годы Великой Отечественной войны // Актуальные вопросы истории, археологии, философии, международных отношений и туризма: Материалы симпозиума в рамках XVIII (L) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей», Кемерово, 20–22 апреля 2023 года. Том Выпуск 24. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023. С. 35–37; Его же. Эвакуация промышленности и гражданского населения в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: стратегический аспект // Теория и практика стратегирования: Сборник избранных научных статей и материалов VI Международной научно-практической конференции, Кемерово-Мариинск-Киселевск-Прокопьевск-Гурьевск-Новокузнецк-Москва, 19–21 марта 2023 года / Под научной редакцией В. Л. Квинта. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023. С. 184–188; Его же. Стратегическое значение процесса эвакуации промышленных объектов и гражданского населения в Г. Прокопьевск в годы Великой Отечественной войны // Теория и практика стратегирования: Сборник избранных научных статей и материалов VII Международной научно-практической конференции, Кемерово – Москва, 29–30 марта 2024 года. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2024. С. 225–229; Его же. Формирование промышленного облика города Сталинска в 1920-е – первой половине 1940-х гг. // Актуальные вопросы истории, социально-политических наук и туризма: материалы симпозиума XIII (XLV) Международной научно-практической конференции «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей»: в 7 т. Кемерово: КемГУ, 2018. Вып. 19. Т. 2. С. 35–38; Его же. Развитие промышленности в городе Сталинске в период Великой Отечественной войны // Актуальные вопросы истории, социально-политических наук и туризма: материалы симпозиума XV (XLVII) Международной научно-практической конференции «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей». Кемерово: КемГУ, 2020. С. 29–31; Стародубцев Е. Ю., Ермолаев А. Н. Процессы эвакуации и реэвакуации населения в Западную Сибирь в 1941–1945 гг. в оценках современных историков // Индустриальные регионы России в годы Великой Отечественной войны: экономический потенциал и социальные процессы: сборник статей, посвященный памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки России Николая Павловича Шуранова (1922–2011). М.: ИД «Стафеефф и К», 2025. С. 206–211.

рекомендованных ВАК при Минобрнауки России[86]. Результаты диссертации апробированы на 7 региональных, всероссийских и международных конференциях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

[86] Стародубцев Е. Ю., Ермолаев А. Н. Эволюция подходов к изучению эвакуации населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии // СибСкрипт. 2024. Т. 26, № 3(103). С. 429–440; Пьянов А. Е., Стародубцев Е. Ю., Дорохов В. Г. Архивные документы по проблеме эвакуации гражданского населения в годы Великой Отечественной войны на территорию Кузбасса в фондах архивов различных уровней // Общество: философия, история, культура. 2024. № 7(123). С. 202–208; Стародубцев Е. Ю. Эвакуация промышленности и гражданского населения на территорию Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 312–318; Усков И. Ю., Стародубцев Е. Ю. Эвакуация промышленных предприятий в Кузбасс в 1941–1942 гг.: новые данные из архивных источников // Известия Алтайского государственного университета. 2025. № 3(143). С. 41–47.

Глава 1. Прием и размещение гражданского населения на территории Кузбасса

1.1. Партийно-государственные органы и нормативно-правовые документы по организации эвакуационного процесса

С началом Великой Отечественной войны важнейшей задачей для советского правительства становится организация эвакуации промышленных объектов и населения в тыловые регионы страны. В первые дни войны Советский Союз не имел четкого плана эвакуационных мероприятий. При этом стоит отметить, что еще 21 апреля 1941 г. Совнарком СССР выносил постановление «О мероприятиях по улучшению местной противовоздушной обороны г. Москвы», а 3 июня созданная комиссия по эвакуации столицы представила план постановления СНК СССР «О частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время» И. В. Сталину. Он идею не поддержал, ссылаясь на несвоевременность обсуждения плана эвакуационного процесса. Комиссия по эвакуации была ликвидирована. Таким образом, в стране на момент начала военных действий не были созданы государственные органы, которые могли непосредственно руководить эвакуационным процессом[87].

В связи с этим только 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР был создан Совет по эвакуации. В его состав вошли Л. М. Каганович, который был назначен председателем данного государственного органа, заместителями председателя стали А. Н. Косыгин, Н. М. Шверник. В совет также вошли Б. М. Шапошников, П. С. Попков, С. Н. Круглов, Н. Ф. Дубровин, А. И. Кирпичников, А И. Микоян,

[87] Мозохин О. Б. Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1(12). С. 21.

Л. И. Берия, М Г. Первухин. Однако уже в июле 1941 г. вместо Л. М. Кагановича председателем будет назначен Н. М. Шверник[88].

По решению СНК СССР от 2 июля 1941 г. при всех союзных наркоматах уполномоченными Совета были назначены заместители наркомов. Они имели свои рабочие группы от 3-х до 5-ти человек, также в помощь уполномоченным функционировали специальные комиссии, которые занимались разработкой конкретных планов эвакуационного процесса[89].

Совет определял очередность эвакуации районов, категорий населения, объектов, способ транспортировки, направление. На местные органы власти и соответствующие наркоматы возлагалась ответственность за выполнение задач, поставленных Советом[90].

Совет по эвакуации действовал в период с 24 июня по 25 декабря 1941 г. При этом еще 25 октября 1941 г. постановлением ГКО СССР № 834с был образован «Комитет по эвакуации вглубь страны из районов прифронтовой полосы продовольственных запасов, запасов мануфактуры, текстильного оборудования и сырья, оборудования холодильников, оборудования обувных, швейных, табачных фабрик и мыловаренных заводов, табачного сырья и махорки, мыла и соды». В его состав вошли А. И. Микоян (председатель), А. Н. Косыгин, Л. М. Каганович, П. В. Смирнов, В. П. Зотов, З. А. Шашков. Обязанность комитета заключалась в проведении эвакуации посредством привлечения всех видов транспорта: железнодорожного,

[88] Погребной Л. И. О деятельности Совета по эвакуации // Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. Сборник статей и воспоминаний. М.: Наука, 1966. С. 201.

[89] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005.С. 20.

[90] Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 36.

водного, автомобильного и подводного[91]. Комитет действовал до 19 декабря 1941 г.[92].

25 декабря 1941 г. постановлением ГКО был образован Комитет разгрузки. Он был создан для разгрузки транзитных и всяких иных застрявших грузов на железных дорогах. В связи с расформированием Совета по эвакуации, его аппарат был передан именно Комитету разгрузки[93].

Первоначально эвакуацию населения в стране осуществляло Переселенческое управление при СНК СССР, которое было создано еще в довоенные годы и занималось в основном переселением колхозников в восточные районы СССР. Однако 25 июня 1941 г. вышел приказ, предписывающий «приостановить дальнейший отбор и переселение колхозников вплоть до особого распоряжения». После начала войны опыт работы управления был использован для формирования новых механизмов приема и размещения эвакуированных граждан в тыловых регионах[94]. На местах функции управления выполняли переселенческие отделы при Областных (краевых) исполнительных комитетах[95].

В Новосибирской области 30 июня 1941 г. была создана областная комиссия по вопросам размещения эвакуированного населения во главе с председателем облисполкома Г. Н. Годовициным. Гор(рай)исполкомы создавали тройки для осуществления и контроля эвакуационного процесса[96]. На председателей райисполкомов, согласно директиве Новосибирского обкома ВКП(б) и облисполкома, накладывалась личная ответственность

---

[91] Постановление ГКО СССР № 834с об образовании Комитета по эвакуации. Секретно. 25 октября 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 192.
[92] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 122.
[93] Постановление ГКО СССР № 1066с о Комитете разгрузки. Секретно. 25 декабря 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Л. 176.
[94] Потемкина М. Н. Управление эвакуацией в СССР в 1941–1942 гг. // Государственное управление в СССР в годы Второй мировой войны. Фронт и тыл: материалы XVII Международной научной конференции (Екатеринбург, 19–22 июня 2025 года). Москва: Издательство «Политическая энциклопедия», 2025. С. 31–32.
[95] Ермолаев А. Н. Эвакуация населения в Кемеровскую область (указатель архивных материалов). Кемерово: Алкор, 2002. С.3.
[96] ГАК. Ф. Р-18. Оп. 3. Д. 96. Л. 112.

за прием и размещение эвакограждан. Они должны были составлять план размещения прибывающего населения по сельским советам, совхозам, колхозам и промышленным предприятиям с использованием свободной жилплощади, организовывать встречу, обеспечивать медицинской помощью, а также заниматься трудоустройством данной категории населения[97].

26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации было создано специальное Управление по эвакуации населения, которому был передан аппарат Переселенческого управления. В его структуру входило несколько отделов эвакуации, трудоустройства, бытового обслуживания, а также Центрально-справочное бюро. Возглавлял управление заместитель председателя Совнаркома РСФСР К. Д. Памфилов[98]. У Управления были следующие задачи: организация обслуживания эвакуированных граждан в пути, обеспечение жильем, питанием, трудоустройство, оказание материальной и медицинской помощи и т.д. Уже к концу 1941 г. аппарат Управления насчитывал около 3 тыс. чел[99].

4 октября 1941 г. была учреждена должность уполномоченного Управления по эвакуации населения по Новосибирской области[100]. На нее был назначен К. Л. Гончаренко, который ранее (в 1938–1941 гг.) занимал должность заместителя председателя Новосибирского облисполкома[101]. В Новосибирске, Сталинске, Кемерове, Томске, Ленинске-Кузнецком и Прокопьевске также были учреждены должности уполномоченных с соответствующим аппаратом для руководства приема и размещения эвакуированных граждан. В других городах и районах области данная

[97] ГАК. Ф. Р-253. Оп. 4. Д. 134а. Л.83–84.
[98] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 20.
[99] Загорулько М. М., Юденков А. Ф. Крах плана «Ольденбург»: О срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 1974. С. 82.
[100] ГАК (филиал в Новокузнецке). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 281. Л. 89–90.
[101] Депутатский корпус Кузбасса. 1943–2003: Биографический справочник. В 2 т. Т. 1. А – Л / Автор-сост. А. Б. Коновалов. Кемерово: Кн. изд-во, 2002. С. 242.

функция ложилась на председателей городских и районных исполнительных комитетов, при этом свои действия они строго согласовывали с областным уполномоченным по эвакуации[102].

Уполномоченными управления по эвакуации населения по городам Кузбасса были утверждены: с 20 декабря 1941 г. Максим Иванович Рыжков в г. Кемерово; с 15 декабря 1941 г. Дмитрий Иванович Рудницкий в г. Сталинск; с 17 декабря 1941 г. Иван Егорович Пономарев в г. Анжеро-Судженск; с 15 декабря 1941 г. Алексей Трофимович Лобачев в г. Ленинск-Кузнецкий. Известно, что М. И. Рыжков был заместителем председателя Кемеровского горисполкома. Инспекторами по городам были назначены: с 15 декабря 1941 г. Георгий Кириллович Сахралич в г. Осинники; с 19 декабря 1941 г. Шимон Моисеевич Нудельман в г. Киселевск; с 22 декабря 1941 г. Михаил Никонорович Чусов в г. Белово; с 5 января 1942 г. Мария Степановна Сококина в г. Тайга[103].

Управление по эвакуации было реорганизовано постановлением СНК СССР от 31 января 1942 г. Дальнейшая работа с эвакуированным населением возлагалась на Совнаркомы союзных и автономных республик и обл(край)исполкомы. Им разрешалось в составе своего аппарата организовать отделы по хозяйственному устройству эвакограждан на базе имеющегося аппарата уполномоченных по эвакуации населения[104]. Основными направлениями работы данных отделов на момент их организации были: наблюдение за продвижением эшелонов и обслуживание эвакограждан в пути, руководство и контроль за местными органами власти по приему и размещению эваконаселения, бытовому и медико-санитарному обслуживанию, устройству на работу. Отдел включал в себя несколько

[102] ГАК (филиал в Новокузнецке). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 281. Л. 89–90.

[103] Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. Кемерово, 2025. С. 11–12; ГАК. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 40. Л. 122–122об.; ГАК. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 13. Л. 368; ГАК. Ф.Р-625. Оп. 2. Д. 52. Л. 410–410об; ГАК. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 207. Л. 7; ГАК. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 8. Л. 125.

[104] Мозохин О. Б. Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1(12). С. 32.

секторов: переселения колхозников, перевозок, трудоустройства и бытового обслуживания, учетно-статистическое бюро, хозяйственную часть и канцелярию[105]. Такой отдел был создан в Новосибирской области при облисполкоме 24 февраля 1942 г. и продолжал работу на территории Кузбасса до его выделения в отдельный регион[106].

Причины образования Кемеровской области стоит рассмотреть более подробно, поскольку они были напрямую связаны с процессом эвакуации промышленных мощностей и гражданского населения на территорию региона. Выделение Кузбасса из состава Новосибирской произошло 26 января 1943 г. Интересно, что впервые вопрос об образовании области был поднят еще в 1939 г. в связи с планами строительства на территории региона крупных предприятий: ферросплавного, алюминиевого, трубопрокатного, цементного заводов, Крапивинского гидроузла, оборонных предприятий, а также второго и еще более мощного металлургического комбината. Однако данное предложение поддержки не получило[107].

Ключевую роль в создании Кемеровской области сыграл член ЦК ВКП(б) Е. М. Ярославский, который с 25 ноября по 9 декабря 1942 г. посетил города региона и пришел к выводу о необходимости выделения Кузбасса в отдельную административную единицу. 2 января 1943 г. он написал письмо секретарям ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, А. А. Андрееву, А. С. Щербакову, Г. М. Маленкову и А. А. Жданову, где четко обосновал необходимость данного решения[108].

С началом Великой Отечественной войны на территорию Кузбасса начинается масштабная эвакуация промышленных предприятий. Всего

---

[105] Потемкина М. Н. Отделы по хозустройству – важнейшее звено управления механизма эваконаселением в советском тылу // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 13. С. 409.

[106] ГАК Ф. Р-15. Оп. 5. Д. 22. Л. 306.

[107] Шуранов Н. П. Объективная обусловленность образования Кемеровской области // 55 лет Кемеровской области. Материалы научно-практической конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. С. 9.

[108] Коновалов А. Б. Создание Кемеровской области: факты и участники (1943–1945): иллюстрированный очерк. Кемерово: ООО «Принта», 2018. С. 10–11.

в область полностью, либо частично было эвакуировано оборудование 97 промышленных объектов, что значительно повлияло на экономику региона, сделав его крупнейшим индустриальным центром страны[109]. Вместе с заводами прибывали и эвакуированные граждане, что способствовало увеличению численности населения Кузбасса даже в тяжелейшие военные годы.

Помимо этого, в условиях начавшегося коренного перелома на фронте и с целью окончательной победы над немецко-фашистскими захватчиками возрастала потребность в оружии, боеприпасах и других ресурсах для Красной Армии. Это создавало новые, более строгие требования к работе тыла, включая Кузбасс, который предоставлял уголь, производил металл и продукцию для обороны.

Также важной причиной выделения Кузбасса в отдельный регион являлась его удаленность от областных руководящих органов, находящихся в Новосибирске, с которым была недостаточно надежная транспортная связь. Это отражалось на эффективности и оперативности руководства деятельностью примышленных предприятий Кузбасса, многие из которых напрямую работали для нужд фронта.

Выделение Кузбасса в отдельный регион являлось закономерным шагом руководства страны по совершенствованию административно-территориального деления РСФСР. Для этого были объективные перечисленные причины. Однако стоит сказать, что существовали и причины субъективного характера.

В выделении Кузбасса в самостоятельный регион был заинтересован первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М. В. Кулагин. Это было связано с тем, что территория будущей Кемеровской области, в связи с большим количеством эвакуированных предприятий и населения, стала представлять для областного руководства серьезную проблему.

[109] Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. Кемерово, 2025. С. 14.

М. В. Кулагина неоднократно на протяжении 1942 г. заслушивали в Москве по поводу неудовлетворительной работы угольных предприятий[110]. При этом 24 августа 1942 г. вышло постановление ГКО «О неотложных мерах по увеличению добычи угля в Кузбассе», а 24 сентября ЦК ВКП(б) принял постановление «О мерах по улучшению партийной работы в угольных районах Кузбасса в связи с задачей увеличения добычи угля»[111].

18 ноября 1942 г. Новосибирский обком партии направил отчет о выполнение постановлений секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву. Из документов следовало, что план выполнен не был в связи с различными трудностями. В города и районы Кузбасса вскоре были направлены 100 партийных работников, группы пропагандистов и лекторов для увеличения плановых показателей на шахтах региона. В аппарате Новосибирского обкома были подготовлены постановления о дополнительных мерах поддержки шахт и рабочих, однако все предпринимаемые попытки не могли решить проблем Кузбасса, чей промышленный потенциал наращивался все больше[112]. Таким образом, партийное руководство Новосибирской области, промышленный потенциал которой также значительно вырос даже без учета Кузбасса, было заинтересовано в выделении Кемеровской области в отдельный регион.

26 января 1943 г. территория Кузбасса стала самостоятельной административной единицей[113]. Первым секретарем Кемеровского обкома ВКП(б) был утвержден С. Б. Задионченко, который имел огромный

---

[110] Коновалов А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991): монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. С. 27.

[111] Кузбасс в документальных памятниках: 300 уникальных и значимых документов по истории Кузбасса XVII – начала XXI века: научно-популярное издание / А. Ю. Карпинец [и др.]. Кемерово: Кузбасская медиа-группа, 2021. С. 210.

[112] Коновалов А. Б. Образование Кемеровской области в 1943 г.: документальные источники, ход и участники процесса // Кузбасс – 75: Материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной юбилею Кемеровской области, Кемерово, 25 января 2018 года / Отв. ред. С. П. Звягин; ред. кол.: А. В. Блинов. Кемерово: Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, 2018. С. 56.

[113] Об образовании Кемеровской области в составе РСФСР (Указ от 26 января 1943 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР, 1943. № 5 (211) от 31 января.

руководящий опыт: с 1931 по 1937 гг. он был заведующим организационным отделом, заместителем председателя, а затем председателем Бауманского райкома ВКП(б) Москвы, с 1937 по 1938 гг. – заместителем председателя СНК РСФСР, с 1938 по 1941 гг. первый секретарь Днепропетровского обкома КП (б) Украины, в 1941 г. занимал должность первого секретаря Сталинского обкома КП (б) Украины, перед назначением в Кузбасс, Семен Борисович был первым секретарем Башкирского областного комитета партии с 1942 по 1943 гг.[114].

Председателем Кемеровского областного исполнительного комитета был утвержден В. А. Гогосов. Владимир Антонович до этого занимал должность председателя Ярославского областного исполнительного комитета[115]. Секретарем Кемеровского обкома ВКП(б) по металлургической промышленности был утвержден Г. В. Енютин, по химической промышленности – А. Т. Логвиненко, по угольной отрасли – С. Т. Першин, по кадрам – Ф. М. Прасс. Кроме того, в распоряжение Кемеровского обкома ВКП(б) были командированы все сотрудники металлургического, химического и угольного отделов промышленности Новосибирского обкома ВКП(б)[116].

Все усилия новой областной власти были нацелены на достижения дальнейшего роста объемов производимой продукции, а также организации бесперебойной работы промышленных предприятий. Стоит отметить, что в связи с эвакуационным процессом в области накопилось большое количество нерешенных социально-бытовых проблем, которые необходимо было решать. К моменту выделения Кузбасса в отдельный регион эвакуация промышленных мощностей на территорию области была завершена, однако эваконаселение продолжало прибывать. Это было связано с тем, что эвакуация граждан из прифронтовых районов продолжалась. Максимальная

[114] Они строили большой Кузбасс: лидеры региона (1943–1991 гг.). Кемерово, 2017.С. 13.
[115] ГАК. Ф. П-75. Оп. 14. Д. 364. Л. 14–15.
[116]Коновалов А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991): монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. С. 29–30.

численность эвакограждан в Кузбассе была зафиксирована на 1 апреля 1943 г. и составила 212 541 человек[117].

В связи с тем, что эвакуированные граждане продолжали прибывать в Кузбасс и нужно было помогать уже размещенному эваконаселению, на территории региона был создан отдел по хозяйственному устройству эвакуированных граждан. В обязанности отдела также входила организация реэвакуационного процесса, который активно начался в 1943 г. 10 мая 1943 г. обязанности заведующего областным данным отделом были возложены на М. Ф. Федорина[118]. Михаил Филиппович родился в 1913 г. в д. Абышево Кемеровской области. Окончил начальную школу, 2 курса строительного учебного заведения и бухгалтерские курсы. С 1935 г. работал в системе финансовых органов, начиная бухгалтером городского финансового отдела, с последующим продвижением на более крупный участок работы. С 1939 по 1940 гг. работал старшим контролером – ревизором Кемеровского городского финансового отдела. С 1940 по 1941 гг. занимал должность заведующего Рудничным районным финансовым отделом г. Кемерово, в дальнейшем станет председателем исполкома Рудничного районного Совета депутатов трудящихся г. Кемерово. С 1943 по 1945 гг., согласно архивным документам, занимал должность начальника областного бюро по учету и распределению рабочей силы, кроме того исполнял обязанности заведующего областным отделом по хозяйственному устройству эвакуированных граждан, а также являлся заместителем председателя облисполкома[119].

Уже после окончания Великой Отечественной войны было вновь воссоздано Переселенческое управление при СНК СССР. В Кузбассе решением Кемеровского исполкома областного Совета депутатов

[117] Справка о состоянии работы отдела Кемеровского облисполкома по хозяйственному устройству эвакуированного населения на 20-е мая 1943 г. // ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 30. Л. 117.
[118] ГАК. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 6. Л. 107.
[119] ГАК. П-75. Оп. 15. Д. 1340. Л. 22–26.

трудящихся областной отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения был реорганизован в переселенческий отдел при исполкоме областного Совета 15 мая 1945 г[120].

Отдельное внимание стоит уделить нормативно-правовым документам по организации эвакуационного процесса. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» от 27 июня 1941 г. в первую очередь эвакуации подлежали следующие категории: важнейшее оборудование предприятий, ценные сырьевые ресурсы, продовольствие, а также молодежь, годная к прохождению военной службы, партийные работники и квалифицированные рабочие кадры[121].

В июле 1941 г. выходят несколько постановлений, касающихся эвакуационного процесса. В документе «О порядке эвакуации населения в военное время» СНК СССР устанавливал, что контингент и очередность эвакуационного процесса определяется Совнаркомами республик, обл(край)исполкомами. Постановление регулировало вопросы транспортировки, приема и учета эвакограждан, обязывало Совнаркомы республик и исполкомы на местах создавать в своем составе отделы по эвакуации населения, которые несли ответственность за создание и функционирование эвакуационных пунктов, обеспечение эвакограждан продуктами питания и необходимыми вещами, предоставление жилья, трудоустройство на работу, а также оказание медико-санитарной помощи[122].

Также в данном постановлении было определено две очереди территорий для размещения эвакограждан. Согласно первой очереди, эвакуированное население должно было быть размещено в городах и населенных пунктах Горьковской, Кировской, Куйбышевской, Пензенской,

[120] ГАК. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 76. Л. 39.
[121] О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С.208.
[122] Постановление СНК СССР № 1825-818сс «О порядке эвакуации населения в военное время» от 05.07.1941 г. // ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 106сч. Д. 22. Л. 357–359.

Саратовской, Сталинградской областей, а также на территории Башкирской, Мордовской, Татарской, Удмуртской, Чувашской АССР. Вторая очередь подразумевала населенные пункты Казахстана, Урала и Сибири, в том числе и Новосибирскую область, частью который до января 1943 г. являлся и Кузбасс[123].

В это же время выходит постановление СНК СССР «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуируемых предприятий», в котором рекомендовалось эвакуировать рабочие кадры совместно с оборудованием промышленных объектов. При этом ответственность за эвакуационный процесс возлагалась не только на народных комиссаров, но и на директоров предприятий[124]. Данное решение позволяло практически сразу после прибытия оборудования заводов на места решить проблему квалифицированных кадров.

Также стоит обратить внимание на постановление от 5 июля 1941 г. об утверждении Положения «Об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы». Согласно документу эвакопункты выполняли задачу временного размещения с последующей эвакуацией гражданского населения из фронтовой полосы. На них возлагались обязанности по приему и регистрации граждан, обеспечению питанием и жильем, проведению политико-массовой работы и организации медико-санитарного обслуживания. Эвакопункты находились в ведение исполкомов краевых и областных Советов депутатов трудящихся и Совнаркомов республик. Размещение пунктов разрешалось в зданиях кинотеатров, городских и железнодорожных клубах, а в некоторых случаях даже в школах. При этом эвакуационный пункт должен был обеспечивать

[123] Постановление СНК СССР № 1825–818сс «О порядке эвакуации населения в военное время» от 05.07.1941 г. // ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 106сч. Д. 22. Л. 358–361.
[124] Постановление СНК СССР № 1822–815сс «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуируемых предприятий» от 05. 07. 1941 г. // ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 106сч. Д. 22. Л. 348.

возможность принятия не менее одного эшелона, то есть 1800–2000 человек[125].

Важнейшим являлось постановление Совета по эвакуации № СЭ-20сс «О порядке учета эвакуированного населения», которым руководствовались органы власти в вопросе поименного учета эвакограждан. Для ведения учета эваконаселения на всей территории СССР использовались специальные бланки (формы). Форма № 1 «Список лиц, отправившихся в эшелоне» (приложение 1) заполнялась в двух экземплярах, либо начальником эшелона в одном экземпляре, данные в неё заносились на основании документов эвакограждан: паспортов, справок, удостоверений. Форма № 2 (приложение 2) учета эвакуированного населения составлялось на все принятое в порядке эвакуации население. Информация в форме была представлена в виде таблицы со следующими столбцами: номер по порядку (семей, членов семьи), фамилия, имя, отчество, отношение к главе семьи (жена, сын, дочь и др.), пол, год рождения, место жительства до эвакуации (область (край), республика), специальность (профессия), национальность, где работал до эвакуации (наименование предприятия или учреждения, выполняемая работа), отметка о выбытии из назначенного места вселения на момент составления списка. 11 декабря 1941 г. форма была частично изменена: пункт 19 был упразднен, вместо него стал вноситься актуальный адрес проживания. В пунктах 14–18 появились данные о трудоустройстве на местах эвакуации[126].

Также существовала форма № 3 (приложение 3) «Личная карточка на ребенка, эвакуированного без родителей», которая составлялась районными, городскими исполкомами после прибытия эвакуированного ребенка в трех

[125] Постановление СНК СССР № 1823-816сс «Об утверждении Положения «Об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы» от 05.07.1941 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 287–293.

[126] Постановление Совета по эвакуации при СНК СССР № СЭ-20сс «О порядке учета эвакуируемого населения» от 07.07. 1941 г. // ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 541. Л. 20–23об.

экземплярах, два из которых отсылались в обл(край)исполком и в Переселенческое Управление при СНК СССР[127].

Отдельно стоит упомянуть нормативно-правовые документы местного уровня, касающиеся процесса эвакуации населения. 18 июля 1941 г. было принято решение Новосибирского облисполкома об учете прибывающего в область эвакуированного населения в соответствии с постановлением Совета по эвакуации от 7 июля 1941 г. № СЭ-20сс. Согласно документу учет прибывшего в регион населения возлагался на переселенческий отдел при облисполкоме. В городах и районах области учет должны были вести председатели городских и районных исполкомов Советов депутатов трудящихся по форме № 2 и № 3[128]. 21 июля 1941 г. директивным письмом облисполкома № 11130 был установлен порядок приема и учета прибывающего в район области эвакуированного населения[129].

19 ноября 1941 г. облисполком принял решение о прописке граждан, эвакуированных из прифронтовой территории. Исполком отмечал, что постановление ГКО от 26 сентября 1941 г., касающееся этого вопроса, в регионе было выполнено не полностью, отсутствовал четкий контроль за расселением эвакограждан[130].

В начале декабря 1941 г. Новосибирский обком ВКП(б) и облисполком приняли решение об утверждении штатов уполномоченных Совета по эвакуации в области. В общей сложности в регионе был утвержден штат 34 сотрудников, из которых 7 – уполномоченные, 5 – учетчиков, 11 – инспекторы по трудовому устройству, 11 – инспекторы по бытовому обслуживанию[131].

---

[127] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 287.
[128] ГАК. Ф. Р-18. Оп. 3. Д. 96. Л. 114.
[129] ГАК. Ф. Р-253. Оп. 4. Д. 131. Л. 2–2об.
[130] ГАК. Ф. Р-18. Оп. 2. Д. 96. Л. 200-201.
[131] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 149.

В январе 1942 г. руководство региона выпустило инструкцию для инспекторов по эвакуации населения, в которой оговаривались основные аспекты работы и отчетности, касающиеся правильного учета прибывшего населения, обработки запросов на эвакограждан, трудоустройства, медицинского обслуживания и других вопросов, связанных с данной категорией граждан[132]. На протяжении всего процесса эвакуации на местах выходили документы, регламентирующие различные аспекты жизни эваконаселения.

После выделения Кузбасса в самостоятельный регион и создания в его структуре управления областного отдела по хозяйственному устройству эвакуированных граждан начинается издание областных нормативно-правовых актов. Одним из самых значимых документов является решение № 398 исполкома Кемеровского областного совета депутатов трудящихся «Об упорядочивании учета эвакуированного населения, размещенного на территории Кемеровской области», согласно которому горисполкомы и райисполкомы обязаны были провести полную проверку поименных списков эвакуированного населения по форме № 2. Кроме того, отдельное внимание уделялось необходимости наблюдения за изменениями в поименных списках, а также принятия немедленных мер к хозяйственному устройству эвакуированных граждан[133].

Дальнейшие нормативно-правовые документы были связаны с начавшимся реэвакуационным процессом. Однако стоит отметить, что образование Кемеровской области в большей степени положительно отразилось на положении прибывших на её территорию эвакуированных граждан, поскольку создание областного отдела по хозяйственному устройству эваконаселения способствовало более быстрому реагированию и решению насущных проблем эвакограждан в городах и районах Кузбасса.

[132] ГАК. Ф. Р-253. Оп. 4. Д. 131. Л. 16–17.
[133] ГАК. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 8. Л. 95.

Таким образом, с первых дней войны государство считало первоочередной задачей организацию эвакуационного процесса не только промышленных мощностей, но и гражданского населения. Об этом свидетельствует создание специальных государственных органов, их реформирование, а также отдельные нормативно-правовые акты, касающиеся исключительно процесса эвакуации населения. Документы регламентировали основные вопросы, связанные с положением данной категории граждан, такие как прием и размещение на новых местах, обеспечение продуктами питания, товарами широкого потребления. Отдельное внимание уделялось подготовке жилых помещений, трудоустройству и медико-санитарному обслуживанию эвакуированных граждан.

1.2. Прием персонала эвакуированных предприятий

С началом Великой Отечественной войны перед советским руководством стояла задача перестройки экономики на военный лад, однако не менее важной являлась проблема сохранения экономического потенциала государства в связи с активным продвижением немецких войск по территории СССР. Для того чтобы не утратить экономические мощности западных районов страны, начинается процесс эвакуации промышленных объектов в восточные регионы.

Эвакуация заводов имела комплексный характер и включала в себя не только перемещение станков, машин, горюче-смазочных материалов и других ценностей, но и эвакуацию работников предприятий, которая являлась немаловажным и зачастую более сложным процессом. На территорию Кузбасса в годы войны прибыло несколько десятков промышленных объектов вместе с рабочими, инженерами, начальством и их семьями, что значительно повлияло на экономическую и социальную ситуацию в регионе. Эвакуация населения напрямую была связана с перебазированием предприятий в Кузбасс.

В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» от 27 июня 1941 г. говорилось, что в первую очередь эвакуации подлежат инженеры и служащие предприятий, квалифицированные рабочие, молодежь (годная к призыву), ответственные партийные и советские работники, а также промышленные ценности (оборудование предприятий: станки и машины), продовольствие, ценные ресурсы[134].

Затем данное постановление было дополнено инструкцией о порядке демонтажа и отгрузки оборудования с предприятий, подлежащих эвакуации. В документе говорилось о том, что в первую очередь в тыловые регионы должно быть вывезено оборудование, имеющее особое значение для оборонного комплекса, а также уже готовые боеприпасы и вооружения. Также подчеркивалось, что оборудование предприятий следует вывозить комплексными частями и предусматривать возможность его скорейшего использования на местах размещения[135].

11 июля 1941 г. вышло постановление ГКО № 99 «Об эвакуации промышленных предприятий». Документом был утвержден план эвакуации нескольких десятков объектов. Наркоматам предписывалось выделить ответственных лиц за проведение эвакуации предприятий, обеспечить своевременную погрузку и доставку на место в полной сохранности всего оборудования, материалов и другого имущества. При этом перевозка оборудования должна была сопровождаться проводниками завода – отправителя с обязательным наличием в их составе бригады монтажников и инженерно-технических работников. В списке предприятий, подлежащих эвакуации, был и завод «Красный Тигель» из г. Ленинграда, который

[134] О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 208.

[135] Беликов А. М. Тяжелую промышленность – в глубокий тыл. Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. Сборник статей и воспоминаний. М.: Наука, 1966. С. 34–35.

предполагалось разместить на площадке Кузнецкого металлургического комбината (КМК)[136].

После начала Великой Отечественной войны немецкие войска вторглись на территорию европейской части Советского Союза, где располагалось более 31 тыс. промышленных объектов, а также проживало около 40 % всего населения страны. По официальным данным, в тыловые регионы по железным дорогам было эвакуировано 2 593 предприятия. По мнению Г. А. Куманева, эвакуация 2 593 из 31 850 предприятий не позволила бы провести перестройку советской экономики. Скорее всего, часть эвакуированных объектов относилась к грузам без каких-либо документов и в указанное число предприятий не входило[137].

Стоит отметить, что почти 70 % предприятий, перемещенных из западных районов СССР, были размещены в Западной Сибири, на Урале, в Казахстане и Средней Азии. А вместе с ними эвакуировались и порядка 30–40 % рабочих кадров[138].

Кузбасс имел ряд преимуществ для размещения на его территории промышленных мощностей. Во-первых, стоит отметить его выгодное географическое положение, в глубоком тылу на юге Западной Сибири, и развитую транспортную логистику как внутри региона, так и со страной в целом, а также наличие сырьевых ресурсов.

Во-вторых, на территории Кузбасса уже к началу 1941 г. удельный вес городского населения приближался к 60 %, в то время как в Омской области он достигал 21 %, а в Алтайском крае 18 %. Даже в самой Новосибирской

[136] Постановление ГКО СССР № 99 «Об эвакуации промышленных предприятий». 11 июля 1941 г., Москва // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 39–51.
[137] Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 20.
[138] Мозохин О. Б. Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1(12). С. 33.

области, включая Кузбасс, уровень урбанизации оценивался всего в 43 %[139], а после выделения Кемеровской области в самостоятельную административную единицу в январе 1943 г в состав региона вошли 9 из 12 городов с общим количеством населения 865 352 чел.[140]. Территория с таким количеством городов могла разместить большое количество эвакуированных предприятий. Помимо этого, в городах Кузбасса имелось и достаточное количество рабочей силы, что позволило быстро наладить производство.

В-третьих, в регионе уже существовали промышленные площадки, на которых была возможность разместить оборудование эвакуированных предприятий: в Сталинске (ныне Новокузнецк) с начала 1930-х гг. действовал передовой Кузнецкий металлургический комбинат имени И. В. Сталина (КМК), в столице Кузбасса функционировали предприятия химической и оборонной промышленности, в целом по области была развита угледобывающая отрасль.

Решения о предоставлении необходимых помещений для оборудования прибывших эвакуированных предприятий в Новосибирской области принимались исполнительным комитетом областного Совета депутатов трудящихся на его суженном заседании, а также постановлениями бюро Новосибирского обкома ВКП(б), осуществлявшего и административно-распорядительные функции. Обком и горкомы контролировали размещение и ввод в эксплуатацию эвакуированного оборудования на местах, оказывали помощь предприятиям в рабочей силе и жилищном строительстве[141].

В годы Великой Отечественной войны г. Кемерово стал одним из важных центров принятия промышленных объектов. В общей сложности в городе было размещено оборудование 40 эвакуированных предприятий

[139] Исупов В. А., Коробейникова Н. С., Семенов М. А. Население Западной Сибири в годы Второй Мировой войны: 1939–1945 гг. // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 146.
[140] ГАК. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 1. Л. 107.
[141] Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово: Кемер. гос. ун-т: Кемер. обл. ин-т усовершенствования учителей, 2000. С.47.

либо отдельных цехов. Большинство из них было связано с химической и оборонной промышленностью.

Только на площадке Кемеровского коксохимического завода, который был введен в эксплуатацию еще в 1924 г., разместилось оборудование следующих предприятий: Запорожского, Днепродзержинского, Ново-Мариупольского, Константиновского, Краматорского, Керченского, Серговского, Сталинского, Старо-Макеевского, Старо-Орджоникидзевского, Мушкетовского, Ново-Смолянинovского, Рутченковского, Ольховского, Ханженковского, Харьковского коксохимических заводов, Щербиновского фенольного завода, а также Воронежского завода № 2[142].

Эвакуировать коксовые печи было невозможно. Поэтому прибывало оборудование химических цехов: электромоторы, трубы, которые лишь частично использованы на заводе. Значительная часть эвакуированного оборудования принималась представителями предприятия по актам и находилась на ответственном хранении. Его использование было возможно только по правительственному разрешению[143].

Помимо коксохимического завода в Кемерове функционировал азотно-туковый завод. Решение о его строительстве было принято 15 января 1932 г., причиной строительства являлось наличие дешевого сырья для производства азотных удобрений. Завод вступил в список действующих в 1938 г.[144]. В годы Великой Отечественной войны на площадке предприятия разместились следующие эвакуированные предприятия: Горловский, Днепродзержинский, Лисичанский (частично), Сталиногорский (частично) азотно-туковые заводы. На предприятие прибывали моторы, трубы, энергетическое оборудование, колонны и аппараты[145].

---

[142] ГАК. Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 154. Л. 67; Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово: Кемер. гос. ун-т: Кемер. обл. ин-т усовершенствования учителей, 2000. С.50.

[143] Там же. С. 54.

[144] История Кузбасса: В 3 т. Т. 2. Кемерово: Кузбасская медиагруппа; ArtAvis, 2021. С.168.

[145] Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. Кемерово, 2025. С. 207–208.

Кемерово еще в довоенный период начал формироваться как центр оборонной промышленности. 26 ноября 1931 г. Совет труда и обороны принял постановление о строительстве в городе комбината № 392 по производству взрывчатых веществ. В 1938 г. завершилось строительство первой очереди производств, а 29 декабря 1939 г. завод был полностью введен в эксплуатацию[146]. С началом войны предприятие приняло эвакуированное оборудование Сумского машиностроительного завода им. Фрунзе (цех центрифуг), заводов № 9 (г. Шостка Сумской обл.), № 323 и комбината № 100 (г. Алексин Тульской обл.) НКБ, а также комбината № 101 НКБ из Каминска-Шахтинского Ростовской области[147].

Часть прибывшего оборудование разместили в ремонтно-механическом цехе комбината. Однако места не хватало, и для размещения станков стали использовать вспомогательные здания, а также строить новые. Для их строительства были привлечены строительные батальоны и заключенные. На заводе было размещено большое количество механического оборудования, что позволило в 1942 г. выделить из его состава комбинат № 573, который обеспечивал химическим оборудованием строительство второй очереди комбината № 392[148].

Строительство Кемеровского завода «Коммунар» началось в 1940 г. на общей площади с коксохимическим комбинатом, однако с целью быстрого создания мощностей по производству взрывчатых веществ объект выделили в самостоятельный завод по производству взрывчатых веществ № 319, на базе которого в первый год войны были размещены цех олеума завода № 20 и часть оборудования анилинокрасочного завода из г. Рубежное Ворошиловоградской обл., а также частично завод № 64 из Горловки [149]. Все

[146] История Кузбасса: в 3 т. Т. 2. Кемерово: Кузбасская медиагруппа; ArtAvis, 2021. С. 171.
[147] Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. Кемерово, 2025. С. 207.
[148] Шуранов Н. П. Объективная обусловленность образования Кемеровской области // 55 лет Кемеровской области. Кемерово, 1998. С. 11.
[149] Ермакова Е. А., Сафронова Н. Я. История военного завода № 319 «Коммунар» (по материалам поисково-исследовательской работы краеведческого музея-комплекса

прибывшее оборудование старались быстрее смонтировать для того, чтобы запустить завод в строй действующих. Первую продукцию – пять тонн гексогена – предприятие выдало 22 января 1942 г[150].

На площадку Кемеровского механического завода частично перебазировано оборудование завода № 187 НКБ из Тулы и № 510 из Ногинска Московской области. В процессе эвакуации завода № 510 прибыло 482 единиц оборудования, а также 724 рабочих, 136 инженерно-технических работника, 48 служащих[151]. Мехзавод до войны специализировался на изготовлении ленточных конвейеров, вагонеток, однако после размещения на его базе оборудования оборонных предприятий было принято решение передать завод в управление Наркомату боеприпасов, после чего он получил название № 606[152].

О том, с какими трудностями сталкивались рабочие при разгрузке и размещении прибывшего многотонного оборудования, можно увидеть в воспоминаниях прибывшего из Белорусской ССР А. М. Лебедева. Вот что он писал: «Нашу группу в шестьдесят человек направили на завод № 606 (мехзавод). Разместили в бараке возле станции Предкомбинат. В отделе кадров разделили по цехам, меня и еще десять человек отправили в железнодорожный цех грузчиками. Главная задача была выгружать поступающее из подмосковного города Ногинска оборудование и отгружать готовые снаряды. Бригадиром был пожилой, знающий дело такелажник И. Ф. Спиридонов, начальник цеха – фронтовик Л. И. Смирнов. Поступающее оборудование (весом до 10 тонн) мы научились разгружать и перевозить по цехам. А тут поступило шесть платформ с прессами (статины) весом по 20 тонн, а один на восьмиосной платформе весом 50 тонн. На разгрузочной площадке один пятитонный кран «Дерик» и десятитонная

Средней общеобразовательной школы № 11 г. Кемерово) // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2021. № 1(5). С. 35.

[150] Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2000. С.57.

[151] ГАК. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 2. Л. 6.

[152] Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2000. С.55.

лебедка. Встал вопрос: как их разгрузить? Руководство завода искало подъемные краны, но их не было в городе. Добыли на ГРЭСе четыре двадцатипятитонных домкрата и начали мудрить: как приподнять статины от пола и платформы, чтобы подложить металлические пластины, а между ними катки из труб. Выложили между площадкой и вагоном клетку из новых шпал. Домкраты установили так, чтобы можно было приподнять эту статину. Приподняли. Подложили катки и лебедкой потянули на площадку. Удалось снять пять, а шестой, самый тяжелый, вместе с платформой забурили в обратную сторону (был допущен перекос при подъеме домкратом). Это случилось на главном входном железнодорожном пути. Ни вывезти вагоны с готовыми снарядами, ни подать подошедшие грузы со станции Кемерово через «КХЗ» было невозможно. Трое суток работали – не уходя. Директор Владимир Владимирович Сытин пригласил нас к себе в кабинет (я уже был бригадиром), спросил, что вам надо? Мы уже продумали, как лебедкой оттащить через блоки эту статину. Закрепили блок, подкопали яму и оттащили от железнодорожного пути этого «борова». На эту процедуру собралось половина завода. Был целый митинг. Аварию устранили, жизнь пошла своим ходом. Нас соответственно поощрили»[153]. Этот пример демонстрирует не только сложности разгрузки тяжелого оборудования, но и изобретательность, находчивость и сноровку рабочих, отвечающих за прием и размещение грузов.

Также часть оборудования завода № 510 была размещена на действующем в городе опытном гидрогенизационном заводе (ОГГЗ) Наркомата нефтяной промышленности. 3 ноября 1941 г. на заседании бюро Кемеровского городского комитета ВКП(б) поднимался вопрос о вводе в эксплуатацию завода № 510. Для монтажа оборудования были предоставлены следующие здания ОГГЗ: печной корпус с вспомогательными зданиями дробильного корпуса и углеподачи, часть помещений

[153]Лебедев А. М. // Это нашей истории строки. Кемерово 60–80-х годов: воспоминания, интервью, летопись / Администрация г. Кемерово; сост. Г. В. Корницкий, В. М. Чурпита. Кемерово: Кемеровский. гор. Совет ветеранов, 2003. С. 122–123.

рекуперационного корпуса, помещение смолоперегонки (корпус № 5). Директора гидрогенизационного завода тов. Кулагина обязали оказать помощь в приемке оборудования и материалов завода № 510[154]. В 1943 г. на базе цехов эвакопредприятия был создан химзавод № 11, который стал работать на нужды обороны. Помимо завода из Ногинска на площадке предприятия разместился завод № 100 из Сталиногорска (с 1961 г. – Новомосковск Тульской обл.)[155].

На базе строящегося в Кировском районе города Кемерово завода № 630 разместилась часть эвакуированного оборудования Рубежанского химического (анилинокрасочного) и Дербеневского химического завода из Москвы. Становление предприятия проходило в тяжелых условиях: помещения завода не были готовы к размещению оборудования, при этом рабочих было эвакуировано мало для того, чтобы подготовить площадку. В связи с этим к концу 1941 г. так и не удалось наладить производство[156].

В ноябре–декабре 1941 г. в Кемерово был эвакуирован завод пластмасс из Орехово-Зуева Московской области[157]. Его разместили на площади 10 гектаров, где шло строительство трубопрокатного завода. Вместе с заводом прибыло 387 рабочих и инженерно-технических кадров[158]. В первом квартале 1942 г. предприятие выпустило свою первую продукцию: прессовочные порошки, формальдегидные смолы, катиониты, аниониты и др. В 1943 г. завод получил название «Карболит»[159].

22 октября 1941 г. на суженном заседании Кемеровского исполкома городского Совета депутатов трудящихся было принято решение № 96 «О размещении цехов завода ХЭМЗ, эвакуированных из г. Харькова

[154] ГАК. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 5. Л. 145.
[155] Постановление ГКО СССР № 779сс об эвакуации Сталиногорского анилинокрасочного завода, Сталиногорского азотно-тукового комбината и завода № 100 Наркомата химической промышленности от 13.10.1941 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 105.
[156] Шуранов. Н.П. Кузбасс – фронту. Кемерово: Притомское, 1995. С. 22.
[157] ГАК. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.
[158] ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 104. Л. 101.
[159] Блинов А. В., Кокорев И. В. Описи Государственного архива Кемеровской области как источник информации по эвакуированным предприятиям и оборудованию в Кемерово в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 3. С. 11.

в г. Кемерово». Для размещения цехов машин и переменного тока, а также взрывобезопасного оборудования Харьковского электромеханического завода выделялись следующие помещения: универмаг, трамвайный парк, гаражи стройуправления № 6 и автобазы автомобильного транспорта. Восстановление оборудования и строительство жилых помещений для сотрудников предприятия шло одновременно[160]. Вместе с оборудованием в город прибыли директор завода П. М. Интриллигатор, 158 инженерно-технических работников и 68 рабочих[161]. В январе 1942 г. в списках эвакуированных, прибывших с предприятием, числилось 393 чел.[162]. В этом же году завод начал выдавать свою продукцию и получил название № 652[163].

Помимо этого, в Кемерово был эвакуирован завод № 6 Оргавиапрома из Москвы, которому выделили часть зданий ВОХР[164], а также частично оборудование завода «Красный металлист» из Ленинграда, на основе которого в городе был создан военно-подковный завод. В областной столице на площадке школы № 31 в Рудничном районе была смонтирована часть оборудования Московского салицилового завода. На Кемеровской ГРЭС разместился эвакуированный турбогенератор и котел Зуевской ГРЭС[165].

Таким образом, в Кемерово было эвакуировано 40 предприятий или отдельных цехов. На основе перебазированных заводов было создано 11 новых заводов и значительно расширены действующие промышленные объекты.

Как вспоминал В. Е. Семичастный, эвакуированный в Кемерово в 1941 г., «В промышленный Кузбасс переместили много промышленных предприятий из Европейской части СССР. В основном тут сосредоточились

[160] ГАК. Ф. Р-18. Оп. 3. Д. 97. Л. 1.
[161] Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.): монография. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2009. С. 208–209; Генина Е. С., Макарчук С. В. Борьба с космополитизмом: политические дела и разоблачения в Кемеровской области (1949–1953 гг.). Кемерово: Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, 2018. С. 100.
[162] ГАК. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 26. Л. 21.
[163] ГАК. Ф. Р-18. Оп. 3. Д. 97. Л. 1.
[164] ГАК. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 17. Л. 29.
[165] Шуранов. Н. П. Кузбасс – фронту. Кемерово: Притомское, 1995. С. 23.

химическая промышленность и машиностроение. Заводы занимали помещения театров и других культурных учреждений»[166]. Однако эвакуация не ограничивалась только этими отраслями.

Сталинск, где еще до войны действовал Кузнецкий металлургический комбинат (КМК), стал еще одним центром приема эвакуированных предприятий, в первую очередь металлургического профиля. В первые же месяцы войны металлургия юга СССР оказалась в прифронтовой зоне, а затем была временно потеряна для хозяйства страны. Задача обеспечения страны металлом легла на плечи металлургов Урала и Сибири.

До войны Кузнецкий металлургический комбинат специализировался на выпуске рядового металла, производство специальных легированных сталей составляло здесь немногим больше двух процентов общего производства. Теперь перед кузнецкими металлургами встала необычайно важная по своей значимости и ответственности задача: в кратчайшие сроки восполнить потерю южных заводов, снабжавших страну высококачественными марками стали. Чтобы дать металл, нужный для танков, самолетов, производства боеприпасов и различных видов оружия, требовалось в корне изменить структуру и технологию производства. Нужно было организовать выпуск высококачественных сталей, снарядной заготовки, броневого листа, новых сложных профилей проката[167].

Согласно постановлению ГКО от 18 августа 1941 г., началась эвакуация заводов металлургии. Важнейшую роль в развитии мощности КМК сыграло оборудование эвакуированных предприятий. На КМК прибыло до 4 тысяч вагонов эвакооборудования и населения. Первым в город прибыл завод Наркомата строительства «Красный Тигель» из города Луги Ленинградской области. 15 октября 1941 г. на заседании бюро Новосибирского обкома ВКП(б) директора завода т. Блинова обязали разместить оборудование завода, произвести монтаж и запустить

[166] Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. С. 19.
[167] Кузбасс. Прошлое, настоящее, будущее / Мартынов А. И. [и др.]. 2-е изд., перераб. Кемерово: Кн. изд-во, 1978. С. 241.

производство к 15 ноябрю 1941 г. Директор КМК т. Белан, в свою очередь, должен был обеспечить цеха завода электроэнергией и водой. К концу года предприятие стало выпускать тигли[168].

Менее чем за месяц на базе станков Нижнеднепровского трубопрокатного завода им. К. Либкнехта (г. Днепропетровск) создали ново-механический цех КМК. Оборудование Славянского и Серговского литейно-механических, а также Дебальцевского и Славянского машиностроительного заводов использовали для создания еще пяти аналогичных подразделений, позже и мехцеха № 6[169].

Часть оборудования Славянского и Дебальцевского литейно-механических заводов использовали для создания цеха по производству оснащения коксохимических центров и заводов Урала и Сибири. Прибывшее оборудование Брянковского (пос. Брянка Ворошиловоградской обл.) Ворошиловоградского, Ново-Макеевского, Ново-Мариупольского коксохимических заводов использовались на комбинате при сооружении пятой коксовой батареи. Также особенно важной была задача ввода в эксплуатацию прибывшей оснастки с завода «Днепроспецсталь» из г. Запорожья и создания на КМК электроплавильного цеха[170].

Помимо этого, на площадке КМК разместилось оборудование металлургического завода им. Орджоникидзе (ст. Енакиево Сталинской обл.), Харцызский трубосварочный завод (г. Харцызск Сталинской обл.), Пантелеймоновский динасовый (выпускал огнеупоры) (ст. Пантелеймоновка Сталинской обл.) и Часовоярские шамотные заводы (ст. Часов Яр Сталинской обл.)[171]. Таким образом, размещение эвакуированного

[168] ГАК (филиал в Новокузнецке). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 281. Л. 103–104а.
[169] Шуранов Н. П. Кузбасс – фронту. Кемерово: Притомское, 1995. С. 24; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 414. Л. 31.
[170] Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. Кемерово, 2025. С. 209–210.
[171] Карсакова А. Н. Размещение и ввод в действие эвакуированных промышленных предприятий в Сталинске Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны // Омский научный вестник. 2011. № 2(96). С. 17.

оборудования на площадке КМК существенно повлияло на эффективность работы предприятия.

Во время Великой Отечественной войны в городе продолжалось строительство новых промышленных объектов. В 1941 г. на основании приказа № 312 от 30 августа был образован завод металлоконструкций с подчинением наркомату строительства СССР. На этом предприятии разместили оборудование аналогичного завода, эвакуированного из Днепропетровска[172].

Важнейшим событием для Сталинска стало строительство ферросплавного завода. На него эвакуировали оборудование Запорожского предприятия. Всего прибыло 138 вагонов, в том числе 70 с оборудованием, 10 с материалами и 58 с людьми. Вместе с эвакуированными рабочими и инженерно-техническими работниками на стройке трудились бойцы стройбатальона, вольнонаемные рабочие, выпускники школы ФЗО и заключенные Сиблага. Эвакуированное оборудование обеспечивало лишь около 20 процентов его потребностей на заводе. Остальное изготавливалось на месте. Первая печь вступила в строй 7 июля 1942 г., печь № 2 – 20 октября, и 7 ноября – печь № 4[173].

Разрозненное оборудование, основу которого составляли станки завода № 526 из Киева, собрали на площадке, строившейся с 1939 г. в Сталинске льнопрядильной фабрики. Постановлением от 16 августа 1941 г. СНК СССР было решено создать на площадке предприятия оружейный завод № 526. К февралю 1942 г. на завод прибыло 257 станков, и уже 95 работали. На предприятии производили сборку пулеметов Дегтярева[174].

В город частично эвакуировали завод № 252, а также предприятие № 192 Наркомата судостроительной промышленности из Москвы. Завод

[172] Лукин А. А. Наращивание мощностей тяжелой индустрии в Новокузнецке в период Великой Отечественной войны // Новокузнецк в прошлом и настоящем: материалы научной конференции, посвященной 350-летию основания Кузнецка. Новокузнецк: [б. и.], 1971. С. 150–152.
[173] История Кузбасса. Кемерово: «Скиф», 2006. С. 196.
[174] ГАК (филиал в г. Новокузнецке). Ф. Р–122. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

№ 252 был объединен с перевезенным из г. Петропавловска (Казахстанского) заводом № 253. Однако в первом квартале 1942 г. предприятие № 192, а в 1943 г. № 252 реэвакуировали из города[175].

Еще одним важным событием являлся ввод в эксплуатацию алюминиевого завода, который вступил в строй действующих 5 января 1943 г. На площадку завода частично был эвакуирован Днепровский алюминиевый завод из Запорожья. За годы Великой Отечественной войны предприятие выдало 28 тысяч тонн алюминия. Каждый второй бомбардировщик, истребитель и штурмовик были сделаны из Сталинского алюминия[176].

В 1943 г. был пущен в эксплуатацию Кузнецкий цементный завод[177]. Во время строительства он принял оборудование двух цементных заводов: Орджоникидзевского Сталинской области и частично Каменского (г. Днепродзержинск, ныне г. Каменское) Днепропетровской области. Завод был построен в городской черте г. Сталинска в районе промышленной площадки строительной индустрии, в непосредственной близости от Кузнецкого металлургического комбината, отходы которого (гранулированный доменный шлак и колошниковая пыль) являлись основным сырьем для производства цемента[178].

Таким образом, на территорию г. Сталинска в годы Великой Отечественной войны было эвакуировано полностью либо частично оборудование 25 заводов. Большинство из них было размещено на промышленных площадях Кузнецкого металлургического комбината. Помимо этого, в городе были введены в эксплуатацию 6 новых предприятий, в том числе на базе оборудования эвакуированных заводов.

Эвакуированное оборудование предприятий принимал и Прокопьевск, третий по численности населения город региона. Из г. Красный Луч (ныне

[175] Шуранов. Н. П. Кузбасс – фронту. Кемерово: Притомское, 1995. С. 25.
[176] ГАК (филиал в г. Новокузнецке). Ф. Р-81. Оп. 5. Д. 72. Л. 2.
[177] ГАК. Ф. Р-797. Оп. 2. Д. 76. Л. 96.
[178] ГАК (филиал в г. Новокузнецке). Ф. Р-205. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

г. Хрустальный) Ворошиловоградской области в начале 1942 г. прибыло оборудование машиностроительного завода, которое разместили в зданиях центральных электромеханических мастерских (ЦЭММ) треста Прокопьевскуголь. Из воспоминаний эвакуированных работников известно, что оборудование пришло не полностью, часть, вероятно, была разбита по дороге, часть попала на другие заводы, сотрудников прибыло всего человек 30. Главный инженер завода вспоминал: «Началась разгрузка прибывшего оборудования и размещения его по цехам, а также приспособление помещений. Общая производительная площадь тогда составляла 34 тыс. м^2, да новый фрезерный участок, где стены не были еще выложены – 1,5 тыс. м^2. Но и туда тоже устанавливали станки в 40-градусный мороз. Едва станок устанавливали на фундамент, он сразу же начинал работать». 4 июня 1942 г. вышло постановление СНК СССР о создании на базе эвакооборудования Прокопьевского механического завода[179].

Одним из главных предприятий города, созданным в военные годы является завод «Электромашина», который был создан на базе цехов М2, М6 и А9 гиганта электротехнической промышленности Харьковского электромеханического завода (ХЭМЗ). Оборудование цехов по производству машин постоянного тока разместили в здании бывшей центральной электростанции рудника, в мастерских ремесленного училища и горного техникума, а также в гараже треста «Прокопьевскуголь». Вместе со станками и установками в город прибыло почти 600 семей[180]. В результате работы предприятия в годы Великой Отечественной войны в Прокопьевске были заложены основы для становления крупного производства электротехнических машин, будущего флагмана машиностроительной промышленности города, марка которого стала известна по всей стране и за ее пределами.

[179] Победа была за нами!: история города Прокопьевска / сост. Р. А. Бикметов. Прокопьевск: Пласт: Издательская фирма Медведева, 1995. С. 231–235.
[180] Архивный отдел Администрации г. Прокопьевска. Ф. 95. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.

11 января 1942 г. на заседании бюро Прокопьевского горкома ВКП(б) поднимался вопрос о предоставлении помещений для оборудования Московского трансформаторного завода им. В. В. Куйбышева. По итогам заседания, директора ремонтной базы Кузбассшахтострой тов. Арфеева обязали освободить все помещения и склады ремонтной базы и передать их трансформаторному заводу к 15 января 1942 г. После этого директор трансформаторного завода тов. Рабинович должен был немедленно приступить к размещению оборудования в помещениях ремонтной базы и развернуть подготовку к строительству завода. В итоге под размещение эвакооборудования было отведено здание ЦЭММ треста «Прокопьевскуголь» площадью 2 200 м^2 и здание ремонтной базы «Кузбассшахтостроя 1 500 м^2 – всего 3 700 м^2, что составляло 30 % от необходимой площади[181].

В город частично прибыло оборудование завода «Свет шахтера» из Харькова. Оно разместилось на базе завода лампового хозяйства (ЗОЛХ). Вместе со станками и материальными ценностями прибыло около 100 сотрудников[182]. Помимо этого, в Прокопьевск был эвакуирован завод маркшейдерских инструментов из того же города, оборудование которого также было размещено в цехах ЗОЛХ[183].

В Прокопьевск было эвакуировано оборудование Московской и Киевской табачных фабрик. Для его размещения было выделено двухэтажное здание с полуподвальным помещением – бывшая школа в Березовой Роще. Производство начали сразу после прибытия оборудования и сырья,

[181] ГАК. Ф. П-26. Оп. 6. Д. 16. Л. 5.
[182] Победа была за нами!: история города Прокопьевска / сост. Р. А. Бикметов. Прокопьевск: Пласт: Издательская фирма Медведева, 1995. С. 227.
[183] Постановление ГКО СССР № 681 сс об утверждении плана эвакуации предприятий из г. Харькова и Харьковской области // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 156.

постепенно оно набирало обороты[184]. Также в город была эвакуирована Кондитерская фабрика из г. Полтава[185].

За годы Великой Отечественной войны в Прокопьевск было эвакуировано полностью или частично оборудование 9 предприятий, это способствовало не только расширению действующих промышленных объектов, но и введение в строй новых, таких как: завод «Электромашина», механический завод и табачная фабрика.

Соседний Киселевск принял эвакооборудование четырех предприятий. Завод «Красный Круль» из Таллина с 27 июля 1941 г. начали размещать в городе на площадке ЦЭММ треста «Кагановичуголь». Всего прибыло 226 единиц станков и материальных ценностей, 143 сотрудника. Оборудование Рутченковского рудоремонтного завода из г. Сталино было размещено в гараже треста «Кагановичуголь». Там же разместились станки и установки завода «Мотор» из Воронежа. 28 ноября 1941 г. на базе центральных механических мастерских треста и прибывшего оборудования было решено создать новое предприятие под названием «Киселевский завод угольного машиностроения»[186].

Постановлением СНК СССР от 10 августа 1941 г. было принято решение о создании в городе завода № 605. На него было эвакуировано оборудование Московского завода № 70 им. Владимира Ильича. Всего прибыло 80 вагонов, в том числе 239 единиц оборудования и 534 рабочих. В декабре 1941 г. завод по производству снарядов для «Катюш» был введен в эксплуатацию[187].

В годы войны в Ленинске-Кузнецком возникли несколько крупных промышленных предприятий, в том числе за счет перебазирования промышленных мощностей. Одним из первых, эвакуированных в город, стал

[184] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 569. Л. 10.
[185] Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. Кемерово, 2025. С. 213.
[186] Там же. С. 212.
[187] Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2000. С.63–64.

Харьковский машиностроительный завод «Красный Октябрь»[188]. В город прибыло не все оборудование, а только 40 станков. На их базе, на территории старых центральных механических мастерских и мастерских треста «Ленинуголь», был создан завод с тем же названием. Он функционировал под управлением комбината «Кузбассуголь» и занимался ремонтом и частичным производством простейшего горного оборудования[189]. Кроме того, на предприятии производили 82-мм минометы[190].

В Ленинск-Кузнецкий частично прибыло оборудование завода № 220 «Мосэлемент» Наркомата электропромышленности[191]. 5 декабря 1941 г. прибыли первые сотрудники, в конце месяца принимали оборудование и еще 273 специалиста. Эти рабочие составляли около 10–15 % от всего личного состава Московского завода. Первоначально предприятие было создано как филиал основного завода, однако в 1943 г. оно становится самостоятельным под названием завод № 587 («Кузбассэлемент»)[192].

Филиалом эвакуированного из Подмосковья приборостроительного завода, который разместился в Новосибирске, стало предприятие в Ленинске-Кузнецком, занимающееся производством оптических приборов для армии (прицелы, перископы, бинокли). Вскоре оно оформилось как самостоятельный завод – № 588 в системе Наркомата вооружений[193].

Прибыло эвакуированное оборудование промышленных предприятий и в Белово. В городе на площадях ремесленного училища № 14 был размещен Коломенский патефонный завод[194]. Вместе со станками прибыли 600

---

[188] ГАК. Ф. П-127. Оп. 2. Д. 45. Л. 262.
[189] Ленинск-Кузнецкий: страницы истории: в 2 т. Т. 2. 1941–2014 / А. М. Адаменко [и др.] 1941–2014. Новосибирск: Приобские ведомости, 2014. С. 32.
[190] Советское военно-политическое руководство в годы Великой Отечественной войны. Государственный Комитет Обороны СССР. Политбюро ЦК ВКП(б). Совет народных комиссаров СССР: сборник документов / отв. ред. И. В. Быстрова, В. В. Захаров. М.: РОССПЭН, 2021. С. 186–187.
[191] ГАК. Ф. Р-418. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.
[192] ГАК. Ф. Р-418. Оп. 2. Д. 7. Л. 27–27об.
[193] Ленинск-Кузнецкий: страницы истории: в 2 т. Т. 2. 1941–2014 / А. М. Адаменко [и др.] 1941–2014. Новосибирск: Приобские ведомости, 2014. С. 33.
[194] ГАК. Ф. П-88. Оп. 1. Д. 10. Л. 50–51.

человек. С помощью их и дополнительно принятых на работу сотрудников были созданы цехи: штамповочный, механический, пластмассовый, сборочный и др.[195]. Здесь же было размещено оборудование Апрелевского завода памяти 1905 г. из рабочего поселка Апрелевка Наро-Фоминского района Московской области[196]. Предприятие получило название – Завод № 842 НКЭП («Кузбассрадио»).

Также в городе разместилось оборудование Московского опытного завода киноаппаратуры, а также Одесского завода киноаппаратуры Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. Оборудование предприятий смонтировали в здании городского Совета депутатов трудящихся и железнодорожного училища № 5. В результате был создан «Беловский завод киноаппаратуры им. Ф. Э. Дзержинского», сокращенно завод № 288 «Кинап»[197].

На единственный в Сибири цинковый завод прибыло оборудование Константиновского цинкового завода. С его прибытием на предприятии смонтировали еще две обжиговые печи и агломерационную машину, газогенераторную станцию[198]. Таким образом, в Белово были эвакуированы станки и материальные ценности 5 промышленных предприятий.

Анжеро-Судженск также стал центром принятия эвакуированного оборудования. В годы войны в городе вступил в строй действующих рудоремонтный завод, который в связи с эвакуацией на его промышленные площади оборудования эвакуированных предприятий из Конотопа («Красный металлист») и Харькова («Свет шахтера») был преобразован в машиностроительный завод, ставший в дальнейшем крупнейшим

[195] Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2000. С.64
[196] ГАК. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.
[197] Шуранов. Н. П. Кузбасс – фронту. Кемерово: Притомское, 1995. С. 29.
[198] Перескокова М. В. Промышленность города Белово в измерении военного времени// Шахтерские города Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Материалы региональной научно-практической конференции, Прокопьевск, 28 мая 2015 года / науч. ред. А. Б. Коновалов. Прокопьевск: «Кузбассвузиздат», 2015. С. 114; ГАК. Ф. П-88. Оп. 1. Д. 15. Л. 269.

поставщиком горно-шахтового оборудования[199]. Также в городе некоторое время действовал Харьковский вагоноремонтный завод, однако его оборудование было реэвакуировано обратно на Украину[200]. Анжеро-Судженск принял станки и материальные ценности химико-фармацевтического и салицилового заводов из Москвы. Это способствовало созданию в городе химического завода № 37[201].

Из отчета о работе Анжеро-Судженского горкома ВКП(б) от 18–19 марта 1942 г. известно, что перед Анжерской партийной организацией и жителями города была поставлена сложная задача – в кратчайший срок ввести в эксплуатацию на новом месте оборудование эвакуированных предприятий. В документе подчеркивалось, что данная задача была выполнена: завод «Свет шахтера» после перебазирования в короткий срок стал давать продукцию, а с августа 1942 г. стал специализироваться на горно-шахтовом оборудовании. Химзавод был эвакуирован в январе 1942 г., и в сентябре 1942 г. стал давать продукцию[202].

Кроме того, в Анжеро-Судженске на площадке строившегося шпалопропиточного завода осенью 1941 г. частично было размещено оборудование двух стекольных предприятий из пгт. Великооктябрьский Фировского района Калининской (ныне Тверской) области и пгт. Бытошь Дятьковского района Орловской (ныне Брянской) области. Прибывшие

[199] Чекина Л. И. Все для фронта, все для победы: о работе промышленных предприятий Анжеро-Судженска в годы войны // Шахтерские города Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Материалы региональной научно-практической конференции, Прокопьевск, 28 мая 2015 года / Науч. ред. А. Б. Коновалов. Прокопьевск: «Кузбассвузиздат», 2015. С.75.
[200] Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2000. С. 63.
[201] Бельков В. И. Документы государственного архива Кемеровской области об отдельных вопросах работы промышленных предприятий г. Анжеро-Судженска в годы Великой Отечественной войны // Шахтерские города Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Материалы региональной научно-практической конференции, Прокопьевск, 28 мая 2015 года / науч. ред. А. Б. Коновалов. Прокопьевск: «Кузбассвузиздат», 2015. С. 45.
[202] ГАК. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 44. Л. 38, 40.

промышленные ценности способствовали созданию в городе собственного стекольного завода[203].

В Юрге на площадке строящегося завода «Т» НКВ разместилось оборудование двух крупных заводов Наркомата вооружения: № 221 «Баррикады» из Сталинграда и частично № 232 «Большевик» из Ленинграда. Оба предприятия были поставщиками тяжелых артиллерийских систем для армии. Помимо этого, на площадке предприятия частично были смонтированы станки машиностроительного завода им. Сталина из г. Краматорска Сталинской области. В первую очередь шло строительство механического, инструментального, ремонтного, котельного и кузнечного цехов, а также закладывались фундаменты под мартеновские печи[204]. Также на площадку предприятия частично прибыло оборудование завода № 371 из г. Ленинграда[205].

Вместе с оборудованием прибывали в Юргу опытные рабочие, мастера, инженеры. Работа по установке станков проводилась в сложных условиях, по воспоминаниям мастера 59-го цеха И. И. Нифонтова известно, что «подъездных путей к цехам не было, не было даже маломощных кранов. Громадные станки втаскивали в цех и устанавливали с помощью самых примитивных такелажных устройств <…> Нередко случалось так, в одном конце еще хлопочут строители, а в другом уже затачивают металлорежущие инструменты. Не спешить было нельзя: десятки заводов в разных концах страны ждали продукцию Юргинского машиностроительного»[206].

Л. Л. Мирошникова вспоминала, что их эвакуировали вместе с заводом «Большевик» из г. Ленинград. Из вещей можно было взять с собой только самое необходимое. Семья ехала в Юргу в вагонах вместе с оборудованием под постоянными бомбежками. По пути следования на эвакопунктах их

[203] ГАК. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 7. Л. 44–44 об.
[204] ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 102.
[205] Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. Кемерово, 2025. С. 213.
[206] Горбатов В. В. Юрга. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1978. С. 26.

кормили и давали необходимые продукты. После прибытия в город эвакуированные сразу начали выгружать оборудование под открытым небом. Прибывших граждан разместили в зданиях железнодорожного дома отдыха. Лилия Леонидовна отмечает, что местное население относилось к ним приветливо[207].

Помимо Кемерова, частично оборудование азотно-тукового комбината из г. Сталиногорска (с 1961 г. Новомосковск Тульской обл.) было размещено в Осинниках. Планировалось начать возведение завода на новой площадке, однако строительство затягивалось и вскоре поступило распоряжение о реэвакуации станков и материальных ценностей обратно[208].

В Гурьевске на площадке металлургического предприятия было размещено оборудование болтового завода из г. Дружковка Сталинской области[209]. Частично оборудование машиностроительного завода из г. Ливны Орловской области было эвакуировано в г. Топки. Первоначально места для станков в городе найти не смогли, и они разместилось в 25 км от города в совхозе № 179. В 1942 г. в Топках была отведена площадка, где началось строительство завода противопожарного оборудования Наркомата минометного вооружения, на котором и разместилось эвакооборудование из г. Ливны[210]. В пгт. Яшкино на площадку действующего цементного завода было эвакуировано оборудование подобного предприятия из Брянской области[211].

Также на территории поселка Промышленная было размещено оборудование завода «Спецшвейнмашина» и колодочно-каблучной фабрики из Киева. Станки и материальные ценности прибывали разрозненными партиями в течение октября 1941 г. Полностью смонтировать оборудование

[207]Мирошникова Л. Л. // «Дети войны». URL: https://детивойны42.рф/мирошникова-лидия-леонидовна/ (дата обращения: 29.01.2026).
[208] Шуранов Н. П. Кузбасс – фронту. Кемерово: Притомское, 1995. С. 30.
[209] Постановление ГКО СССР № 755 сс об эвакуации из Сталинской области предприятий Наркомата черной металлургии // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 41.
[210] Кузбасс. Прошлое, настоящее, будущее / Мартынов А. И., [и др.]. 2-е изд., перераб. Кемерово: Кн. изд-во, 1978. С. 234.
[211] Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2000. С. 66.

было невозможно из-за отсутствия электропровода, поэтому первоначально начали выпускать только некоторую продукцию: шпульные колпачки, коленчатые валики и др. В дальнейшем на базе эвакооборудования двух предприятий будет создан завод «Спецмашдеталь»[212].

Таким образом, на территорию Кузбасса полностью или частично было эвакуировано оборудование 97 предприятий[213]. На их базе были созданы 33 новых завода: 11 новых предприятий были введены в эксплуатацию в Кемерове, 6 – в Новокузнецке, по 3 – в Анжеро-Судженске, Ленинске-Кузнецком и Прокопьевске, по 2 – в Белово и Киселевске, по одному заводу было создано в Топках, Юрге и Промышленном. При размещении эвакуированных заводов и фабрик в городах региона максимально учитывался их профиль, специализация и выпускаемая продукция. Поэтому часть промышленных объектов, прибывших из европейской части страны, присоединялась к аналогичным предприятиям на местах, в Кузбассе.

Эвакуация населения в Кузбасс была напрямую связана с перебазированием промышленных объектов на территорию области. Определить точное количество эвакограждан, которые прибыли в регион с предприятиями, достаточно сложно. При этом удалось установить, что в Сталинске на 1 февраля 1942 г. было 15 195 чел. эвакуированных с предприятиями, что составляло 82 % от всех прибывших в город[214]. Высокий процент эвакуированных с заводами объясняется комплексом факторов. Во-первых, к началу 1942 г. завершился первый и наиболее масштабный этап эвакуации промышленности из прифронтовой полосы, в ходе которого предприятия эвакуировались целыми коллективами. Во-вторых, ключевую роль сыграло наличие в Сталинске Кузнецкого-металлургического комбината – одного из крупнейших производителей

[212] История Кузбасса: в 3 ч. Ч. 3. История Кузбасса в период строительства социализма и коммунизма / П. К. Редькин [и др.]. Кемерово: Кн. изд-во, 1970. С. 71.
[213] Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов / Сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. Кемерово, 2025. С. 14.
[214] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1 . Д. 172. Л. 36.

продукции для оборонной промышленности, ставшего базовой площадкой для размещения эвакуированных предприятий. В-третьих, массовая мобилизация рабочих кадров на фронт (с КМК за первые месяцы войны убыло свыше 5 000 чел.) объективно требовала восполнения рабочей силы за счет организованного прибытия квалифицированных специалистов с эвакуированными заводами [215].

В Кемерово на 1 января 1943 г. с предприятиями прибыли 8 559 чел. (40 % от общего количества эвакуированных)[216]. Эти данные косвенно подтверждаются сведениями электронной базы данных «Эвакуация населения в Кемеровскую область в годы Великой Отечественной войны», созданной в Государственном архиве Кузбасса. В ней содержатся полные списки эвакуированных из фонда Р-57 (Кемеровское городское бюро по принятию и устройству эвакуированных), а также некоторые материалы из других фондов. Согласно этим спискам, в Кемерово вместе с предприятиями было эвакуировано также около 40 % граждан, остальные прибыли в город без предприятий.

Всего в базе данных имеются сведения о 39 тыс. эвакограждан, однако сделать корректную выборку по области на основе этих данных не представляется возможным, так как массив данных преимущественно включает информацию по областному центру[217]. С уверенностью можно говорить о том, что значительная часть эвакуированного населения прибыла в города Кузбасса именно с предприятиями и организациями, что косвенно подтверждается данными из архивных документов.

[215]История Кузнецкого металлургического комбината имени В. И. Ленина / Е. М. Полянская [и др.]. М.: Металлургия, 1973. С. 262.
[216]ГАК. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
[217]База данных Государственного архива Кузбасса (ГАК): «Эвакуация населения в Кемеровскую область в годы Великой Отечественной войны». URL: http://arhfond.arhiv42.ru/database/7 (дата обращения: 01.11.2025).

1.3. Размещение и численность эвакуированного населения на территории региона

С началом Великой Отечественной войны под угрозой оккупации немецко-фашистскими захватчиками оказалась значительная часть территории СССР. В связи с этим для сохранения промышленного потенциала страны и скорейшей перестройки экономики на военный лад, начинается процесс эвакуации промышленных мощностей в тыловые регионы. Не менее важной задачей наряду с эвакуацией заводов являлось спасение населения. Эвакуация граждан также способствовала перестройке экономики, поскольку значительная часть эваконаселения прибывала из западных районов страны вместе с предприятиями, что позволяло на местах быстрее наладить производство, а также обеспечить промышленные объекты рабочей силой. Однако главной задачей эвакуационного процесса являлось спасение жизней миллионов советских людей.

Понятие «эвакуированное население» в годы войны имело конкретное значение: «лица, прибывшие из прифронтовой полосы во время войны, а также лица, командированные в область, если территория их постоянного проживания занималась врагом»[218]. Граждане, получившие статус «эвакуированных», обладали различными льготами, такими как продовольственное и вещевое обеспечение, материальная помощь, медико-санитарное обслуживание, обеспечение жильём, трудоустройство.

С позиции организации процесса эвакуации можно выделить две группы эвакограждан. Первая включала в себя рабочих различных учреждений и предприятий, чья эвакуация планировалась Советом по эвакуации, а затем была организована соответствующими наркоматами. Вторая группа включала в себя население, которое самостоятельно покинуло места своего проживания – беженцы. В эту же группу стоит отнести граждан

[218] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 142. Л. 157.

из Москвы и Ленинграда, которые были эвакуированы с целью разгрузить данные города от большого количества населения по военно-политическим соображениям[219].

К концу 1942 г. в тыловые регионы страны на восток было вывезено от 12 до 17 млн. чел. Западная Сибирь приняла более 1 млн. граждан[220]. За два года войны на территорию региона было эвакуировано 244 промышленных объекта, театры, ремесленные училища, школы фабрично-заводского ученичества (ФЗО) ВУЗы, научно-исследовательские институты. Западная Сибирь имела развитую промышленность, обширную территорию, а также была достаточно удалена от линии фронта. Все это позволяло обеспечить необходимые условия для эвакуации промышленных объектов и гражданского населения на территорию региона. Уже в июле-августе 1941г. в Западную Сибирь стали поступать эвакограждане[221].

В сентябре 1941 г. в стране создали Управление по эвакуации населения. Согласно постановлению № 49 Новосибирского облисполкома и бюро обкома ВКП(б) «О руководстве делом трудового устройства эвакуированного населения» от 4 октября 1941 г. уполномоченным Управления по эвакуации в Новосибирскую область был утвержден К. Л. Гончаренко. Задачами Управления являлись обслуживание эваконаселения во время следования в пределах области, его прием, размещение и хозяйственное устройство на территории региона[222].

---

[219] Беленко М. П. Источники по численности гражданского населения, эвакуированного в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 2. С. 89.

[220] Романов Р. Е. Социально-трудовые перемещения эваконаселения в западносибирском тылу (1941–1945): ограничения и стимулы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 8: История. С. 147.

[221] Сафонова Т. А. Прием и размещение эвакуированного населения в Западной Сибири в 1941–1942 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. №. 4 (20). С. 122.

[222] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 83.

Уполномоченные имели свои аппараты в городах области. Они были небольшие: в крупных городах – 5 человек (Новосибирск, Томск, Новокузнецк, Кемерово), в городах, меньших по населению, – 3–4 человека (Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий), в небольших городах – по одному человеку (Белово, Тайга, Киселевск, Осинники).

Важнейшую роль в организации эвакуационного процесса выполняли эвакуационные пункты. В них временно размещались эвакограждане, прибывшие из прифронтовой полосы. Во главе пункта стоял начальник, который назначался обл(край)исполкомом или Совнаркомом республики. Эвакопункты делились на два класса. Первый осуществлял полный перечень задач, который был зафиксирован в положении «Об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы» от 5 июля 1941 г.[223]. Эвакопункты второго класса должны были осуществлять регистрацию эвакограждан, погрузку эваконаселения в эшелоны, обеспечивать питанием, проводить медико-санитарное обслуживание, вести политико-массовую работу[224].

Штат эвакуационного пункта (на 1500–2000 человек) первого класса включал в себя начальника эвакопункта, заместителя начальника по медицинской части. Административная часть была представлена заведующим хозяйством, комендантом зданий, заведующим делопроизводством, заведующим складами, парикмахером, сторожем-дворником, уборщицей, шофером конюхом, финансовая часть включала в себя бухгалтера. Медицинская часть состояла из заведующего медицинской частью, ординатором терапевтом, душером, фармацевтом, фельдшером, медицинскими сестрами, санитарками, дезинфектором. В общем насчитывалось 49 человек. В эвакопункте второго класса не было

[223]Постановление СНК СССР № 1823-816сс «Об утверждении Положения «Об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 287–293.

[224]Положение об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы // ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 4. Л. 12.

заместителя начальника по медицинской части, парикмахера, ординатора терапевта, старшей медицинской сестры, душера[225].

На территории РСФСР функционировало в марте 1942 г. 73 эвакуационных пункта[226]. В Новосибирской области действовало несколько крупных эвакопунктов: Барабинский, Новосибирский, Инской и Татарский. Население доставлялось в эвакопункты пассажирскими перевозками, к которым относились эшелонные и повагонные перевозки работников госучреждений, предприятий, организаций и их семей, перевозки эвакуированного населения по распоряжениям эвакопунктов, вывоз населения из прифронтовых районов по требованию военного командования, вывоз детских учреждений и школ по заявкам советов депутатов трудящихся, предприятий и организаций[227].

Оформление таких перевозок производилось грузовыми документами, в которых указывались станции отправления и назначения, число пассажиров (отдельно взрослых и детей от 5-ти до 10-ти лет) и пункты следования. Плата за перевозку эвакуированных работников перечислялась соответствующими учреждениями, организациями и предприятиями через филиал госбанка на доходный счет дороги отправления или вносилась наличными на станции отправления[228].

Перевозки лиц, эвакуированных по распоряжению местных советов депутатов трудящихся через эвакопункты, производились за наличный расчет путем продажи этим лицам пассажирских билетов с взысканием платы по действующим тарифам. Сверх стоимости билетов каждая эвакуированная семья оплачивала наличными стоимость провоза багажа,

---

[225] Положение об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы // ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 4. Л. 13.
[226] Справка заместителю председателя СНК РФСР А. А. Пекшеву // ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 4. Л. 25.
[227] Снегирева Л.И. Эвакопункты Западной Сибири и их роль в эвакуации населения в регион (1941–1943 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. №. 3 (144). С. 31, 34.
[228] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 137. Л. 55.

исходя из нормы до 100 кг на главу семьи и до 40 кг на каждого члена семьи[229].

Вывоз населения из прифронтовых районов по требованиям военного командования оформлялся актами, составляемыми на станции отправления в двух экземплярах. В актах указывалась дата отправления, станция отправления и назначения, количество отправленных пассажиров: отдельно взрослых, детей до 5-ти лет и от 5-ти до 10-ти лет. Акт подписывался начальником станции, уполномоченным по эвакуации или комендантом станции и начальником эшелона. На основании этих актов финансовый отдел железной дороги составлял расчет провозных плат по действующим пассажирским тарифам с включением стоимости провоза багажа в размере 32 кг на одного пассажира[230].

Согласно инструкции по встрече и отправке эвакуированных по Новосибирскому эвакопункту начальники смен должны были организовать через регистраторов проверку документов (паспортов, эвакосправок, воинских билетов) и проводить выдачу направлений в районы Новосибирской области, а также справок на безденежное и платное получение железнодорожных билетов, талонов на получение обедов и хлеба. На основании письменных и устных распоряжений начальник эвакопункта координировал работу по выдачи справок на безденежное получение железнодорожных билетов определенным лицам. Проверял работу дежурных по залу, по организации очередности, по приобретению билетов и также принимал меры к устранению выявленных нарушений. Начальник смены обеспечивал через старшего кассира получение билетов больным, престарелым эвакуированным, отставшим от эшелонов детям. Проверял, как работает детская столовая, хлебный буфет и ларек, обеспечивал смены

[229] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 137. Л. 55.
[230] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 137. Л. 56.

талонов на обед, хлеб и вел отчетность по талонам, а также отчет по отправке эвакуированных[231].

Регистраторы эвакуационных пунктов работали под непосредственным руководством начальника смены и должны были проверять внимательно паспорта, эвакодокументы и воинские билеты. Они также осуществляли выдачу направлений в районы по указанию начальника смены, выдавали талоны на обед и хлеб при наличии паспорта и эвакодокументов. Регистраторы были обязаны вести учет всех обслуженных эвакуированных, а также вести статистику по их направлению в города и районы Новосибирской области[232].

В местах формирования эшелонов, в поездах, на вокзалах порядок обеспечивали сотрудники милиции. Они обеспечивали посадку и высадку эвакограждан, проверяли их документы, предотвращали кражи. Важной задачей являлось предотвращение попадания на территорию Западной Сибири диверсантов, шпионов и других преступников. Для этого были созданы оперативные заслоны из работников милиции, а на крупных станциях действовали милицейские посты[233].

Первые эвакограждане прибыли в Новосибирск уже 15 июля 1941 г. в количестве 425 человек. На 15 августа 1941 г. в Западную Сибирь прибыло уже 52, 7 тыс. эваконаселения, в том числе 43,9 тыс. в Новосибирскую область. К ноябрю эта цифра возросла уже до 124, 4 тыс. чел., а максимальное значение можно наблюдать на 1 января 1943 г. – 504 251 чел.[234].

Согласно данным на 10 января 1942 г. по области статистика по эвакуированным гражданам была неполной. Надлежащего контроля за

[231] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп.1. Д. 137. Л. 68.
[232] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп.1. Д. 137. Л. 69.
[233] Шатилов С. П. Деятельность милиции Западной Сибири в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: (Историко-правовой аспект). Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2004. С. 77–78.
[234] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 28.

прибывающими эвакогражданами в население пункты области установлено не было. По данным картотеки переселенческого отдела, на 1 января 1942 г. эвакуированных учтено 198 500 человек, по оперативным данным – 380 415, а в действительности еще больше[235]. При этом население Новосибирской области на 1 мая 1942 г. составляло 4 766 160 чел., в том числе по сельской местности – 2 658 885 чел., по городам – 2 107 275 чел.[236].

Неполнота учета всего прибывшего в область эвакуированного населения объясняется, во-первых, несвоевременным получением конкретного указания об учете эвакуированного населения и высылки бланков формы № 2. Во-вторых, неточностью в учете эвакуированного населения, прибывающего вместе с эвакуированными заводами (количество людей было засекречено). В-третьих, имело место халатное отношение к своевременному учету эваконаселения со стороны отдельных местных советов и переселенческим отделом[237].

Плохо организованный учет эвакуированного населения отрицательно влиял на решение важнейших вопросов, связанных с его обустройством на новых местах. Было недостаточно информации для корректного выделения централизованных фондов снабжения населения продовольствием и промышленными товарами. Также без чёткого учета эвакограждан невозможно было просчитать, сколько жилой площади необходимо было подготовить для размещения данной категории населения, оценить количество граждан, которым нужно будет предоставить работу, а также обеспечить медико-санитарную помощь.

С нарушениями был поставлен учет эвакуированного населения практически во всех городах Новосибирской области. Например, в самом Новосибирске на 10 января 1942 г. было учтено только 30 000 человек при наличии принятых до 125 000 чел., или 24 %. Точного учета прибывшего эвакуированного населения с предприятиями в заводоуправлениях также не

[235] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 223.
[236] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 134. Л. 18.
[237] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 223.

велось. В эшелонных списках не было сведений о прибывших с рабочими заводов посторонних людей (родственники рабочих завода)[238].

План расселения эвакуированного населения по городам и районам Новосибирской области был принят в количестве 450 000 чел. Количество принятых на 1 января 1942 г. составило 380 415 чел., в том числе немцев-переселенцев 125 209 чел., расселенных в сельской местности. В городах эвакуированное население было расселено в количестве 176 000 чел. В сельских местностях эвакограждане в основном были размещены вблизи железнодорожных станций. В глубинные районы посылалась незначительная часть[239].

В городах области размещение эвакограждан было налажено хуже, чем в сельской местности. Точного учета подселенных граждан не велось. Имели место случаи, когда на одну комнату или одну квартиру выдавалось по несколько ордеров (Кемерово, Новосибирск). В таком случае часть граждан сами находили себе квартиры и вселялись в них[240].

При этом план простейшего строительства в городах области для эвакуированных граждан до конца не был выполнен. Учет и контроль над строительством жилья осуществлялся слабо. По неполным данным, учреждения и предприятия в Новосибирской области должны были построить индивидуальные дома в четвертом квартале 1941 г. 2 840 (построено 72), бараков – 976 (построено 256)[241].

Для систематизации данных о количестве эвакуированного населения 5 января 1942 г. СНК СССР принял постановление о переучете эвакуированных. На его основании Новосибирский облисполком принял решение «Об организации и проведении переучета эвакуированного в область населения», а затем направил в районы области письмо с рекомендациями. 31 января 1942 г. облисполком распоряжением № 149

[238] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 223.
[239] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 224–225.
[240] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 226.
[241] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 227.

обязал районных инспекторов и городских уполномоченных в период с 5 февраля по 5 марта 1942 г. провести полный переучет эваконаселения по форме № 2[242]. Это способствовало получению более достоверных данных о количестве эвакограждан.

Принятие эвакуированного населения на местах часто сопровождалось различными сложностями. Например, в ноябре 1941 г. проверкой было установлено, что обслуживание эвакуированных на станциях Новосибирск, Инская и других со стороны Транспортпита и Дорбуфета было поставлено совершенно неудовлетворительно. Особенно плохо обслуживались дети эвакуированного населения. Питание для детей и продажа промтоваров детского ассортимента ни на одной из станций не была организована[243].

На вокзале Новосибирска работал только один ларек по торговле хлебом и один – прохладительными напитками, вследствие чего образовывались большие очереди, в которых эвакуированное население простаивало часами. Хлеб в ларек завозился с большими перебоями. Разноска продуктов для детей и всего эвакуированного население по эшелонам не была организована. Работники ресторана и буфетов в вокзале Новосибирска с посетителями общались грубо[244].

Также плохо было организовано обслуживание эвакуированного населения на станциях Татарская, Чулым, Тайга и Барабинск. Заведующие городскими и районными отделами торговли городов и районов, где были расположены указанные станции, вопросами обслуживания эвакограждан не занимались.

На территории Кузбасса отсутствовали крупные эвакопункты. Эвакуированное население прибывало в районы и города региона в основном железнодорожным транспортом. Процесс принятия эшелонов сопровождался большим количеством сложностей. Например, был зафиксирован случай, когда 6 вагонов с людьми на станции Кемерово простояли в ожидании

[242] ГАК. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 3. Л. 17; ГАК. Ф. Р-858. Оп. 1. Д. 34. Л. 4.
[243] ГАНО. Ф. Р-1030, Оп.1. Д. 137. Л. 67.
[244] ГАНО. Ф. Р-1030 Оп.1. Д. 137. Л. 67.

разгрузки более 15 суток. А рабочие, прибывшие 11 ноября 1941 г. на Кемеровский коксохимический завод, ждали разгрузки 7 дней[245].

Стоит отметить, что уже к началу Великой Отечественной войны Кузбасс представлял собой развитый экономический район с большим количеством населения и высокой долей урбанизации. Кемеровские историки А. В. Бельков и К. А. Заболотская приводят данные, что на 1 января 1941 г. в районах и городах будущей Кемеровской области проживало 1762,2 тыс. человек, что составляло 19 % населения Западной Сибири. В городах проживало 57,3 % жителей, в сельской местности – 42,7 %[246]. На начало 1943 г. численность населения Кузбасса составляла уже 1 789,6 тыс. чел. На 1 июня 1945 г. население региона достигло отметки в 1 811,8 тыс. чел. Таким образом, в тяжелейшие военные годы население Кемеровской области выросло более чем на 49 тыс. человек или на 2,8 % (таблица 1).

Таблица 1

Изменения численности населения Кузбасса в годы Великой Отечественной войны

Годы	Все население		Городское население		Сельское население	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%
1941	1 762,2	100	1 010,4	57,3	751,8	42,7
1943	1 789,6	100	1 073,8	60	715,8	40
01.06.1945	1 811,8	100	1 195,5	66	616	34

Данные приводится по: Бельков А. В., Заболотская К. А. Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории 1920–2015 гг. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. С. 35.

Однако данные о численности населении Кузбасса в годы Великой Отечественной войны разнятся. В документе об экономических показателях

[245] Снегирева Л. И. Эвакуация населения и железнодорожный транспорт в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. №. 2 (155). С. 24.
[246] Бельков А. В., Заболотская К. А. Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории 1920–2015 гг. Кемерово, 2015. С. 33.

Новосибирской и Кемеровской областей на 1943 г. указана численность населения Кузбасса еще до его выделения в отдельный регион. На 1 августа 1942 г. она составляла 1 855,8 тыс. чел. Количество мужчин – 718,9 тыс. чел, женщин – 1136,9 чел.[247]. На 1 января 1943 г. население области, по архивным данным, достигло отметки в 1 898, 3тыс. чел. (приложение 5)[248]. Таким образом, разница в данных на 1 января 1943 г. может достигать порядка 100 тыс. чел. Причиной этому могли послужить ошибки в документах и разные источники, к которым обращались исследователи, а также сложности в учете населения некоторых районов. Например, Зырянский район был в составе Кемеровской области с января 1943 г. по август 1944 г., затем стал частью Томской области. Даже при расхождении данных о точной численности населения региона можно однозначно говорить об ее увеличении в годы Великой Отечественной войны.

Причиной увеличения численности населения региона являлась в первую очередь эвакуация людей из прифронтовых и оккупированных территорий СССР. Проследить точную численность эвакограждан на территории Кузбасса достаточно сложно. Во-первых, при заполнении отчетных документов по эвакуационному процессу довольно часто встречаются опечатки и ошибки. Во-вторых, полные сведения по Кемеровской области становятся доступны только с января 1943 г, когда указом Президиума Верховного Совета СССР в составе РСФСР была образована Кемеровская область.

При этом существуют сведения о размещении эвакуированных граждан по отдельным городам и районам Новосибирской области. С помощью этих данных представляется возможным определить количество эвакограждан на территории Кемеровской области (приложение 4).

[247] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 63. Л. 36.
[248] ГАК. Ф. Р-304. Оп. 1. Д.1. Л. 107.

На 1 января 1942 г. оно составляло 142 199 чел. В городах проживало 70 234 чел., в сельской местности – 71 965 чел[249].

С 1 января 1943 г. становится доступной информация именно по Кузбассу. Анализируя данные по численности населения региона на начало года (приложение 5), стоит обратить внимание, что процент эвакограждан в некоторых городах является довольно высоким: в Анжеро-Судженске – 17 %, в Киселевске – 22 %, при этом, абсолютным лидером является г. Осинники, где процент эвакуированного населения от общего числа горожан составляет 55 %. Прибытие такого большого количества эвакограждан в этот город можно объяснить его значимостью как важного экономического центра, в котором за годы войны среднесуточная добыча угля выросла с 3765 т до 8061 т.[250]. В 1945 г. город обеспечивал порядка 10 % добычи коксующихся углей всей страны, а каждая пятая тонна угля Кузбасса была выдана горняками Осинниковского рудника[251].

Однако крупнейшими городами Кузбасса остаются Сталинск с населением 196 847 чел. (11 % эвакограждан), Кемерово – 180 291 чел. (12 % эвакограждан) и Прокопьевск – 128 621 чел. (12 % эвакограждан). Из районов с высоким процентом эвакуированного населения можно отметить Юргинский – 15 %, Киселевский – 14 %, Прокопьевский – 13 %. В целом, по области эвакограждане составляли 11 % от общего числа жителей, а их численность составляла 209 049 чел. В городах проживало 128 558 (61,5 %) чел., в сельской местности – 80 491 (38,5 %) чел[252]. В возрастной структуре эвакуированного населения дети составляли 38,5 %, трудоспособные граждане – 49,4 % граждане пенсионного возраста – 12,1 %[253].

---

[249] ГАНО. Ф Р-1030. Оп. 1. Д. 137. Л. 60–61

[250] Цыряпкин А. С. Осинники. Кемерово: Притомское, 1995. С. 118.

[251] Архипенко Е. А. Социально-бытовые аспекты тыловой повседневности города Осинники // Шахтерские города Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Материалы региональной научно-практической конференции, Прокопьевск, 28 мая 2015 года / науч. ред. А. Б. Коновалов. Прокопьевск: «Кузбассвузиздат», 2015. С. 214.

[252] ГАК. Ф. Р-304. Оп. 1. Д.1. Л. 107.

[253] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 3 «Спасенное детство» / отв.

В столице Кузбасса возрастная структура значительно отличалась: дети (до 14 лет) составили 22,2 %, трудоспособные граждане – 71,6 %, граждане пенсионного возраста – 3,9 %. В города региона эвакуировали в основном трудоспособное населения, которое должно было с первых дней включаться в работу местной промышленности для обеспечения фронта. На основе Базы данных Государственного архива Кузбасса «Эвакуация населения в Кемеровскую область в годы Великой Отечественной войны» удалось определить национальный состав эвакуированного населения в Кемерово: русские – 55,3 %, украинцы – 21 %, евреи – 16,6 %, белорусы – 1,5 %, татары – 0,6 %, другие – 4,2 %, не указали национальность – 0,8 %[254].

Максимальная численность эвакуированного населения на территории Кузбасса была зафиксирована на 1 апреля 1943 г. – 212,5 тыс. чел, в дальнейшем цифра будет снижаться[255]. На 1 января 1944 г. количество эвакограждан составляло 110,7 тыс. чел., на 1 апреля 1945 г. – 73,9 тыс. чел, на 1 января 1946 г. – 37, 5 тыс. чел., на 1 января 1948 г. в проживало около 10 тыс. чел., прибывших в регион за годы Великой Отечественной войны (таблица 2)[256].

ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 373; ГАНО Ф. Р-1030. Оп.1 Д. 287. Л. 4–4об.

[254] База данных Государственного архива Кузбасса (ГАК): «Эвакуация населения в Кемеровскую область в годы Великой Отечественной войны». URL: http://arhfond.arhiv42.ru/database/7 (дата обращения: 01.11.2025).

[255] Справка о состоянии работы отдела Кемеровского облисполкома по хозяйственному устройству эвакуированного населения на 20-е мая 1943 г. // ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 30. Л.117.

[256] Сводные сведения о количестве эвакуированного населения, его размещения и трудоустройства по отраслям народного хозяйства // ГАРФ Ф. А-327. Оп. 2. Д. 404. Л. 1; Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С.332.

Таблица 2

Динамика численности эвакуированного населения в Кузбассе с 1942 по 1945 гг.

На 1 января 1942 г. (тыс. чел.)	На 1 января 1943 (тыс. чел.)	На 1 апреля 1943 (тыс. чел.)	На 1 января 1944 (тыс. чел.)	На 1апреля 1945 (тыс. чел.)
142, 2	209	212,5	110, 7	73,9

Данные составлены по: ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 137. Л. 60–61; ГАК. Ф. Р-304. Оп. 1. Д.1. Л. 107.; ГАРФ Ф. А-327. Оп. 2. Д. 404. Л. 1.; Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 332.

По состоянию на 1 апреля 1944 г. (приложение 7) на территории региона проживали эвакограждане из следующих республик, краев, областей и городов: Белоруссия (2,5 тыс. чел), Украина (31,1 тыс. чел), Молдавия (0,5), Латвия (0,4 тыс. чел.), Литва (0,3 тыс. чел.), Эстония (0,5 тыс. чел), Карело-Финская ССР (2,8 тыс. чел.), г. Ленинград (16,4 тыс. чел), Ленинградская область (16,3 тыс. чел.), г. Мурманск (0.1 тыс. чел), Калининская область (4,2 тыс. чел.), Смоленская область (5,2 тыс. чел), г. Москва и Московская область (6,1 тыс. чел.), Тульская область (1,8. тыс. чел), Орловская область (1 тыс. чел), Курская область (1,4 тыс. чел.), Воронежская область (1,8 тыс. чел), Ростовская область (2,8 тыс. чел.), Сталинградская область (2,1 тыс. чел.), Крым (0,7 тыс. чел), прочие (4,7 тыс. чел). Всего на данный период времени на территории Кузбасса находилось порядка 110, 7 тыс. чел. эвакуированных граждан.[257].

Кузбасс затронуло и переселение немцев Поволжья. Как указывает В. В. Сарнова, их правовой статус в начальный период войны (1941–1942 гг.)

[257] Сведения о местах выхода эвакуированного населения на 01.04.1944 г. // ГАРФ Ф. А-327. Оп. 2. Д. 423. Л. 24.

не был четко определен[258]. В 1941 г. на местах к ним зачастую относились как к эвакуированным или сельскохозяйственным переселенцам[259]. Лишь с 1942 г. они начинают восприниматься населением и властями как спецпереселенцы[260]. По данным исследователей Т. Ю. Хромовой и Е. П. Добрыгиной, к концу первого года войны на территорию области прибыло 34 360 чел. из упраздненной республики. Распределение данной категории граждан по районам области было неравномерным. Больше всего немцев разместилось в Юргинском (4 791 чел.) и Ижморском (5 075 чел.) районах[261].

Стоит отметить, что в соответствии с постановлением ГКО от 7 октября 1941 г. происходила мобилизация лиц немецкой национальности для работы в промышленности и строительстве. В Кузбассе данная мера позволила значительно пополнить кадровый состав угольных предприятий за счёт немцев Поволжья: на 29 декабря 1942 г. их число на шахтах достигало 9 393 чел.[262]. Параллельно их труд использовался и в сельском хозяйстве, в частности, в совхозах.

Известно, что некоторые города области были закрыты для отдельных групп эвакограждан. Согласно постановлению Новосибирского Облисполкома от 1 ноября 1941 г. в режимных городах области (Анжеро-Судженск, Кемерово, Сталинск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий) запрещалось прописывать беженцев и лиц, прибывавших неорганизованным

---

[258] Сарнова В. В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. С. 26–27.

[259] ГАК. П-18. Оп. 1. Д. 4. Л. 170; ГАК П-35. Оп. 1. Д. 21. Л. 189; ГАК П-112. Оп. 1. Д. 61. Л. 222.

[260] Обердерфер Л. И. Депортированные немцы в Западной Сибири (1941–1944 гг.): действительность и правовой статус // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 189–190.

[261] Хромова Т. Ю., Добрыгина Е. П. Основные тенденции демографического развития сельских районов Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2015. №. 3. С. 198.

[262] Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). Кемерово: Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва, 2009. С. 130, 133.

способом. При выявлении таких граждан разрешалось в течение двух недель выселять их в сельские районы с обязательным трудоустройством. Также их можно было направлять в другие города, где была нехватка рабочих рук[263].

Эвакуированные граждане прибывали в тыловые регионы не только с промышленными предприятиями или самостоятельно. Стоит упомянуть, что многие учебные заведения также были эвакуированы вместе с учащимися и преподавателями. Только за 1941 г. данный процесс затронул 344 училища в составе 5 973 чел. и 219 школ ФЗО с контингентом 26 012 человек. Учебные заведения были размещены в 30 областях краях и республиках. Наибольше количество учреждений приняли Урал и Западная Сибирь. Всего за период 1941–1942 гг. были эвакуированы 473 ремесленных и железнодорожных училища и 242 школы ФЗО со 125 тыс. учащихся. На 1 января 1942 г. на территорию Сибири перебазировались более 15 % всех учреждений, большая часть из которых была размещена именно на территории Новосибирской области. В общей сложности в Новосибирскую область было эвакуировано 150 училищ и школ ФЗО и около 30 тыс. учащихся. Учебные заведения были размещены либо в смежных учреждениях, либо во вновь созданных заведениях[264].

Размещение в Кузбассе образовательных учреждений профессиональной направленности объяснялось его форсированным экономическим развитием, острой нуждой в квалифицированных специалистах на промышленных предприятиях. Только в г. Кемерово было эвакуировано 6 школ фабрично-заводского обучения, 11 ремесленных училищ. В Сталинск прибыло 3 ремесленных училища, одно учреждение разместилось в Ленинске-Кузнецком. По одному железнодорожному училищу было эвакуировано в Белово, Тайгу, Топки. В Тайге также был размещен Ленинградский техникум железнодорожного транспорта им.

[263] Ермолаев А.Н. Эвакуация населения в Кемеровскую область (указатель архивных материалов. Кемерово: ЗАО «Алкор». 2002. С. 3.
[264] Докучаева И. Г. Учебные заведения трудовых резервов Западной Сибири в начале Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // СибСкрипт. 2019. №3 (79). С. 585–586.

Дзержинского. Всего на территорию Кемеровской области прибыло 25 профессиональных учебных заведения[265]. С 1940 г. количество ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО в Кузбассе увеличилось с 17 до 51[266].

Помимо этого, в Кузбасс были эвакуированы военные учебные заведения. В Сталинске разместилось военно-пехотное училище из г. Вильнюс[267], в Ленинске-Кузнецком – Московское артиллерийское училище, в Анжеро-Судженске, Ленинск-Кузнецком, Прокопьевске – 1-я, 2-я, 3-я Московские специальные артиллерийские школы. Из Ленинграда в Кузбасс прибыли 9-я и 10-я специальные артиллерийские школы. 9-я разместилась в п. Мундыбаш, 10-я в с. Кузедеево и г. Прокопьевск[268].

Высшие учебные заведения также были эвакуированы на восток. В Западную Сибирь прибыло не менее 42 организаций высшего образования. В 1941 г. на территории Новосибирской области работало 15 вузов. С началом войны, в связи с эвакуацией в область, прибыло еще 7 высших учебных заведений, в 1942/1943 учебном году эвакуированы были еще 2 вуза – институт точной механики и оптики и театральный институт из г. Ленинграда. Из высших учебных заведений в Кузбасс были эвакуированы: Донецкий ордена Трудового Красного Знамени индустриальный институт им. Хрущева – в г. Прокопьевск; Днепропетровский химико-технологический институт им. Дзержинского и Рубежанский химико-технологический институт (объединены в эвакуации) – в г. Кемерово[269]; Московский институт стали им. Сталина был размещен

[265] Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. Кемерово, 2025. С. 217–218.
[266] ГАК. П-126. Оп. 1. Д. 79. Л. 47.
[267] Ростов Н. Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны. Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2007. С. 30.
[268] ГАК. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 8. Л. 194; ГАК. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 42. Л. 88об; ГАК. Ф. Р-323. Оп. 6. Д. 2. Л. 6.
[269] Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. Кемерово, 2025. С. 218; ГАК. Р-14. Оп. 1. Д. 247. Л. 16; ГАК. Р-790. Оп. 1. Д. 30. Л. 11.

в г. Сталинск[270].

Вместе с предприятиями и высшими учебными заведениями в регион также прибыли и развернули деятельность 12 отраслевых научно-исследовательских и проектных институтов. Из которых 7 учреждений были эвакуированы из Москвы в Кемерово: Научно-исследовательский институт № 6 НКБ, Всесоюзный научно-исследовательский институт газа и искусственного жидкого топлива НКНП, Государственный союзный проектный институт №3 НКХП, Научно-исследовательский институт №42 НКХП, Государственный институт по проектированию предприятий азотной промышленности (Гипроазот) НКХП, Научно-исследовательский институт органических полупродуктов и красителей им. Ворошилова НКХП, Всесоюзный теплотехнический институт им. Дзержинского НКЭС. Также в столице Кузбасса разместились: Северо-западное отделение треста «Теплоэлектропроект» из Ленинграда и НКТП и Всесоюзный научно-исследовательский угольный институт НКУП из Харькова. В Ленинск-Кузнецкий был эвакуирован Макеевский государственный научно-исследовательский институт по безопасности горных работ и горноспасательному делу. Сталинск принял Украинский (Харьковский) научно-исследовательский институт металлов и Харьковское отделение Промстройпроекта[271].

Таким образом, на территории Кузбасса размещались не только промышленные предприятия, но и образовательные организации. Их массовое размещение в регионе можно также объяснить наращиваем его экономического потенциала. Особое значение имела эвакуация в область учебных заведений, которые готовили квалифицированные кадры для промышленности Кузбасса в годы войны, а также прибывшие проектные и научно-исследовательские учреждения, которые занимались повышением

[270] ГАК (филиал в г. Новокузнецк). Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 11. Л. 36.
[271] ГАК. Ф. П-127. Оп. 2. Д. 46. Л. 98; ГАК. Ф. Р-626. Оп.1. Д.130а. Л. 115; ГАК. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 99. Л. 69; Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. Кемерово, 2025. С. 219–220

эффективности работы данных предприятий. Учреждения прибывали вместе с сотрудниками и обучающимися, что также отразилось на количестве эвакуированного населения в Кузбассе.

Кроме того, на территорию области были эвакуированы и учреждения культуры, в первую очередь театры. В Сталинск прибыл Украинский драматический театр им. Заньковецкой из Запорожья, Объединенный Харьковский и Киевский ТЮЗ им. Горького, частично Московский государственный театр оперетты (также он был размещен в Прокопьевске), частично Московский центральный детский театр (также был размещен в Киселевске). В Ленинск-Кузнецкий прибыл Московский театр Ленсовета, а в Гурьевске расположился Черниговский украинский коллектив им. Коцюбинского. Украинский Николаевский музыкально-драматический театр им. Шевченко был размещен сразу в 3 городах: в Кемерове, Прокопьевске, Тайге[272].

Эвакуация театров и творческих коллективов в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны имела огромное значение, как для сохранения национальной культуры СССР, так и для самого региона. Например, Украинский драматический театр им. Заньковецкой за время пребывания в Сталинске дал 287 спектаклей. Кроме того, театр принимал активное участие в постановке детской художественной самодеятельности в городе. Коллектив учреждения выезжал и в другие города Кузбасса – Анжеро-Судженск, Белово, Киселевск, Осинники, Прокопьевск, в которых было дано 129 спектаклей[273].

Московский государственный театр оперетты дал в Сталинске до 500 спектаклей, обслужив свыше 500 тыс. чел. Коллектив театра организовал для металлургов, шахтеров, бойцов Красной Армии на общегородских мероприятиях 389 концертов[274]. В тяжелых военных условиях театр сумел

[272]ГАК. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 57. Л. 78об–79; ГАК (филиал в г. Новокузнецк). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 297. Л. 88; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 130. Л. 165–166. ГАК. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 16. Л.10.
[273] ГАК. П-74. Оп. 6. Д. 83. Л. 92.
[274] ГАК. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 57. Л. 83.

подготовить и дать в Сталинске две новых постановки – «Дочь тамбур-мажора» и «Табачный капитан». Оба спектакля являлись большой победой и гордостью театра[275].

Московский Центральный детский театр, направленный в силу военных обстоятельств в Кузбасс, работал в городах Киселевске и Сталинске. Театр дал 566 концертов, выезжая на заводы и шахты, в колхозы, совхозы, школы, общежития рабочих, воинские части и госпитали. Специально организованная театром фронтовая бригада под руководством артистов С. Х. Гушанского и З. А. Сажиной выезжала для обслуживания частей Воронежского и Сталинградского фронтов, где дала 60 концертов бойцам и командирам Красной Армии. За высокое качество спектаклей и большую общественно-политическую работу в Киселевске и Сталинске облисполком 10 сентября 1943 г. объявил благодарность всему коллективу театра[276].

Таким образом, эвакуация театров повлияла на культурный уровень жизни региона. Местные жители познакомились с высоким профессиональным искусством. В документах отмечалось, что, в связи с увеличением населения городов региона в военное время за счет эвакуированных, значительно возрос спрос на культурное обслуживание[277].

Одной из важнейшей задач эвакуации было спасение детского населения. На 1 апреля 1943 г. в Западной Сибири числилось 934,6 тыс. эваконаселения, в том числе 359,9. тыс. чел. детей. В регион были эвакуированы дома малютки, детские ясли и сады, детские дома, пионерские лагеря и интернаты. В первый период войны в Новосибирскую область прибыло 48 детских учреждений, из которых 37 прибыло из блокадного Ленинграда с общим количеством 5 296 человек. Однако дети прибывали не только с учреждениями. Они эвакуировались вместе с родителями, родственниками, а также без них, если терялись во время эвакуации. На 1 января 1943 г. в Новосибирской области (включая территорию Кузбасса) из

[275] ГАК. П-74. Оп.6. Д. 33. Л. 94.
[276] ГАК. П-126. Оп. 1. Д. 9. Л. 109.
[277]ГАК. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 3. Л. 2об.

504 251 чел. эваконаселения – 196 250 чел. были дети до 14 лет. Численность эвакуированных детей в Кузбассе на 1 января 1943 г. составляла 80,5 тыс. чел. (таблица 3)[278].

Таблица 3

Численность эвакуированных детей в Кузбассе с 1 января 1943 г. по 1 января 1944 г. (в тыс. чел.)

На 1 января 1943 г.	На 1 апреля 1943 г.	На 1 июля 1943 г.	На 1 октября 1943 г.	На 1 января 1944 г.
80,5	80,5	80,5	39,6	22,9

Данные приводится по: Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 3 «Спасенное детство» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 373

На школы региона были возложены обязанности по работе с эвакуированными детьми. Администрация и педагоги должны были создать условия для полного охвата обучением. Для детей, плохо владеющих русским языком, проводились дополнительные занятия. Также для эвакуированных детей в школах был организован сбор вещей, продуктов, учебников[279]. Однако не все эвакуированные дети могли посещать школу. Основными причинами, по которым учащиеся не проходили обучение в школе, были болезни, отсутствие необходимой одежды и обуви[280]. Стоит отметить, что некоторые школьники были вынуждены присматривать за младшими детьми, что не позволяло им полноценно посещать школу[281].

Среди учителей было много эвакуированных специалистов. На 1 сентября 1943 г. количество учителей в школах Кузбасса составляло 9 193 чел., из них 637 чел. были эвакуированными гражданами. В документах

[278] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 3 «Спасенное детство» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 7.
[279] ГАК. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 19. Л. 66; 69.
[280] ГАК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 48. Л. 27.
[281] ГАК. Ф. Р-69. Оп. 3. Д. 77. Л. 20.

отмечается, что реэвакуация данных специалистов негативно отразилась на системе образования региона[282].

Всего за годы войны на территорию Кузбасса было эвакуировано 33 детских учебно-воспитательных учреждения (детские ясли, сады, дома, дома ребенка). География прибывших организаций была следующей: Черниговская область УССР, Ростовская область РСФСР, Москва, большинство учреждений было эвакуировано из Ленинграда, откуда дети очень часто прибывали в тяжелом состоянии. Например, в Гурьевский детский дом прибыло 120 детей, из них 60 % находились в состоянии дистрофии. Их переносили на носилках и помещали в медицинские пункты под строгое наблюдение[283].

Эвакуированным ленинградцам уделялось особое внимание. Их положение старались контролировать в первую очередь. Примером контроля может служить распоряжение председателя Крапивинского райисполкома от 18 февраля 1942 г., в котором говорится о ненадлежащем отношении к прибывшим жителям города. Упоминался колхоз «Красный Герой», где данные граждане не были размещены по квартирам, а их питание было не организовано. Требовалось исправить ситуацию[284]. В мае этого же года Кемеровский горисполкомом обязал председателей райисполкомов провести обследование условий быта граждан, эвакуированных из Ленинграда[285]. В статье Григорьевой А. «Дети Ленинграда в Кузбассе» в выпуске газеты «Кузбасс» отмечалось, что партийные, советские организации области, руководящие работники села проявляли большое внимание к ленинградским детям[286].

---

[282] ГАК. Ф. Р-797. Оп. 2. Д. 72. Л. 65; 83.

[283] Снегирева Л. И. Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в Западно-Сибирском тылу (1941–1943 годы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. №. 5 (194). С. 149.

[284] ГАК. Ф. Р-253. Оп. 4. Д. 143. Л. 48.

[285] Электронная библиотека Государственного архива Кузбасса (ГАК): «Эвакуация из Ленинграда и Ленинградской области в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны». URL: http://arhfond.arhiv42.ru/database/record?id=65155 (дата обращения 24.01.2026).

[286] Дети Ленинграда в Кузбассе // Кузбасс. 1944. № 117 (5330) от 18 июня.

Прибывшая в Прокопьевск из Харькова Н. Э. Касаткина вспоминала: «В 1943 г. в Прокопьевск пришел первый эшелон с детьми из блокадного Ленинграда. К их приезду бараки на Тыргане переоборудовали под детский дом. Но зимой голодным и ослабевшим детям было никак не добраться до них пешком. Горожан попросили прийти на железнодорожный вокзал с санками и довезти ребятишек. Ни один ребенок до детского дома так и не добрался – всех разобрали в семьи. И весной, после оттепели, они так и продолжали жить в домах прокопчан, став полноправными членами семьи»[287].

Однако сложностей было много. Так в феврале 1942 г. из г. Ленинграда в г. Сталинск было эвакуировано ремесленное училище № 70. Сотрудники и учащиеся учебного заведения были сильно истощены и нуждались в медицинском обслуживании, питании. Руководство училища халатно отнеслось к делу эвакуации людей. В общей сложности из Ленинграда было вывезено 398 чел. За время эвакуации из них умерло 26 чел., 54 чел. отстали от эшелонов, 67 чел. были госпитализированы. Антисанитария, отсутствие медицинского обслуживания, плохое питание увеличили заболеваемость и смертность. Трупы выбрасывались из вагонов, акты о смерти не оформлялись[288].

В общей сложности на 1 апреля 1943 г. на территории Кузбасса проживало 46 853 чел. из блокадного Ленинграда[289].

Размещение эвакуированных граждан на территории региона требовало от органов власти конкретных действий. Уже в июле 1941 г. в большинстве городов и районов области были созданы комиссии по приему и размещению эваконаселения. Решением № 48 Кемеровского горисполкома

[287] Касаткина Н. Э. // Дети военного времени: историко-биографический справочник / Л. З. Боголепова, Л. А. Циркина; Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2016. С. 39.
[288] ГАНО Ф. П-4. Оп. 6. Д. 10. Л. 209.
[289] Справка о состоянии работы отдела Кемеровского облисполкома по хозяйственному устройству эвакуированного населения на 20 мая 1943 г. // ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 30. Л. 117.

был организован остановочный пункт для временного размещения прибывающих эвакуированных граждан (для прохождения санобработки). Для его организации было выделено помещение, принадлежавшее горздравотделу. Была организована встреча эвакограждан на вокзале и транспортировка его до остановочного пункта[290].

Однако часто эвакуированное население не получало достаточной поддержки. Из докладной записки о результатах проверки состояния эвакуированного населения в столице Кузбасса (от 12 декабря 1941 г.) известно, что, эвакограждане стали прибывать в город с июля 1941 г. Горисполком не принял соответствующих мер к упорядочиванию этого процесса. Постановлением совещания при Городском исполнительном комитете от 12 августа 1941 г. была выделена пятерка (ответственные лица) по приему. Однако на момент декабря 1941 г. этой пятерки не существовало. В результате этого, учет и контроль своевременной встречи с вокзала, размещением, трудоустройством и хозяйственный обслуживанием в горсовете отсутствовал. Сведения от местных заводов о наличии прибывшего организованного эвакуированного населения с предприятиями направлялись в статистическое управление. Эти сведения не систематизировались, и соответствующих выводов по ним не делалось[291].

В данном же документе довольно подробно описываются вопросы приема и проживания эвакограждан. Прибывшие эшелоны с эвакуированными в ряде случаев никто не встречал. Отдельные эшелоны с людьми стояли в тупиках до четырех дней. Горячей воды на вокзале не было. Размещение в отдельных случаях проходило в непригодные помещения. Например, прибывшие 10 декабря сотрудники Рубежанского химического комбината были размещены временно в цехе завода на земляном полу. Столов, стульев или табуреток в эвакопунктах города не было, отсутствовала вода. Люди зимой вынуждены были умываться снегом на улице. Только при

[290] ГАК. Ф.Р-18. Оп. 5. Д. 13. Л. 233.
[291] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 147. Л. 13.

вмешательстве городского прокурора группа этих людей с детьми была переселена в другое место[292].

В своих воспоминаниях эвакуированная Н. А. Прокуденко говорила о том, что её семья из 5 человек после прибытия в г. Кемерово жила на территории завода «Карболит» в деревянных домах, где углы зимой промерзали насквозь. В школе, где училась Нина Алексеевна, в классах было холодно, так что чернила замерзали. Питалась семья продуктами, которые выдавались по карточкам. В очереди стояли, заменяя друг друга, чтобы не замерзнуть[293].

Кемеровчанка Л. Т. Леоненко вспоминала: «На заводах Кемерова, да и вообще за Уралом, трудилось много эвакуированных. У нас жила семья из Харькова. Дочь Хильда работала на предприятии, в котором сейчас расположен Центральный универмаг. Эвакуированных были тысячи. Особенно много семей с детьми прибыло из Ленинграда, Сталинграда, Москвы[294].

В Кемеровское городское бюро по принятию и устройству эвакуированных поступали многочисленные запросы о местонахождении родственников. Можно привести в пример запрос В. Р. Сиваш от 30 апреля 1942 г.: «Очень и очень прощу просмотреть список эвакуированных жителей г. Шостка Сумской области и сообщить мне адрес моих родителей Сиваш Роман Лаврентьевич, Сиваш Ксения Яковлевна, о которых я не имею никаких сведений»[295]. Часто в запросах просили уточнить точный адрес размещения эвакограждан в городах и районах области: «Прошу сообщить адрес эвакуированной в Кемерово с Харьковским заводом ХЭМЗ в октябре

[292] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 147. Л. 15.
[293] Прокуденко Н. А. // Дети военного времени: историко-биографический справочник / Л. З. Боголепова, Л. А. Циркина; Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2016. С. 88–89
[294] Леоненко Л. Т. «Пока мы живы» // Герои тыла / ред. кол.: В. С. Балахонов [и др.]. Кемерово: ООО «Примула», 2012. С. 176.
[295] ГАК. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–5об.

1941 г. Зои Николаевны Никифоровой»[296]. Для предоставления информации по эвакуированным необходим был четкий учет прибывшего населения, который не всегда велся.

По результатам проверки работы с эвакуированным населением, прибывшим в г. Сталинск на начало 1942 г., выяснилось, что в городе проживали эвакограждане в основном эвакуированные вместе с промышленными предприятиями. Вновь прибывшие эвокограждане с эшелона сразу направлялись в санпропускник, затем в распределитель, потом по квартирам. В распределителе приходилось ждать от двух до десяти дней. Были случаи, когда в распределителе эвакограждане находились по несколько месяцев из-за отсутствия жилья. Через два-три дня на предприятия приходили списки прибывших. Имели место случаи, когда из списка вычеркивались лица, не имеющие отношения к предприятию (отдаленные родственники, знакомые). Они прописывались только после визы уполномоченного по эвакуации. Каждое предприятие, такие как Кузнецкий металлургический комбинат, заводы № 192, № 252 и другие, распределяли людей в отдельные отведенные для них помещения[297].

В одной из правительственных телеграмм директору Кузнецкого металлургического комбината Р. В. Белану говорилось следующее: «Расселить в соцгородке лучших ведущих конструкторов приборной промышленности, прибывших из Ленинграда (Нежданов, Пруцков, Дьяконов, Громов, Грибов, Зарецкий, Либерман и др.). Эти конструкторы будут работать в цехе 252» [298]. Стоит отметить, что эвакуированные специалисты нередко занимали руководящие должности на предприятиях Кузбасса. Так, прибывший из Запорожья С. А. Лещинер стал заместителем начальника производственного цеха Кузнецкого металлургического комбината. До эвакуации Сруль Абрамович трудился начальником бюро оперативного планирования производственного отдела, начальником отдела

[296] ГАК. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.
[297] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 96.
[298] ГАК (филиал в г. Новокузнецк). Ф. Р-143. Оп. 3. Д. 454. Л. 25.

сбыта, заместителем начальника производственного отдела завода «Днепроспецсталь». Другим примером является З. Х. Эпштейн, который до войны являлся начальником прокатного цеха этого же предприятия. После эвакуации Залман Хаймович стал начальником сортопрокатного цеха завода «Спецсталь» КМК[299]. Это свидетельствует о том, что целые группы эвакуированных специалистов были включены в работу на предприятиях Кузбасса. Их профессиональные компетенции и накопленный опыт были важны для бесперебойного функционирования промышленности региона.

В июле, августе, сентябре 1941 г. в Сталинске расселение проводилось большей частью в отдельные комнаты; в октябре, ноябре, декабре, январе – преимущественно подселение. С июля по сентябрь приезжало эвакуированное неорганизованное население (одиночки), с сентября – с предприятиями. По данным аппарата уполномоченного, на 1 февраля 1942 г. по городу числилось эвакуированных с предприятиями 15 195 чел., неорганизованного населения – 3 230 чел., всего 18 425 чел. Эти сведения были далеко не полные, по данным райсоветов по городу было размещено значительно больше, около 30 000 чел.[300].

Списки эвакуированного населения составлялись по предприятиям, списки неорганизованного населения отсутствовали, т. к. прописка шла через милицию, не каждый приехавший попадал на регистрацию уполномоченного по эвакуации. К уполномоченному поступало большое количество корреспонденции о розыске семей. К этому вопросу аппарат относился серьезно. В зависимости от данных запросов наводились справки о разыскиваемых в Прокопьевске и Осинниках[301].

Также в городе было обнаружено неправильное взимание квартплаты с эвакограждан. Например, на Нижней Колонии в бараке № 11 проживали шесть семей, и каждая из них платила высокую квартплату. У проживающего

[299] Генина Е. С. «Дело» КМК (1949–1952). Красноярск: Красноярский писатель, 2008. С. 72–73; 78–80; ГАК. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 449. Л. 23.
[300] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 96–97.
[301] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 97.

в бараке гражданина Мошиченко с зарплаты 450 руб. была начислена квартплата 100 руб. При этом в бараке не было никаких удобств[302].

Интерес представляет решение № 112-а Исполнительного комитета Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся от 29 января 1942 г. Оно касалось вопроса размещения и устройства эвакогражданв Мариинском районе, где областной прокуратурой были вскрыты преступные факты в работе райисполкома и некоторых сельских исполкомов. В данном районе большое количество эвакуированных граждан на тот момент времени не было обеспечено квартирами, нуждались в немедленной денежно-материальной помощи и устройстве на работу[303].

Несмотря на неоднократные указания облисполкома о том, чтобы председатели райисполкомов лично занимались вопросами приема, размещения и трудоустройства эвакуированного населения – председатель Мариинского райисполкома тов. Метицин отправил в сельисполкомы два письма: 30 июля и 22 ноября 1941 г. Кроме этих 2 писем по устройству эвакогражданн и оказанию им помощи, ничего не сделал. Прибывшее в район эвакуированное население направлялось в колхозы без представителей райисполкома. В отдельных сельсоветах их не принимали. До 25 декабря 1941 г. в райисполкомах не было никакого учета эвакуированных. Аппарат райисполкома не знал, сколько и в каких колхозах находятся эвакуированные и в чем они нуждаются[304]. Также в районе было допущено халатное отношение в вопросе снабжения эвакуированного населения хлебом. В Сусловском и Мариинском сельпо с ним были систематические перебои, в Знаменском сельисполкоме по распоряжению председателя исполкома взрослому населению его вообще не продавали. В итоге проверки было установлено, что в аппарате райисполкома как со стороны председателя, так и работников допускалось бюрократическое бездушное отношение к жалобам эвакогражданн.

[302] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 97.
[303] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 142. Л. 101.
[304] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 142. Л. 101.

В связи с этим исполнительный комитет решил снять с должности председателя Мариинского райисполкома за ненадлежащее отношение к вопросу размещения и устройства эвакуированного населения. Председателей рай(гор)исполкомов обязали немедленно навести порядок в учете прибывшего эвакуированного населения, а также наладить работу по материально-бытовому и медицинского обслуживанию.

Руководство страны и региона, несмотря на огромное количество проблем, связанных с эвакуационным процессом, все же пыталось контролировать прием и размещение, а также условия проживания эвакограждан. Так, в Киселевск на 22 сентября 1942 г. прибыло 3 581 чел. Все эвакуированные семьи были размещены в домах, основными предметами домашнего обихода обеспечены, за исключением отдельных семей, прибывших в последнее время, которые обеспечиваются в каждом отдельном случае через торговую сеть. Эвакуированным были выданы семена картофеля в количестве 60 тонн. Дети данных граждан в детские учреждения принимались в первую очередь[305]. В протоколе заседания бюро Таштагольского райкома ВКП(б) (7 сентября 1942 г.) отмечалось, что «нет хуже преступления перед партией и родиной, чем забывание коренных интересов населения, чем бездумное, пренебрежительное, издевательское отношение к нуждам и достоинству советского человека в условиях войны, особенно к населению, эвакуированному из прифронтовой полосы, и членам семей военнослужащих»[306].

Эвакуацию населения на территорию Кузбасса можно разделить на 4 этапа: первый – экстренного приема и первичного размещения во второй половине 1941 г., второй – массового распределения и начальной адаптации в 1942 г., третий – организационной стабилизации и максимальной концентрации эвакуированного населения в 1943 г., четвертый –

[305] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 209. Л. 107–110 об.
[306] ГАК. Ф. П-118. Оп. 1. Д.1. Л. 169.

относительного упорядочения положения, сокращения контингента и начальной реэвакуации в 1944 г. – мае 1945 г.

На территории региона на 1 апреля 1945 г. проживало 73,9 тыс. эвакуированных граждан. Это было самое большое количество эвакограждан из всех сибирских регионов на данный период времени: в Алтайском крае численность эваконаселения составляла 20,1 тыс. чел., в Омской области – 41,2 тыс. чел., в Томской области – 18,5 тыс. чел., в Тюменской области – 17 тыс. чел., в Новосибирской области – 30,8 тыс. чел.[307].

Наличие такого большого количества эвакуированного населения в регионе уже после освобождения оккупированных западных территорий страны объясняется особой значимостью Кузбасса для обеспечения фронта и восстановления народного хозяйства.

Процесс реэвакуации продолжался до начала 1948 г., когда на всей территории Западной Сибири оставалось всего 47 471 человек, эти граждане по данным Переселенческого управления при СНК СССР оставались в регионе на постоянное место жительства. В Кузбассе на 1 января 1948 г. проживало всего 10 тыс. эвакуированных граждан[308]. Таким образом, максимальная численность эвакограждан на территории региона была зафиксирована на 1 апреля 1943 г. и составляла 212,5 тыс. чел., к началу 1948 г. в Кузбассе осталось всего 5 % от данного количества граждан.

Размещение эвакуированного населения на территории Кузбасса, а также установление его точной численности для дальнейшей помощи и обустройства в годы Великой Отечественной войны сопровождались большим количеством различных трудностей. При этом можно с уверенностью сказать, что данная задача на уровне страны и региона была выполнена. Эвакуация спасла жизни миллионов людей и помогла

[307] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 332.

[308] Снегирева Л. И., Сафонова Т. А. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 годы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 4 (41). С. 29.

перестроить экономику на военный лад. Кузбасс сыграл ключевую роль в принятии и размещении эвакуированных предприятий и населения.

Глава 2. Обустройство эвакуированного населения на территории Кузбасса

2.1. Обеспечение эвакуированных граждан жилыми помещениями

За годы Великой Отечественной войны на территорию Кузбасса прибыло большое количество эвакуированного населения. Населенные пункты региона не обладали достаточным количеством жилых помещений для размещения данных категорий граждан. Перед органами власти и промышленными предприятиями стояла задача решения целого комплекса проблем, связанных со строительством новых зданий и уплотнения имеющейся жилплощади.

Активное промышленное развитие Кузбасса в годы индустриализации способствовало обострению проблемы жилищного обеспечения населения еще до начала Великой Отечественной войны[309]. На территории региона в данный период времени начали появляться рабочие поселки с преобладанием временного жилого фонда, которые чаще всего входили в состав городов, однако были расположены достаточно далеко друг от друга и были плохо благоустроены. Многие постройки, возведенные в довоенный период, уже требовали ремонта либо сноса к началу эвакуационного процесса[310]. Жилфонд Кузбасса к началу войны на 40 % состоял из временного жилья. Самыми благоустроенными районами в городах региона были соцгорода, построенные в 1930-х гг. Они представляли собой двухэтажную либо трехэтажную застройку каменными домами[311].

В начале войны в городах Кузбасса на одного человека приходилось жилой площади: в Прокопьевске – 3,6 м^2, Кемерове, Сталинске, Анжеро-

[309] ГАК. Ф. Р-797. Оп. 2. Д. 51. Л. 1.
[310] Кокорина Л. Б. Особенности социально-бытового развития городов Западной Сибири в 1925–1985 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 6–1. С. 62–63.
[311] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 488. Л. 7.

Судженске – по 3,1 м^2, Ленинске-Кузнецком – 2,45 м^2 [312] . На начало 1942 г. данный показатель варьировался от 2,15 м^2 до 3,99 м^2 на человека (таблица 4).

Таблица 4

Сведения о жилой площади по городам Кузбасса на 1 января 1942 г.

№	Города	Жилая площадь (в тысячах квадратных метров)	Жилая площадь на одного человека (в квадратных метрах)
1	Сталинск (Новокузнецк)	720	3,99
2	Кемерово	479	2,81
3	Прокопьевск	424,1	3,43
4	Анжеро-Судженск	241	3,22
5	Ленинск-Кузнецкий	206,5	2,37
6	Киселевск	184,5	3,20
7	Тайга	80,8	2,43
8	Топки	50,1	нет данных
9	Мариинск	47,2	нет данных
10	Белово	119,8	2,15
11	Гурьевск	70	нет данных
12	Осинники	142,2	3,87
13	Салаир	44,6	нет данных

Данные составлены по: ГАНО. Ф. Р-1030. Оп.1 Д. 199. Л. 175–176.

Первоначально проблема размещения эвакуированного населения в тыловых регионах решалась за счет резервных площадей и уплотнения местных жителей. 5 августа 1941 г. на основании письма Новосибирского обкома «О дополнительном выявлении жилой площади» в области был проведен полный учет помещений, которые могли быть использованы для размещения людей. Также обком и облисполком одобрили идею строителей «Сибметаллстроя» о возможности использовать чердаки домов и бараков как жилые помещения[313].

[312] Исупов В. А., Снегирева Л. И. Эвакуированные ленинградцы: Новосибирская область // Побратимы: Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается. М., 2019. С. 729.

[313] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 29–30.

Исчерпав возможности по размещению эвакуированного населения в действующий жилфонд, прибывающих начали размещать в нежилых помещениях, которые не были приспособлены для проживания. В ходе адаптации этих площадей под жилье возникали различные проблемы: отсутствие мебели, предметов быта, а также несоответствие данных помещений санитарно-гигиеническим нормам (отсутствие отопления, канализации, водопровода). Эвакогражданам было не под силу решить столь глобальные проблемы, поэтому подготовка таких помещений ложилась на местные власти[314].

Например, эвакуированные в Кемерово рабочие Рубежанского химического комбината были размещены в непригодные помещения обозно-механического завода, в котором пол был земляным. Столов, стульев или табуреток, как и в большинстве эвакопунктах города, не было; отсутствовала вода. Люди были вынуждены зимой умываться снегом на улице. Только при вмешательстве городского прокурора группа этих людей с детьми была переселена в другое место. В бараках коксохимзавода, в клубе мехзавода и других общежитиях было грязно, отсутствовали топчаны и умывальники[315].

Для освобождения жилой площади многие учреждения и организации были выселены в сельские территории и маленькие города. Например, постановлением бюро Кемеровского горкома ВКП(б) от 26 октября 1941 г. 31 организация (Райком ВКП(б), Райвоенкомат, Райнпрокуратура, Райисполком, Раймилиция и др.) была выселена в село Березово. Согласно документу, данные организации не имели прямого отношения к городу. Также из города выселялись семьи граждан, которые не были связаны с производством. 26 ноября 1941 г. по решению Кемеровского горисполкома 40 семей из города были выселены в сельскую местность[316].

---

[314] Беленко М. П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект (1941–1943 гг.): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. С. 123.
[315] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 228.
[316] ГАК. Ф. П.15. Оп. 8. Д. 5. Л. 127–128.

Важную роль в организации обеспечения эваконаселения жильем играла милиция. Участковые должны были находить возможность размещения эвакограждан в домах местных Советов, а также у граждан, которые имели дома на правах личной собственности. Сотрудники милиции принимали активное участие в принудительном вселении эвакуированных в дома граждан, у которых была свободная жилая площадь. При этом они следили, чтобы не произошло самовольное заселение излишков жилплощади без разрешения гор(рай)исполкомов. В случаях самовольного вселения сотрудники милиции принимали участие в выселении данных граждан[317].

Были случаи отказа местного населения в размещении эвакуированных граждан. Особенно это касалось частного сектора. Это можно объяснить тем, что частный дом подразумевал наличие определенного земельного участка, на котором была возможность выращивать сельскохозяйственную продукцию, а также имелись продовольственные запасы, которые также отчуждались в пользу приезжих[318].

Для решения проблем, связанных с обеспечением жильем эвакограждан, необходимо было начать срочное строительство жилых зданий. Постановлением СНК СССР от 13 сентября 1941 г. «О порядке строительства жилых помещений для эвакуированного населения» наркоматы и ведомства обязывались развернуть возведение зданий упрощенного типа – бараков, полуземлянок, общежитий[319]. Вслед за этим Новосибирский облисполком принял решение «О привлечении населения к трудовой повинности по строительству жилых домов для эвакуированного

[317] Шатилов С. П. Деятельность милиции Западной Сибири в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (историко-правовой аспект). Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2004. С.85.

[318] Беленко М. П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект (1941–1943 гг.): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. С. 121.

[319] Постановление Совета Народных Комиссаров СССР, 13 сентября 1941 г. О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т: сборник документов. Т. 3. 1941–1952 гг. М.: Политиздат, 1968. С. 50–52.

населения». Перед партийно-государственным аппаратом стояла цель скорейшего обеспечения жильем эвакуированных граждан[320].

Также 14 октября 1942 г. Новосибирский облисполком принял решение «О жилищном и коммунально-бытовом строительстве жилья облегченного типа для эвакуированного населения в городах области», согласно которому председатели Новосибирского, Томского и Сталинского горисполкомов должны были выделить районы индивидуальной застройки, обеспечить мероприятия по обеспечению данных территорий электроэнергией, водой, транспортом и культурно-бытовым обслуживанием. При этом были даны рекомендации по возведению однокомнатных и двухкомнатных домов, проекты которых были предложены архитектурно-техническим экспертным советом. Председатели Анжеро-Судженского, Беловского, Киселевского и Прокопьевского горисполкомов должны были в течение пяти дней разработать мероприятия по развертыванию индивидуального жилищного строительства для рабочих эвакуированных предприятий[321].

В связи со всеми распоряжениями на территории области начинается активное строительство жилья для размещения вновь прибывшего населения. В постановлении № 61 Сталинского горкома ВКП(б) от 22 октября 1941 г. говорится о невозможности предоставить жилье эвакогражданам. Для решения данного вопроса бюро горкома обязало руководителей предприятий построить бараки: директора КМК Белана – 30 бараков, управляющего Куйбышевуголь Утенкова – 10, директор завода «Красный Тигель» Блинова – 2 барака и т.д. В общей сложности должны были возвести 115 жилищ упрощенного типа. Для строительства мобилизовали население города в порядке трудовой повинности с оплатой работы на общих основаниях[322].

---

[320] ГАК. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 171. Л. 237.

[321] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 85–88.

[322] ГАК. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 6. Л. 104–105.

В Сталинске на 1 февраля 1942 г. числилось 15 195 чел., прибывших вместе с предприятиями, неорганизованным способом – 3 230 чел., всего 18 425 чел. Однако согласно результатам проверки данные были неполные, и в городе насчитывалось порядка 30 000 тыс. чел. Перенаселение в городе было большое. На 1 января 1942 г. в Сталинске общая жилая площадь составляла 720 тысяч квадратных метров, что являлось самым большим показателем по области. При этом жилплощадь на одного человека достигала отметки в 3, 99 квадратных метров, что также являлось лучшим показателем среди городов региона[323].

В городе активно шло строительство, свой план выполнения был у всех крупных предприятий и организаций. Сталинскпромстрой должен был ввести в эксплуатацию 700 м^2 жилья и на момент проверки выполнил 94,5 % от заданного плана (было построено 652 м^2), Завод металлоконструкций им. Молотова – 500 м^2, введено 207 м^2 (41,4 %). Алюминиевый завод – план 2100 м^2, выполнено 1032 м^2 (49,1 %). Ферросплавный завод выполнил план строительства только на 19,1 %. По заводу отсутствовала информация по количеству запланированных и возведенных квадратных метров. Самым объемным был план жилстроительства Кузнецкого металлургического комбината как главного промышленного гиганта города. КМК должен был ввести в строй 5 656 м^2, выполнил 2 375 м^2, что составляло 42 %[324]. В 1942 г. в городе удалось ввести в эксплуатацию порядка 50 тыс.м.^{2} жилья, а в 1943 году – 38 тыс. м^2. За весь период Великой Отечественной войны в Сталинске было построено порядка 150 тыс. м^2 жилой площади. Это были бараки упрощенного типа без необходимых удобств[325].

В Кемерове на начало 1942 г., несмотря на принятое в ноябре 1941 г. горисполкомом решение № 483 «О ходе жилищного строительства

[323] ГАНО. Ф. Р-1030. Д. 172. Л. 96.
[324] ГАНО. Ф. Р-1030. Д. 172. Л. 97.
[325] Коновалов А. Б. История Кузбасса: в 3 т. Т. 3. Кузбасс от начала Великой Отечественной войны до распада СССР (1941–1991). Книга 1. 1941–1964. Кемерово: ArtAvis, 2024. С. 102.

для эвакуированного населения», отмечалась неудовлетворительная работа по приспособлению и строительству жилья для эвакограждан. Отдельно выделились следующие предприятия: Азотно-туковый завод (тов. Матвеев), который на момент выхода решения не приступил к строительству землянок, контора Коксохиммонтажа (тов. Полотовский), где не был решен вопрос о средствах и материалах для строительства, другие предприятия также крайне затягивали с поиском материалов, необходимых для строительства. При этом предприятия местной промышленности в тот момент еще не приступили к изготовлению мебели, печек, рам для окон и гвоздей[326].

Важно отметить, что руководителей предприятий обязали форсировать жилищное строительство. Затягивание работ и невыполнение заданий по приспособлению и строительству жилищ в сроки могло повлечь за собой привлечение виновных к ответственности по законам военного времени.

Для строительства жилья, предназначенного эвакуированным гражданам, повсеместно использовалась практика привлечения работников учреждений и предприятий города к оплачиваемой трудовой повинности. Например, в Рудничном районе г. Кемерово с 17 по 27 октября 1941 года 1000 чел., не задействованных на промышленных объектах, привлекли к такой повинности. Установленный режим работы был следующим: служащие (за исключением работников школ, медучреждений, магазинов, столовых и детских учреждений) работали на стройке с 8 до 15 часов, а затем с 19 до 23 часов выполняли обязанности в своих организациях. Районный исполком осуществлял контроль над строительством землянок и следил за выполнением сроков земляных работ[327].

Кроме того, были организованы массовые субботники рабочих, служащих, учащихся, главным образом по оказанию помощи предприятиям по строительству жилищ. Также совместно с директорами предприятий разрабатывались мероприятия по обеспечению жилья эвакограждан мебелью,

[326] ГАК. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 13. Л. 278–278 об.
[327] ГАК. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 4. Л. 174.

печными приборами, гвоздями. Городская плановая комиссия и госсанинспекция должны были установить повседневное наблюдение за правильностью строительства землянок и бытовых учреждений.

В постановлении бюро Кемеровского горкома ВКП(б) «О приеме и расселении эвакуированного населения» от 24 декабря 1941 г. отмечалось, что руководители предприятий города неудовлетворительно занимались строительством нового жилья, было запланировано строительство 44 600 м^2 жилплощади, в итоге было построено всего 90 м^2. Коксохимический завод должен быть ввести в эксплуатацию 100 землянок, однако была построена только одна[328].

К концу 1941 г. в городе на площади 67 400 м^2 было размещено 21 185 эвакограждан. Из них 80 % были обеспечены жильем с помощью подселения. Ордера выдавались не только на комнаты, но и на углы, причем в ряде случаев на уже занятые. Тогда люди были вынуждены повторно обращаться за ордером и пропиской в горисполком[329]. На начало 1942 г. Кемерово располагал 479 тыс. м^2 общей жилой площади и 2,81 м^2 жилплощади на одного человека. Жилой фонд города к началу 1944 г. состоял на 82 % из ветхих деревянных домов и каркасно-засыпных построек временного типа[330].

Строительство нового жилья велось не только в Сталинске и Кемерове, но и в других городах области. Например, в Анжеро-Судженске в октябре 1941 г. было принято решение о подготовке жилплощади для размещения эвакуированных рабочих, эвакуированных с предприятий треста «Снежнянантрацит»[331]. В городе развернули строительство полуземлянок общей площадью 3000 м^2. В докладной записке по вопросу выполнения Топкинским райисполкомом решения 5-ой сессии Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся «О мероприятиях по улучшению

[328] ГАК. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 6. Л. 91–92.
[329] Беленко М. П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект (1941–1943 гг.): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. С. 122.
[330] ГАК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 21. Л. 46.
[331] ГАК. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 5. Л. 24.

бытового обслуживания населения городов и районов» от 16–17 января 1942 г. указано, что на 1 января 1942 г. в г. Топки имелось 2 626 жилых дома с жилой площадью 50 100 м^2. На этапе строительства находилось 16 индивидуальных домов (346 м^2 жилплощади) и 7 бараков каркасно-засыпного типа с жилплощадью 1 300 м^2. Все индивидуальные дома на 1 июня были построены. Строительство бараков, имеющих среднюю готовность 90 %, было законсервировано из-за отсутствия пиломатериалов[332].

Однако, в решении 7-й сессии Топкинского райисполкома (14–15 февраля 1942 г.) ничего не говорилось об увеличении жилищного фонда и лишь давались указания горсовету на проведение текущих ремонтов. Таким образом, незначительный прирост жилплощади и продолжавшаяся бесхозяйственная эксплуатация зданий говорила о невыполнении решений райисполкома. Также в докладной записке упоминалось, что подготовка к приему эвакуированного населения производилась неудовлетворительно. Кроме формального заселения в квартиры, эвакогражданам больше ничего не предоставляли: не было топчанов, табуретов, столов, матрацев и т.д.[333]. Все это приводило к ситуациям, когда эвакуированное население не было обеспечено даже самыми необходимыми предметами быта.

В целом, жилой фонд Кузбасса, как и всей страны, можно разделить на государственный (обобществленный) и индивидуальный (личный). Строительство жилплощади в регионе в годы Великой Отечественной войны существенно не повлияло на структуру жилфонда региона. К 1945 г. в Сталинске, Кемерове, Анжеро-Судженске и Прокопьевске преобладал государственный жилой фонд, когда в Гурьевске и Салаире доля личного фонда достигала 75 %[334].

Стоит отметить, что государственный жилфонд принадлежал ведомствам и местным советам, при этом его большая часть находилась в

[332] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 28.
[333] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 33.
[334] Головань Н. С. Жилищно-бытовые условия городского населения Кузбасса (1941–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–4 (62). С. 17.

ведении промышленных предприятий. Например, в Сталинске за Кузнецким металлургическим комбинатом числилось 32 % жилфонда, а в Ленинск-Кузнецком 71 % принадлежал угольному тресту «Ленинскуголь». При этом жилой фонд, который принадлежал местным советам, был незначительным: в Сталинске на его долю приходилось до 4,5 %, в других городах области показатель был еще меньше[335].

Особое внимание уделялось размещению рабочих, прибывающих из Донбасса на шахты Кузбасса. Согласно приказу начальника Кузнецкого угольного комбината от 11.10.1941 г. на территории региона должны были разместить 25 000 рабочих[336]. В городах и районах области приступили к подготовке жилой площади. 14 октября 1941 г. состоялось заседание бюро Прокопьевского горкома ВКП(б) по вопросу размещения рабочих Донбасса в городе. Эвакогражданн угольных трестов региона планировалось разместить на жилплощади треста «Сталинуголь» и «Прокопьевскуголь». В связи с этим управляющих трестами тов. Федорова и тов. Стахеева обязали подготовить жилплощадь для размещения рабочих, по тресту «Сталинуголь» на 3 500 чел. и тресту «Прокопьевскуголь» на 3 000 чел., из которых 70 % для семейных рабочих. Для этого было проведено уплотнение семейных квартир из расчета на одного живущего не выше 3-х $м^2$, в общежитиях, где высота потолков позволяла, были сделаны двойные нары. Под общежития и квартиры переоборудовали промышленные сооружения. Организовывалась работа по восстановлению законсервированных домов[337].

Важной задачей для руководства города и предприятий с началом прибытия эвакогражданн стало обеспечение их не только жилыми помещениями, но и предметами первой необходимости. На шахтах и трестовских мастерских приступили к изготовлению недостающих топчанов, табуреток, простых столов и тумбочек для эваконаселения.

---

[335] Головань Н. С. Жилищно-бытовые условия городского населения Кузбасса (1941–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–4 (62). С. 17–18.
[336] ГАК. Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 37. Л. 58–60.
[337] ГАК. Ф. П-26. Оп. 6. Д. 6. Л. 87.

На начало 1942 г. в Прокопьевск уже прибыло 8 714 чел. Расселение производилось как в отдельные комнаты, так и с подселением к кому-либо. Были случаи неправильного распределения. Например, в Березовой роще семье из пяти человек, работавшей на табачной фабрике, была предоставлена квартира, состоящая из двух комнат. Однако в этом же месте в одной из комнат были поселены сразу две семьи: одна из четырех человек, другая из трех.

В Прокопьевске жилищное строительство велось достаточно активно. Например, трестом Прокопьевскуголь планировалось ввести в строй до конца 1942 г. 13 310 м^2 постоянного и временного жилья. На начало года было введено уже 6 898 м^2, или 51,8 % жилплощади. В целом, город в начале 1942 г. располагал 424,1 тысячами м^2 жилплощади, лишь немного уступая по этому показателю Кемерову (479 тыс. м^2). Жилая площадь на одного человека составляла 3,43 м^2 [338].

Ленинск-Кузнецкий горисполком в решении «О ходе жилищного строительства и капитального ремонта жилого фонда» от 27 августа 1941 г., отмечал, что в связи со значительным увеличением численности населения вследствие эвакуации руководители предприятий не стремились к созданию пригодных коммунально-бытовых условий для эвакогражданн. К этому выводу можно прийти, если проанализировать неудовлетворительный ход строительства жилплощади. Из шести домов, которые были запланированы, на этапе строительства находилось только три. При этом качество строительства было на низшем уровне: стены продувались, коридор не отапливался, двери в комнаты были сделаны из фанеры.

Из протокола заседания бюро Ленинск-Кузнецкого горкома ВКП(б) от 15 октября 1941 г. известно о размещении 2 500 рабочих, которые должны были прибыть в город из Донбасса. В связи с этим горком обязал комиссию по приему и размещению эвакогражданн в пятидневный срок учесть всю жилплощадь в городе. Для этой цели создавались несколько бригад в составе

[338] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 90.

депутатов Совета, представителей профсоюзных организаций и работников коммунальных отделов шахт, а в частных домах города и домах, принадлежащих учреждениям (кроме шахт) в составе депутатов Совета и работников милиции. Также была утверждена разбивка по строительству полуземлянок по шахтам. В общей сложности должно было быть построено 4000 м^2 жилья[339].

В августе 1942 г. в решении горисполкома все же отмечалось, что хозяйственные руководители не стремились к обеспечению рабочих жильем. Из запланированных для ввода в эксплуатацию 2 534 м^2 жилья к августу 1942 г. было сдано лишь 946 м^2, или 37,3 %, а в 1943 г. программу строительства в городе выполнили только на 10 %[340]. В целом, на начало 1942 г. в Ленинске-Кузнецком насчитывалось всего 206,5 тыс. м^2 жилплощади. Жилая площадь на одного человека составляла 2,17 м^2, что являлось одним из худших показателей по региону, хуже ситуация сложилась только в Белове, где на одного жителя приходилось 2,15 м^2[341].

В Киселевск приезд эвакуированного населения начался с августа 1941 г. Эшелоны прибывали на станцию Акчурла, затем подвозились на специальную площадку ближе к шахте или заводу для разгрузки. Из эшелона эвакуированных переводили в специальное помещение, откуда направляли на санобработку, медицинское освидетельствование, а затем распределяли по квартирам. Лица, приехавшие с машзаводом, расселялись в поселке около предприятия преимущественно в отдельных комнатах. Эвакограждане, которые прибыли в город неорганизованным способом, сами устраивались на частных квартирах[342].

1 октября 1941 г. Киселевским горисполкомом было принято решение «О привлечении населения к трудовой повинности по строительству жилых

[339] ГАК. Ф. П-127. Оп. 2. Д. 45. Л. 297–298.
[340] Коновалов А. Б. История Кузбасса: в 3 т. Т. 3. Кузбасс от начала Великой Отечественной войны до распада СССР (1941–1991). Книга 1. 1941–1964. Кемерово: ArtAvis, 2024. С. 103.
[341] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 199. Л. 175–176.
[342] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 250.

домов для эвакуированного населения». Решение было принято для быстрого обеспечения эвакограждан жильем[343]. В городе было запланировано строительство 8 840 м^2, на начало 1942 г. было введено 7 280 м^2. Недовыполнение плана объяснялось отсутствием строительных рабочих вследствие их переброски на другие спецработы. В построенных полуземлянках не было света и воды. Квартирная плата взималась по норме в зависимости от зарплаты, на частных квартирах – по договоренности[344].

21 октября 1941 г. состоялось заседание бюро Киселевского горкома ВКП(б), на котором обсуждался вопрос строительства дополнительного жилого фонда и размещения эвакуированного населения. Бюро горкома отмечало, что на строительство землянок треста «Кагановичуголь» было привлечено рабочей силы 337 чел. При этом работа выполнялась неудовлетворительно. На строительстве не было развернуто социалистическое соревнование между бригадами и стройками, наблюдалась нехватка инструментов. В жилфонде треста «Кагановичуголь» было выявлено 256 свободных квартир, в которых ориентировочно можно было поселить 1 454 чел., подселить 923 чел., за счет уплотнения 446 чел. можно было разместить в общежитиях, в клубах – 370 чел., всего в городе могли разместить 3 192 чел.[345].

К началу 1942 г. эвакограждан в Киселевске насчитывалось 3 189 чел. В числе эвакуированных в город был Московский театр юного зрителя в количестве 70 человек. Первоначально они находились в помещении клуба. Постепенно предоставлялись комнаты, многие устраивались на частных квартирах, так как предоставляемые комнаты были не оборудованы, не было зимних рам. Квартирный вопрос для работников театра не был разрешен, несмотря на то, что этим вопросам занимался горком. В тяжелом положении находился режиссер А. З. Акунчиков с семьей (жена и ребенок), актеры

[343] ГАК. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 200. Л. 12.
[344] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 251.
[345] ГАК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 63. Л. 369–370.

Казакова и Гушанский. У них не было одежды, обуви, матраца, подушек, постельных принадлежностей, хозяйственного инвентаря[346].

Еще более сложная ситуация сложилась для школы ФЗО, эвакуированной из Донбасса с контингентом 506 чел. После прибытия эвакограждане до 20 дней находились в распределительном центре, затем были размещены в поселке Афонино в общежитии, в котором не было мебели. В столовой отсутствовала посуда, на 506 чел. имелось только 12 тарелок[347].

В Осинники прибывали преимущественно шахтеры Донбасса, рабочие и инженеры азотно-тукового завода. Для эвакограждан путем уплотнения населения города была подготовлена жилплощадь. Приехавших селили в отдельных домах треста «Молотовуголь», в квартирах индивидуального сектора, а также подселяли. Нужно отметить слишком разные квартирные условия. Например, на Комсомольской улице были размещены мать и её четырехлетний ребенок в отдельной комнате на площади 12 м^2, а на молочной ферме гр. Семичастнов и другие семьи (всего 8 человек) жили в одной темной комнате, в которой было холодно, а также отсутствовало окно и свет[348].

Лица, размещенные в поселке Шурак, находились в особо тяжелых квартирных условиях. Рабочая химического завода Ковалева Н. Д. вместе с матерью и тремя детьми жила на кухне 6–7 м^2. Дети в школу не ходили, т. к. в ближайшую не приняли из-за отсутствия мест, а далеко ходить было не в чем. В целом, отрицательными сторонами жилищных условий являлись отсутствие света, топчанов, табуреток, столов, воды.

Молотовуголь запроектировал строительство в городе 21 полуземлянки. По плану должны были ввести в строй 3 000 м^2 жилья. На

[346] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 252.
[347] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 253.
[348] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 115.

начало 1942 г. было построено уже 2 541 м^2, что составляет 84,7 % от общего плана, город располагал 142,2 тыс. м^2 жилой площади[349].

В Мариинском районе на начало 1942 г. прибыло эвакуированных 1 847 семей или 3 875 чел. Все эвакограждане были размещены по квартирам, из них 781 семья – 2 066 чел. были размещены в Мариинске и 267 семей (650 чел.) – в сельской местности[350].

Необходимо отметить, что жилой фонд в самом Мариинске был в плохом состоянии: в ряде квартир вместо стекол была фанера, многие из них требовали капитального ремонта. Например, в квартире по улице Социалистической 30, где проживала семья эвакуированного гражданина из Житомирской области, окна были покрыты толстым слоем льда, в углах был иней, печка из-за неисправности дымохода, тепла не давала. Отсутствовали кровати и топчаны, вследствие этого люди спали на холодном полу. И только после нескольких напоминаний председателю горисполкома Костюхину эта семья была обеспечена топливом, а в квартире был наведен порядок: выбелены стены, починена печка, сделаны нары[351].

Для размещения эвакуированных граждан чаще всего использовался жилой фонд городов области. При этом в сельских районах тоже происходило уплотнение существующей жилплощади и использование нежилых помещений, а также строительство новых домов. В 1942 г. в районах Кузбасса планировалось ввести в строй 87 жилых домов на общую сумму 520 832 руб. (таблица 5).

[349] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 116.
[350] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 207.
[351] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 207.

Таблица 5

План финансирования жилищного строительства в районах Кузбасса на 1942 г.

№	Название района	Всего домов	Общая сумма затрат в рублях
1	Анжеро-Судженский	7	41 902
2	Беловский	22	131 692
3	Ижморский	5	29 980
4	Киселевский	33	197 538
5	Крапивинский	2	11 972
6	Кузедеевский	5	29 930
7	Мариинский	8	47 888
8	Тяжинский	5	29 930
Итого		87	520 832

Данные составлены по: ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 134. Л. 25–26.

Стоит отметить, что не во всех районах области было запланировано строительство. Лидерами по вводу жилья должны были быть Беловский (22 дома) и Киселевский (33 дома) районы. В архивных документах сохранился расчет на необходимое количество строительных материалов для нового жилищного строительства по районам Кузбасса на 1942 г. (таблица 6). Основными строительными материалами являлись: лес, стекло, железо, гвозди, проволока, а также олифа.

Таблица 6

Расчет необходимого количества строительных материалов для нового жилищного строительства по районам Кузбасса на 1942 г.

№	Название района	Количество жилых домов	Потребность строительных материалов						
			Лес круглый (куб. метр.)	Лес пиленый (куб.метр.)	Стекло оконное (кв. метр.)	Железо сорт. (т)	Гвозди разные (т)	Проволока (т)	Олифа (т)
1	Анжеро-Судженский	7	245	84	56	392	483	14	210
2	Беловский	22	770	264	176	1232	1518	44	660
3	Ижморский	5	175	60	40	280	345	10	150
4	Киселевский	33	1155	396	264	1848	2277	66	990
5	Крапивинский	2	70	24	16	112	138	4	60
6	Кузедеевский	5	175	60	40	280	345	10	150
7	Мариинский	8	280	96	64	448	552	16	240
8	Тяжинский	5	175	60	40	280	345	10	150
Итого		87	3045	1044	696	4872	6003	174	2610

Данные составлены по: ГАНО. Ф. Р-1030. Оп.1. Д. 134. Л. 28.

В сельской местности в основном оказывалось неорганизованное население, которое ставилось в большую зависимость от принимающей стороны (колхозного и районного начальства), в отличие от работников заводов, которые могли обратиться к руководству завода либо в профсоюз. Сюда выселялись и некоторые организации, а также население, которое не было задействовано в работе предприятий. Однако стоит отметить, что в районах не наблюдалось такой острой нехватки жилой площади, как в городах. Это можно объяснить тем, что именно в городскую местность было перебазировано большое количество предприятий вместе с рабочими, которые нуждались в жилье.

Таким образом, с началом процесса эвакуации населения на территорию Кузбасса в регионе обострился жилищный вопрос. Первоначально эвакуированное население размещалось в действующем жилом фонде путем уплотнения. В дальнейшем для эвакограждан были

освобождены многие нежилые помещения. Однако этого было недостаточно, и в городах, и районах области начинается жилищное строительство. В основном это было жилье временного типа, что отразилось на качественных показателях, т. е. снизился процент жилья, где было центральное отопление, водопровод, канализация. В целом, за годы войны в городах Кузбасса сдали в эксплуатацию 450 тыс. $м^2$ жилья. Почти половина из этого количества составляли постройки упрощенного типа – каркасно-засыпные бараки и землянки[352]. Строительство жилья велось из средств республиканского, областного и местного бюджетов, а также силами самого населения и предприятий.

Эвакуация населения привела к заметному сокращению обеспеченности жилой площади (в соотношении по квадратным метрам на человека). К концу войны доля граждан, проживающих в общежитиях в городах области, была очень велика. Только в общежитиях угольных комбинатов «Кемеровоуголь» и «Кузбассуголь» располагались около 70 тыс. горняков, 30 тыс. из которых размещались на двух и трехъярусных нарах. Порядка 20 % сотрудников КМК также размещались в общежитиях, где на одного человека приходилось 3,6 $м^2$, а в общежитиях с двухъярусной системой – 1,8 $м^2$ [353].

Несмотря на огромное количество трудностей, связанных с обеспечением эвакуированного населения жильем, в целом данная задача была решена. Способствовало этому уплотнение имеющейся и нахождение новой жилплощади, а также строительство новых домов. Начиная с 1943 г., ситуация с обеспечением эвакограждан жильем стала улучшаться. Во-первых, это было связано с началом процесса реэвакуации населения и освобождением необходимой жилплощади. Во-вторых, местные власти к

[352] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 33.

[353] Головань Н. С. Жилищно-бытовые условия городского населения Кузбасса (1941–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–4(62). С. 18.

данному времени сумели выстроить действующие механизмы размещения эваконаселения в городах и районах Кузбасса.

2.2. Трудоустройство эвакуированного населения

С первых дней Великой Отечественной войны началась масштабная мобилизация населения в ряды Красной Армии. Уже к 1 декабря 1941 г. Западная Сибирь направила в армию свыше 1 млн. чел., что составляло порядка 67 % мужчин призывного возраста. В городах на фронт ушли 52 % мужчин, в сельской местности – более 75 %[354]. При этом в связи с эвакуацией большего количества промышленных предприятий в регионы Западной Сибири стал возникать дефицит кадров для обеспечения бесперебойного функционирования промышленности. В Кузбассе, как и на всей территории страны, в годы войны существенно изменился количественный и качественный состав населения, поскольку в ряды РККА были призваны тысячи квалифицированных рабочих, служащих и колхозников. Вопрос о точной численности граждан, которые ушли на фронт из региона является дискуссионным. Данные варьируются от 331 до 478 тыс. чел. (с учетом довоенных призывов)[355].

За период 1941–1942 г. на территорию Кузбасса было эвакуировано 97 предприятий или отдельных цехов вместе с сотрудниками и их семьями. Однако промышленные объекты прибывали в регион не полностью укомплектованные рабочей силой. Также стоит отметить, что на фронт призывали даже ранее забронированных и крайне необходимых рабочих.

[354] Исупов В. А. К вопросу о масштабах воинских мобилизаций в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 2. С. 6–7.
[355] Коновалов А. Б. История Кузбасса: в 3 т. Т. 3. Кузбасс от начала Великой Отечественной войны до распада СССР (1941–1991). Книга 1. 1941–1964. Кемерово: ArtAvis, 2024. С. 18.

Например, во втором полугодии 1941 г. в ряды РККА были призваны более 11 тыс. шахтеров комбината «Кузбассуголь»[356].

Вопросы, связанные с трудовой политикой, были приоритетными на государственном уровне. 30 июня 1941 г. был создан Комитет по распределению рабочей силы при СНК СССР. Председателю Комитета было предоставлено право давать распоряжения всем наркоматам и ведомствам по распределению рабочей силы в пользу оборонных нужд. В функции органа входил учёт трудоспособного населения, его мобилизация для работы в различных отраслях народного хозяйства, привлечение к трудовой повинности, а также перераспределение рабочей силы между отраслями народного хозяйства и наркоматами[357]. В тыловых регионах, в том числе и в Новосибирской области, при исполкомах областных и краевых советов создавались местные отделения – бюро Комитета.

Отдельно стоит отметить нормативно-правовую базу, регламентирующую трудовую политику государства. 26 июня 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» директорам предприятий предоставлялось право устанавливать обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1-го до 3-х часов в день, помимо этого, были отменены отпуска[358]. Затем 28 июня СНК СССР принял постановление № 1901 «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство», согласно которому пенсия сохранялась на весь период военных действий и не зависла от размера зарплаты[359].

---

[356] Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны, (1941–1945 гг.). Ставрополь: Ставропольская правда, 1967. С. 73.

[357] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О создании при Бюро СНК Комитета по распределению рабочей силы». 30 июня 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 35.

[358] Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». 26 июня 1941 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 годы. М., 1968. С. 37–38.

[359] Исупов В. А. Людские ресурсы Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: проблемы формирования и использования // Хозяйственное освоение Сибири в

26 декабря 1941 г. вышел Указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», согласно которому все работники, занятые на военных заводах, объявлялись мобилизованными на весь период войны. Самовольное покидание рабочего места стало рассматриваться как дезертирство[360]. Однако на предприятиях часто отсутствовали оперативные данные о количестве самовольных уходов[361].

Также согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» от 13 февраля 1942 г. для работы в военной промышленности необходимо было мобилизовать трудоспособное городское население: мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет, из числа не работающих в государственных учреждениях и предприятиях[362].

Значимую роль в организации трудовой политики государства сыграл процесс эвакуации гражданского населения в тыловые регионы. Эвакограждане стали важным источником пополнения трудовых ресурсов в военное время. За рабочими эвакуированных предприятий и учреждений, которые в связи с эвакуацией были устроены на других объектах, согласно распоряжению СНК СССР от 3 ноября 1941 г. сохранялся непрерывный стаж (если перерыв в работе не превышал 3-х месяцев, не включая время переезда в тыловые регионы). Также стаж сохранялся у рабочих и служащих, которые

контексте отечественной и мировой истории. Сб. научных трудов. Новосибирск, 2005. С. 101.

[360] Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий (Указ от 26 декабря 1941 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 2; То же // Ленинский шахтер. 1942. № 1 от 1 июля.

[361] ГАК. Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 49. Л. 177–178.

[362] О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве (Указ от 13 февраля 1942 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 6.

были эвакуированы по болезни или старости, а также у женщин по беременности или наличию малолетних детей[363].

Важно, что ещё 26 сентября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление № 716-с «О частичном дополнении и изменении утвержденного постановлением СНК СССР Положения «О прописке граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы». Согласно этому документу, ряд городов страны, включая города Кузбасса, были признаны режимными территориями (Сталинск, Кемерово, Прокопьевск, Анжеро-Судженск, Ленинск-Кузнецкий). Смысл документа сводился к тому, что прописываться в этих городах разрешалось только тем, кто был эвакуирован вместе с учреждениями или предприятиями, либо направлен в города Советом по эвакуации и его местными уполномоченными[364].

Местным властям данных городов при согласовании с облисполкомом была предоставлена возможность отправлять трудоспособных, но не устроившихся на работу в течение двух недель эвакогражан, на обязательную работу в другие города и районы региона, где не хватало рабочих рук. Отказавшиеся от данной работы граждане выселялись из этих городов, им запрещали проживание в режимных местностях первой категории, а также в запретных зонах, пограничной полосе и районах, находящихся на военном положении. Соответствующие записи вносились в паспорта, в графу особых отметок[365].

Местным органам власти важно было еще на этапе планирования размещения эвакуированного населения максимально учитывать специальности эвакогражданн, а также потребности в рабочей силе в городах

[363] О сохранении непрерывного стажа работы за рабочими и служащими, поступающими на работу в другие предприятия или учреждения в связи с эвакуацией. Разъяснение ВЦСПС, утвержденное СНК СССР 3 ноября 1941 г. // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 1942 г. С. 114; О сохранении непрерывного стажа работы за эвакуированными рабочими и служащими // Кузбасс. 1942 от 17 мая.

[364] Снегирева Л. И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 1. С. 203.

[365] Там же. С. 203.

и районах региона. Для организации процесса были разработаны специальные инструкции, которые регламентировали вопросы трудоустройства данной категории населения. Эвакуированные рабочие, инженерно-технические работники, служащие, а также лица, прибывшие с предприятиями, организациями, учреждениями и учебными заведениями, в первую очередь размещались в промышленных центрах и городских поселениях. Сельские жители в основном отправлялись в районные центры, колхозы и совхозы[366].

Форма № 2 учета эвакуированного населения, утвержденная Советом по эвакуации от 7 июля 1941 г., давала необходимую информацию не только о специальности, но и о профиле профессии. Все это фиксировалось в 12 графе формы и давало возможность местным властям устраивать эвакограждан по их или смежной специальности.

СНК СССР И СНК РСФСР с 1 мая 1942 г. ввели декадную отчётность по трудоустройству для регионов, где были размещены эвакуированные граждане[367]. В Новосибирской области на конец апреля структура трудоустройства эвакуированного населения выглядела следующим образом: 26,8 % работали в колхозах, 4,5 % – в совхозах, 1,5 % – на МТС, 2,2 % – в промартелях, 3,8 % – на железнодорожном транспорте, 25,5 % – на промышленных предприятиях и 35,7 % – в прочих хозяйственных учреждениях и организациях[368].

На территории Кузбасса на 1 января 1943 насчитывалось 103 287 трудоспособных эвакуированных граждан, из них 91 663 чел. были трудоустроены (88,85%). При этом доля трудоустроенных в городах и районах области отличалась. Например, в Киселевске она составляла 100 %,

[366] Снегирева Л. И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 1.С. 202.
[367] Там же. С. 202.
[368] Беленко М. П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект (1941–1943 гг.): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. С. 133.

что было лучшим показателем среди городов области, а в Тайге только 81,79 %, что являлось худшим результатом. В крупнейшем городе региона – Сталинске – 88,61 %, в Кемерове – 98,93%. В целом по городам Кузбасса доля трудоустроенных граждан составляла 91,34 %. В районах Кузбасса показатель варьировался от 47,44 % (Тяжинский район) до 100 % (Мысковский район). Однако стоит отметить, что на территории Мысковского района проживало всего 26 чел. трудоспособного эвакуированного населения. В целом по районам Кузбасса доля трудоустроенного эвакуированного населения составляла 83,98 %, что было заметно ниже, чем в городах[369]. (приложение 8)

По данным на 1 апреля 1943 г., в регионе насчитывалось максимальное число эвакуированных граждан – 212 541 чел., из которых 106 839 чел. являлись трудоспособными (50,3 %). В городах проживали 67 002 чел. (62,7 %), в сельской местности – 39 837 чел. (37,3 %). Из общего числа трудоспособных эвакограждан были трудоустроены 101 625 чел. (95,1 %). При этом в городах в промышленности и транспорте были заняты 57 710 чел. (56,8 %), в промкооперациях – 3 390 чел. (3,3 %), в прочих учреждениях – 4 360 чел. (4,3 %). В районах области 35 185 чел. (34,6 %) трудились в сельском хозяйстве, а 970 чел. (1 %) – в прочих учреждениях. В Кузбассе большой процент эвакуированных граждан был трудоустроен именно на промышленных предприятиях[370].

Стоит отметить, что на территории региона в годы войны постоянно увеличивалось количество рабочих, занятых в промышленном секторе. Если в 1940 г. на предприятиях работало 124 911 чел., то в 1945 г. их численность составила уже 219 240 чел., темп прироста составил 75,5 %. Ведущими отраслями промышленности Кузбасса по занятости были угольная,

[369] ГАНО Ф. Р-1030. Оп. 1 Д. 287. Л. 4–4 об.
[370] Справка о состоянии работы отдела Кемеровского облисполкома по хозяйственному устройству эвакуированного населения на 20 мая 1943 г. // ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 30. Л. 118.

металлургическая и химическая (таблица 7)[371]. Рабочие кадры предприятий региона пополнялись за счет эвакуированных граждан, сельских жителей («внутриобластная мобилизация»), жителей других регионов, спецконтингента[372]. Например, для угольной промышленности правительство приняло специальные меры по мобилизации и завозу в Кузбасс рабочей силы в количестве, полностью покрывающем потребность отрасли – 26 500 чел.[373]. В 1943 г., согласно сведениям областного комиссариата Кемеровской области, на предприятия Кузбасса было мобилизовано 10 063 чел.[374].

Таблица 7

Среднегодовое число рабочих промышленности (человек).

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Вся промышленность	124 911	136 264	154 385	195 724	205 301	219 240
Угольная отрасль	43 233	46 339	47 282	63 133	63 836	73 538
Черная металлургия	11 977	12 977	13 898	20 682	21 562	22 642
Цветная металлургия	7 554	6 288	6 006	5 049	5 339	5 515
Химическая отрасль	5 191	6 844	10 200	12 198	13 825	13 374
Металлообрабатывающая	13 413	15 530	25 558	33 766	35 019	37 412
Другие отрасли	42 543	48 286	51 441	60 896	65 720	66 759

Данные составлены по: ГАК. П-75. Оп. 2. Д. 102. Л. 3.

Общая численность рабочих и служащих на территории региона в сентябре 1940 г. составляла 388 тыс. чел, в сентябре 1943 г. – 458,5 тыс. чел., в сентябре 1944 г. – 486,6 тыс. чел, и уже после окончания Великой Отечественной войны на 1 октября 1945 г. численность составила 529,8 тыс. чел[375]. На 15 октября 1944 г., из 81 тыс. эвакуированных в область граждан 50 тыс. (или 61,7 %) работали на промышленных предприятиях региона[376].

[371] ГАК. П-75. Оп. 2. Д. 102. Л. 3.
[372] Черемных О. А., Шевляков А. С. Будни тылового города. Материально-бытовое положение горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2017. С. 47.
[373] ГАК. Ф. Р-797. Оп. 2. Д. 18. Л. 59.
[374] ГАК. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 1. Л. 147–147об.
[375] ГАК. П-75. Оп. 2. Д. 102. Л. 18.
[376] ГАК. Ф. Р-797. Оп. 2. Д. 39. Л. 8.

Таким образом, количество работающих граждан на территории Кузбасса постоянно увеличивалось, в том числе и благодаря эваконаселению. Как уже отмечалось выше, на 1 апреля 1945 г. в Кузбассе оставалось 73,9 тыс. эвакуированных граждан, что являлось максимальным показателем среди западносибирских регионов[377]. Значительная часть эвакуированного населения оставалось в области до конца войны. Это можно объяснить особой ролью Кузбасса как важнейшего центра военной экономики. Эваконаселение продолжало работать на промышленных предприятиях региона для обеспечения государства необходимой продукцией.

Эвакуированные рабочие после прибытия на новые места в большинстве своем оставались в своих коллективах и устраивались по специальности на местах. Например, по приказу управляющего комбинатом «Кузбассуголь» от 25 ноября 1941 г. 308 инженерно-технических работников и рабочих комбината «Донецкуголь» были трудоустроены в тресте «Прокопьевскуголь». В целом, порядка 30 % горнорабочих Кузбасса составляли эвакуированные граждане из Донбасса. Также стоит отметить, что среди прибывших с территории Донбасса было значительное количество опытных рабочих, которые имели ведущие горняцкие специальности[378]. Так, из 2 069 горняков, которые прибыли в Анжеро-Судженск в октябре 1941 г., имели специальность забойщиков – 621 чел., 323 чел. – навалоотбойщиков, 291 – рабочих по забою, 484 чел. – работали на поверхности шахт. Практически все прибывшие после эвакуации сразу пошли работать на шахты[379].

За 1942 г. в населенные пункты Кузбасса было эвакуировано 446 инженеров и техников. В двух из восьми угольных трестах Кузбасса

[377] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 332.

[378] Снегирева Л. И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 1. С. 204.

[379] Цукров В. А. Труд горняков Донбасса в сибирском тылу (1941–1945) // Народы Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кызыл. 1973. С. 163.

управляющими и в четырех трестах главными инженерами стали специалисты, прибывшие с территории Донбасса. На 25 шахтах региона работали 22 заведующих и 22 главных инженера с территории Донецкого угольного бассейна[380]. В целом, в Кузбассе трудились более 31 тыс. шахтеров, инженерно-технических работников и рабочих других отраслей, которые были эвакуированы с территории Донбасса[381].

Проблема трудоустройства эвакуированного населения являлась одной из самых приоритетных для Советского государства. Однако самим эвакогражданам и местным органам власти пришлось столкнуться с большим количеством трудностей. Необходим отметить, что учет прибывшего населения был организован плохо, в связи с этим не были учтено точное количество человек, которым необходимо было предоставить рабочие места, также не были систематизированы данные о специальностях эвакограждан. Например, в Убинском, Каргатском, Михайловском и других районах Новосибирской области были размещены эвакуированные граждане из г. Ленинграда. Многие из них являлись высококвалифицированными кадрами и не могли быть использованы по назначению в этих районах. При этом в Кузбассе они были остродефицитными специалистами, в связи с чем им пришлось вновь переезжать. Стоит отметить, что распространенными были случаи, когда нужные для предприятий и производства квалифицированные рабочие были трудоустроены на низкооплачиваемую работу не по специальности.

Несмотря на прибывшее эвакуированное население, потребность в рабочей силе по городам Кузбасса была большая. Например, на 30 мая 1942 г. в г. Анжеро-Судженске на предприятия города требовалось порядка 700 чел. В Кемерове на завод «Карболит» коксохимический, азотно-туковый

[380] Хорошайлов Н. Ф. Мужество Донбасса. Донецк, 1968. С. 81–83.
[381] Снегирева Л. И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 1. С. 205; ГАК. П-15. Оп. 9. Д. 27. Л. 23.

заводы и другие предприятия – 5 600 чел. Самая большая потребность в рабочей силе была в Сталинске – 11 000 чел., из них стоит выделить потребности КМК – 1 700 чел., также нужны были 6 100 рабочих для строительства алюминиевого завода. В других городах области тоже была потребность в рабочей силе: в Киселевске – 2 450 чел., Мариинске – 200 чел., в Осинниках – 350 чел., Прокопьевске – 1 800 чел., Юрге – 1 500 чел.[382]. Однако в связи с неполнотой данных об эвакуированном населении не всегда получалось корректно распределить рабочую силу в городах и районах Кузбасса.

Также были распространены случаи, когда люди отказывались от трудоустройства в рамках новой специальности, где не была учтена их высокая квалификация. Следовательно, на предлагаемой работе зарплата была существенно ниже, что не устраивало некоторых эвакограждан. Новосибирскому облисполкому пришлось вести агитационно-массовую работу по пресечению иждивенческих настроений[383].

На 10 января 1942 г. в Новосибирской области было учтено 380 415 эвакуированных граждан, при этом точных данных о трудоустройстве, согласно отчету, не было. По имеющейся информации, большинство эвакограждан было трудоустроено. Например, в Анжеро-Судженском районе из общего количества прибывших 4 672 чел. было устроено на работу 4 610 чел., в Осинниках из прибывших 1 820 чел. устроено 1 665 чел. По данным 47 сельских районов, абсолютное большинство работали в колхозах, МТС и совхозах на различных работах, и около 12 % занимали разные должности в учреждениях, на предприятиях, в районных и сельских центрах. При этом отмечалось, что эвакограждане работали хорошо, выполняли свои должностные обязанности[384].

---

[382] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 199. Л. 173–174.

[383] Беленко М. П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект (1941–1943 гг.): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. С. 134.

[384] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д.172. Л. 222; 228.

В сельских районах Новосибирской области были учтены 74 профессии прибывших эвакограждан. Из них стоит отметить самые распространенные: электрики, машинисты, механики, шоферы, счетоводы, портные, токари, плотники, трактористы, бухгалтеры, акушерки, врачи, медсестры, учителя[385].

В районах Кузбасса ситуация была схожей, хотя круг специалистов был несколько шире. Например, 23 октября 1942 г. Мариинский райисполком сообщал о специальностях эвакуированных граждан секретарю облисполкома Колычеву. Из общего числа эваконаселения в 5 544 чел. трудоспособных было 2 060 чел. Среди эвакуированных выделялись представители педагогического состава, сотрудники финансово-экономической сферы (бухгалтеры и счетоводы, экономисты-плановики), специалисты в сфере транспорта, медицинские работники, технические специалисты и инженеры, рабочие, деятели культуры и искусства[386]. В Беловском районе на 1 ноября 1942 г. из общего числа эвакограждан – 2 329 чел., трудоспособных было 823 чел. Среди них присутствовали специалисты финансово-экономической и медицинской сферы, рабочих профессий[387]. Таким образом, не все специальности были востребованы в сельской местности, в то время как в городах области в них могли остро нуждаться. В первую очередь это касается технических специалистов и инженеров.

Однако стоит отметить, что некоторые эвакуированные проявляли нежелание работать, а также были случаи, когда люди из-за отсутствия теплой одежды и обуви не имели возможности ходить на работу. Проблема нехватки одежды и обуви довольно часто упоминалась в отчетах местных органов власти в причинах неустройства на работу. Помимо этого,

[385] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 2 «На сибирской земле» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 23.
[386] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 205. Л. 25.
[387] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 205. Л. 85.

сложности с трудоустройством испытывали матери маленьких детей, которые не могли работать из-за отсутствия мест в детских садах и яслях[388].

Некоторая часть прибывших специалистов не могла быть трудоустроена по своей квалификации в определенных районах, несмотря на острый недостаток этих специалистов в других территориях. Например, Юргинский райисполком при размещении эвакуированных не учел квалификации рабочих (токари, слесари, кузнецы) и направил их в колхозы, где не было возможности трудоустроить их по специальности[389].

Из докладной записки по вопросу приема, размещения и материально-бытового обслуживания эвакуированного населения в г. Сталинск от 16 января 1942 г. известно, что в основном трудоустройством занимались непосредственно хозяйственные организации, КМК, Сталинскпромстрой, оборонные и др. предприятия. Сообщалось, что рабочие, ИТР и служащие, прибывшие с предприятиями на КМК и на другие предприятия, были трудоустроены. При этом имелся дефицит рабочих металлургических, металлообрабатывающих и строительных профессий, а также чернорабочих, в тоже время был избыток квалифицированных технических кадров, в особенности коксохимиков, лиц всевозможного канцелярского труда[390]. Из 4 610 эвакограждан на 1 января 1942 г. не было устроено на работу около 3 %, то есть 128 чел. следующих профессий, которые не желали выполнять физическую работу: канцелярские работники (секретари, делопроизводители, машинистки), медсестры с небольшим стажем, учителя второстепенных дисциплин, работники по торговой части (продавцы, заведующие отделениями), большая часть жен начсостава[391].

Следует отметить, что положение эвакуированных семей начальствующего состава было под особым контролем. Согласно постановлению СНК СССР от 5 июля 1941 г., в первую очередь председатели

[388] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 229.
[389] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 229.
[390] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 205. Л. 17.
[391] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 205. Л. 63 об.

райисполкомов и секретари райкомов должны были обеспечивать семьи командно-начальствующего состава, руководящих партийных и советских работников рабочими местами[392]. Местные органы власти в вопросах трудоустройства данной категории граждан также руководствовались инструктивным письмом Наркомата социального обеспечения «О порядке трудоустройства членов семей мобилизованных в Красную Армию» от 1 августа 1941 г., а 28 декабря по данному вопросу вышло распоряжение СНК СССР. Согласно документам, необходимо было предоставить эвакуированным членам семей военнослужащих работу в соответствии с их квалификацией[393].

Однако стоит заметить, что значительную часть нетрудоустроенного населения составляли именно жены военнослужащих. Это можно объяснить тем, что они получали пособие по денежному аттестату и не нуждались в дополнительном источнике дохода, в связи с чем отказывались от любой предлагаемой им работы. Например, в результате проверки положения эвакуированного населения в г. Анжеро-Судженск в марте 1942 г. стало известно, что из проживающих в городе 3 758 эвакограждан, работали 1 527 чел. или 40,6 %. Из 720 чел. трудоспособных членов семей начсостава работали только 211 чел., или 29,3 %, остальные работать не желали. При этом с каждым нетрудоустроенным гражданином была проведена беседа, которая значимых результатов не дала. Главной причиной нежелания выхода на работу жен начсостава также являлось получение зарплаты по аттестатам мужей[394].

Похожее положение описано в докладной записке инспектора Кузедеевского района Исакова Новосибирскому облисполкому

[392]Мелехова Ю. А. Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края): дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2016. С. 111.
[393] Семенова Е. Н. Трудоустройство членов семей военнослужащих в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 9(99). С. 58.
[394] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 109 об.–110.

о проделанной работе по эвакуации населения. В январе 1942 г. в районе было зарегистрировано 1 617 эвакуированных граждан. Из них трудоустроено было на предприятиях промышленности и транспорта – 93 чел, в совхозах-колхозах – 286 чел., в промысловой кооперации – 45 чел. Всего было трудоустроено 547 чел. Нетрудоустроенными вновь оказались жены начсостава РККА и НКВД – 88 чел. Они не работали в связи с тем, что получали денежные средства по аттестатам[395].

Однако стоит отметить, что многие жены военнослужащих все же включались в работу и даже заменяли своих мужей после ухода на фронт на рабочих местах. Например, в г. Сталинск жена токаря Кулакова работала на том же станке, на котором совсем недавно работал ее муж, для этого ей потребовалось обучиться профессии токаря[396].

22 января 1943 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих». После этого СНК РСФСР принял постановление «Об образовании при СНК РСФСР Управления по государственному обеспечению и трудоустройству семей военнослужащих»[397]. В соответствии с документами в районах и городах были созданы отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Отделы оказывали помощь в трудоустройстве, получении пенсий и пособий, получении новых профессий. В городах и районах Кузбасса было создано 39 таких отделов[398].

---

[395] ГАК. Ф. Р-858. Оп. 1. Д. 34. Л. 11.

[396] Семенова Е. Н. Трудоустройство членов семей военнослужащих в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)// Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 9 (99). С. 59.

[397] Об образовании при Совнаркоме РСФСР Управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Выписка из постановления СНК РСФСР № 102 от 30 января 1943 г. // Картотека законодательных и инструктивных материалов НКМП РСФСР. 1943 год. Вып. 4–9. М.: Гос. Изд-во мест. Пром-сти РСФСР. 1944.

[398] Семенова Е. Н. Трудоустройство членов семей военнослужащих в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 9 (99). С. 61.

Усиленное внимание к вопросу трудоустройства эвакуированных граждан было связано с выходом постановления СНК РСФСР «О состоянии трудового устройства и бытового обслуживания эвакуированного населения» от 26 марта 1943 г., согласно которому к 1 мая 1943 г. необходимо было устроить на работу всех трудоспособных эвакограждан[399]. Данное постановление облисполком Кемеровской области выполнил не полностью. В регионе на 1 июля 1943 г. из 106, 5 тыс. чел. трудоспособных граждан на работу были устроены 94,7 тыс. чел (88,9 %). В то же время в Новосибирской области доля трудоустроенного эвакуированного населения составляла (94,7 %), в Алтайской крае (61,5 %), в Омской области (67,2 %), в целом по Западной Сибири (80,5 %). Стоит отметить, что доля трудоустроенных эвакуированных трудоспособных граждан в Кузбассе была выше среднего показателя Западной Сибири[400]. В период с января 1943 по апрель 1945 г. на территории области доля трудоустроенного эвакуированного населения всегда превышала отметку в 80 %. (таблица 8). Причины невозможности устроиться на работу были все те же: для трудоспособных женщин с детьми главной проблемой для выхода на работу оставалось отсутствие необходимого количества детских садов и яслей, также не желали трудоустраиваться жены начсостава, которые получали денежные пособия по аттестатам, либо граждане, которые нигде не обучались и не имели профессии.

[399] Мелехова Ю. А. Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края): дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2016. С. 125.

[400] Справка о состоянии работы отдела Кемеровского облисполкома по хозяйственному устройству эвакуированного населения н 20-е мая 1943 г. // ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 30. Л. 118; Сводные сведения о количестве эвакуированного населения, его размещения и трудоустройства по отраслям народного хозяйства // ГАРФ. Ф. А-327. Д. 404. Л. 5; Сведения о трудоустройстве эвакуированного населения, размещенного в областях РСФСР // // ГАРФ. Ф. А-327 Д. 423. Л. 11, 23, 25.

Таблица 8

Динамика трудоустройства трудоспособного эвакуированного населения в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) (в тыс. чел).

	На 1 апреля 1943 г.	На 1 июля 1943 г.	На 1 октября 1943 г.	На 1 января 1944 г.	На 1 апреля 1944 г.	На 1 июля 1944г.	На 1 октября 1944г	На 1 апреля 1945г
Всего трудоспособного эвакуированного населения	106,8	106,5	61,3	61,3	61,4	52,4	52,4	45,8
Из них трудоустроено	101,6 (95%)	94,7 (88,8%)	52,6 (85,8%)	52,6 (85,8%)	52,6 (85,7%)	43,6 (83,2%)	43,6 (83,2%)	38 (83%)

Данные составлены по: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 30. Л. 118; Д. 404. Л. 5; Д. 423. Л. 11, 23, 25.

Стоит упомянуть, что работа по обучению новым профессиям на местах проводилась. Например, решением Тяжинского райисполкома от 24 марта 1943 г. организовывались курсы трактористов из числа эвакуированных граждан из Латвийской ССР. Исполком райсовета организовал обучение для 30 человек. Для этого были подготовлены помещения, а к обучению были привлечены опытные механики. Председателей колхозов «Комсомолец», «Борец» и «Сталь» обязали направлять всех желающих обучаться новой профессии. Кроме того, изъявившим желание заниматься на курсах гражданам из Латвийской ССР назначали стипендию в размере 200 р. в месяц[401].

В продолжение необходимо отметить важную роль в подготовке кадров для промышленных предприятий области эвакуированных школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленных училищ. По данным

[401] ГАК. Ф. Р-77. Оп. 3. Д. 53. Л. 87.

А. А. Халиулиной, в 1943 г. 4 895 выпускников, прибывших на территорию региона учреждений начального профессионального образования, уже работали на шахтах Кузбасса. На Кемеровском коксохимическом заводе в 1942 г. доля выпускников данных образовательных организаций составляла более 30 %[402].

Уже в октябре 1941 г. на территорию Новосибирской области прибыло 42 учебных заведения трудовых резервов с контингентом более 18 тыс. чел., к середине месяца прибыло еще более 13 тыс. чел. с ремесленными училищами и школами ФЗО Сталинской и Московской областей. Многие из них были трудоустроены на промышленных предприятиях Кемеровской области. Например, на КМК – 2 045 чел., комбинат «Кузбассуголь» – 9 326 чел., Кемеровский азотно-туковый завод – 561 чел. Однако стоит отметить, что руководители многих предприятий отказывались трудоустраивать учащихся из-за отсутствия жилья и производственных площадей. В связи с этим обком ВКП(б) и облисполком Новосибирской области взяли ситуацию под жесткий контроль, однако это не смогло полностью решить проблему. В марте 1942 г. более 1 000 чел., которые должны были работать на комбинате «Кузбассуголь», так и не были трудоустроены, в связи с чем для трудоустройства они были отправлены в Челябинскую область[403].

Стоит отметить, что проблема устройства эвакуированных граждан, прибывших с предприятиями, в городах Кузбасса не всегда была решена. В первую очередь это объяснялось большой перенаселенностью в промышленных центрах области. Данный факт способствовал расселению рабочих не в городах, а в близлежащих сельских районах, в связи с чем эвакограждане не могли быть трудоустроены в своих коллективах. Так,

[402] Халиулина А. А. Изменение в составе рабочих кадров Кузбасса в 1941–1942 гг. // 50 лет Великой Победы: Тезисы научной конференции. Кемерово, 1995. С. 102.
[403] Снегирева Л. И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 1. С. 206.

прибывшие 20 ноября 1941 г. в Кемерово рабочие Рубежанского химического комбината были размещены в помещениях обозно-механического завода. Однако предприятие ввиду определенных причин отказало в трудоустройстве части эвакогражданам, тем самым поставив их в тяжелые жизненные условия. В итоге урегулированием ситуации занималась прокуратура[404].

Гораздо сложнее было отследить и трудоустроить граждан, которые прибыли на территорию Кузбасса неорганизованным образом. Одним из самых действенных способов найти работу эвакогражданам, и в том числе прибывших «самотеком», была мобилизация. Помимо указа Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» вышло постановление СНК СССР «О порядке мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», согласно которому на Бюро по учету и распределению рабочей силы накладывались обязанности по учету трудоспособного населения, подлежащего мобилизации. Гражданам, которые заявляли о невозможности приступить к работе, в связи с состоянием здоровья необходимо было пройти медицинский осмотр[405].

В городах Кузбасса также проходила мобилизация трудоспособного населения. Например, в Белове, Гурьевске и Сталинске по постановлению Кемеровского облисполкома от 7 июля 1943 г. было мобилизовано порядка 300 чел. для работы на предприятиях[406].

---

[404] Снегирева Л. И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 1. С. 206.

[405] О порядке мобилизации на период военного времени трудоспособного городского, населения для работы на производстве и строительстве, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938–1944 гг. М., 1945. С. 148.

[406] Снегирева Л. И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 1. С. 207.

Одним из методов мобилизации стала трудовая повинность, которая объявлялась для выполнения оборонных работ и других военных надобностей (заготовка топлива, строительные спецработы, охрана объектов и т.д.)[407]. Эвакуированное население активно привлекалось для введения в строй эвакуированного оборудования, а также строительства нового жилья. Например, 17 ноября 1941 г. Сталинским исполкомом городского Совета депутатов трудящихся было принято решение № 98 «О привлечении населения к платной трудовой повинности для строительства жилищ эвакуированному населению и восстановления эвакуированных заводов». Согласно решению 2 000 человек трудоспособного возраста были привлечены в порядке платной трудовой повинности на работу по восстановлению эвакуированных в Сталинск промышленных предприятий и строительство жилищ для эвакуированного населения. За уклонение от работы граждан могли оштрафовать на 100 руб., а в случае злостного уклонения от трудовой повинности могли привлечь к уголовной ответственности[408]. В Кемерове в Рудничном районе для сооружения жилых домов для эвакуированного населения также применялась практика платной трудовой повинности. В работах были задействованы порядка 1 000 чел., которые не были заняты на производствах[409].

Особо стоит обратить внимание на трудоустройство эвакуированного населения в районах Кузбасса. На 1 января 1943 г. в сельской местности проживало 36 389 трудоспособных эвакограждан, из них в колхозах работало 15 971 чел. (43,9 %)[410]. Значительная часть прибывших не спешила вступать в колхозы. По мнению Л. И. Снегиревой, это было связано с тем, что многие эвакуированные граждане опасались, что вступление в колхоз может

[407] Гончаров Г. А. Трудовая политика советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2001. № 1(12). С. 79.
[408] ГАК (филиал в г. Новокузнецке). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 282. Л. 108.
[409] ГАК. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 4. Л. 174.
[410] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 287. Л. 4–4 об.

затруднить их возвращение домой после окончания войны[411]. Также стоит упомянуть низкую оплату труда колхозников и уменьшение выдачи зерна на трудодень. В 1943 г. в Кузбассе на 1 трудодень колхозники получали 0,5 кг зерна[412].

Следует отметить, что проблем, связанных с трудоустройством эвакуированного населения на территории Кузбасса, было много. Главными причинами невыхода на работу были: бытовая неустроенность (отсутствие жилья, одежды, обуви, продуктов питания), плохое состояние здоровья, отсутствие мест в детских учреждениях, в связи с чем не могли работать граждане с малолетними детьми. Кроме того, причиной неустройства на работу часто выступало отсутствие какого-либо образования или квалификации, а также нежелание идти на низкооплачиваемую работу. Отдельно стоит выделить жен начсостава, которые не всегда были заинтересованы в рабочем месте, т.к. получали денежное довольствие по аттестатам мужей.

Также не всегда корректно была учтена квалификация эвакограждан (отсутствовали или неверно были заполнены данные в формах учета) и правильно выбрано место их размещения с точки зрения профессии (не учитывалась кадровая потребность в городах и районах области). Это создавало ряд проблем для эффективного использования рабочей силы для экономики страны и региона. В целом, в Кузбассе доля трудоустроенного эвакуированного населения была выше, чем по Западной Сибири (на 1 января 1943 г.– Кузбасс – 88,75 %, Западная Сибирь – 67,5 %)[413], что можно объяснить большим количеством эвакуированных предприятий и расширением промышленной базы региона, которая нуждалась в кадрах.

---

[411] Снегирева, Л. И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, № 1. С. 208.

[412] Исупов В. А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2008. С. 300.

[413] Сводные сведения о количестве эвакуированного населения, его размещения и трудоустройства по отраслям народного хозяйства // ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 404. Л. 5.

Экономическое развитие Кузбасса в годы Великой Отечественной войны во многом зависело от наличия рабочей силы как низшей, так и высшей квалификации. Прибывшее эвакуированное население помогло снизить дефицит кадров на предприятиях региона. При этом стоит отметить, что до конца войны на территории Кузбасса оставалось самое большое количество эвакограждан среди всех регионов Западной Сибири. Это было связано с тем, что плановой массовой реэвакуации не подлежали граждане, которые работали на предприятиях оборонной промышленности[414]. В Кузбассе большинство трудоустроенного эвакуированного населения были заняты именно в промышленности. Поэтому начавшийся процесс реэвакуации эвакуированного населения в наименьшей степени затронул Кузбасс, если сравнивать его с другими регионами Западной Сибири.

2.3. Материально-бытовое снабжение и медико-санитарное обслуживание эвакуированного населения

Масштабная эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны из западных и прифронтовых районов СССР в тыловые регионы поставила перед советскими органами власти чрезвычайно сложные задачи по устройству благоприятных жизненных условий на новых местах. Однако помимо предоставления жилья, устройства на работу не менее важно было обеспечить данную категорию граждан продуктами питания, необходимыми вещами, а также оказать по мере надобности материальную помощь.

Проблема продовольственного обеспечения эвакуированного населения возникала уже при формировании эшелонов. Согласно Постановлению СНК СССР от 16 июля 1941 г. № 1874 «О питании эвакуированного населения из прифронтовой полосы» каждый эвакуированный гражданин имел право на двукратное питание в сутки в пути следования, а также после прибытия в течение 5–7 дней. При этом эшелон

[414] ГАК. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 31. Л. 117–118.

должен был снабжаться из местных фондов, однако часто это было невозможно сделать в связи со срочностью отправки либо отсутствием ресурсов. Поэтому были случаи, когда продовольствие загружалось в эшелоны уже на станциях следования. В целом, обеспечение эвакограждан питанием в годы войны возлагалось на Наркомат торговли СССР. Во время пути железнодорожные буфеты Наркомторга СССР, Союзтранспит Наркомата путей сообщения СССР и Центросоюз были ответственны за питание эвакуированного населения[415].

Однако стоит сказать, что в тыловых регионах также сложилась сложная ситуация с продовольствием. Война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству. В 1942 г. в стране был зафиксирован самый низкий уровень рыночных фондов за годы войны, когда запасы по важнейшим видам продовольствия сократились почти в 3 раза по сравнению с 1940 г. Это было связано не только с потерей ведущих сельскохозяйственных западных районов страны, но и приоритетным снабжением армии не только продуктами питания, но и необходимыми вещами. В связи с этим в первые годы войны сократилось централизованное снабжение тыловых районов страны[416].

Практически сразу стало очевидно, что необходимо перейти от развернутой торговли к строгому нормированию, что позволило бы обеспечить экономное и целесообразное расходование населением имеющихся запасов. Это означало введение карточной системы, которая начала действовать в столице уже 17 июля, 18 июля карточки были введены в Ленинграде. По карточкам стали отпускать муку, кондитерские и макаронные изделия, мясо, рыбу, хлеб, крупы. Помимо продуктов по

[415] Мелехова Ю. А. Продовольственное обеспечение эвакуированных граждан в 1941–1943 годах (на материалах Алтайского края) // Вестник Пермского университета. Серия: История. №. 2 (29). 2015. С. 149.

[416] Акименко Г. В. Продовольственное снабжение Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 3. С. 391–392.

карточкам выдавали и промышленные товары – ткани, трикотаж, носочно-чулочные изделия, обувь, мыло[417].

Осенью 1941 г. в городах Кузбасса также была введена централизованная система распределения продуктов[418]. Карточки на промышленные товары вводились с 15 февраля 1942 г.[419]. Стоит отметить, что в городах эвакуированное население не выделялось в отдельную группу, а снабжалось на общих условиях с местным населением, которое было разделено на следующие группы: рабочие, служащие, иждивенцы и дети до 12 лет. Внутри групп было деление по категориям, от которого зависело количество получаемой нормы[420].

Необходимо уточнить, что карточная система была введена только в городах. Обеспечение эвакуированных, размещенных в сельской местности, происходило другим способом. Прибывшие граждане, которые были заняты на сельскохозяйственных работах, получали продовольствие за трудодни[421]. Снабжение продовольствием жителей сельской местности, не связанных с сельскохозяйственным производством, в том числе эвакуированных из городов, осуществлялось по талонам и спискам. В сельской местности, в отличие от городов, эвакуированное население выделялось в отдельную категорию[422].

Согласно докладной записке о проделанной работе по обслуживанию эваконаселения в Кемеровском районе на начало 1942 г. известно, что было

---

[417] Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. С. 20–21.

[418] Акименко Г. В. Продовольственное снабжение Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 3. С. 393.

[419] Коновалов А. Б. История Кузбасса: в 3 т. Т. 3. Кузбасс от начала Великой Отечественной войны до распада СССР (1941–1991). Книга 1. 1941–1964. Кемерово: ArtAvis, 2024. С. 108.

[420] Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. С. 27.

[421] Потемкина М. Н. Эваконаселение в уральском тылу (1941–1948 гг.). Магнитогорск, 2006. С. 107–108.

[422] Мелехова Ю. А. Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края): дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2016. С.162.

дано указание сельским исполкомам и магазинам-кооперативам сельских потребительских обществ (сельпо) о снабжении эвакограждан хлебом, сахаром, крупой через сельпо, а овощами, картофелем и молоком – через колхоз. Норма выдачи хлеба составляла 500 гр. для рабочих и 400 гр. для неработающих. Начиная с сентября 1941 г. данная категория населения по снабжению хлебом и крупой выделялись в особую разнарядку. За сентябрь, октябрь и ноябрь эвакограждане получили в среднем по 3 кг круп на каждого человека, в декабре по 500 гр. и 400 гр. сахара[423].

Кроме этого, райпотребсоюзу и сельпо было дано указание о продаже промтоваров в первую очередь эвакуированному населению. Поступившие швейные изделия (например, 83 пальто) были переданы в сельпо для продажи именно эвакогражданам, поскольку они имели особую нужду в теплой обуви и одежде. В декабре 1941 г. сельсоветам была дана директива о создании на местах комиссий для проверки бытовых условий эвакуированного населения. Члены комиссии должны были учитывать степень его нуждаемости в оказании помощи[424].

В Мариинском районе эвакуированному населению по состоянию на февраль 1942 г. было продано продовольственных и промышленных товаров на сумму 160 960 руб. Однако при обследовании квартир эвакограждан все же выявлялись факты необеспеченностью обувью, одеждой и другими необходимыми вещами, в результате чего некоторые из них были лишены возможности пойти на работу или в школу. Кроме того, в октябре, ноябре 1941 г. в некоторых селах района были допущены перебои в торговле хлебом до 4-х дней. Например, такая ситуация сложилась в с. Суслово, в связи с чем председатель сельсовета и сельпо был привлечен к уголовной ответственности[425].

В справке о работе системы потребкооперации по обслуживанию эваконаселения в районах Новосибирской области говорилось о случаях

[423] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 205. Л. 6.
[424] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 205. Л. 7.
[425] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 213.

халатного отношения к нуждам прибывших. Например, Яшкинский райпотребсоюз в связи с недостатком хлеба принял решение снять со снабжения прибывших эвакограждан. Другим примером безответственного отношения к делу можно считать работу Юргинского райпотребсоюза. В октябре 1941 г. он получил для эвакуированных детей 1 080 кг крупы. Председатель райпотребсоюза Смирнов раздал крупы 500 кг без учета наличия детей, не оформив никакими документами, при этом остальная крупа осталась на складе, когда в ней была острая необходимость. В Ижморском районе председатель сельпо Кравчук грубо обращался с эвакогражданами. Здесь же нормы снабжения хлебом были уменьшены (300 гр. – главе семьи, 200 гр. – иждивенцам), но и эта норма не выполнялась[426]. При этом на заседании бюро Ижморского райкома ВКП(б) еще в июле 1941 г. отмечалось, что «прием и размещение эвакуированного населения является одной из важнейших государственно-политических задач всех первичных парторганизаций, правлений колхозов и председателей сельсоветов Ижморского района»[427].

В целом, органы власти старались пресекать халатные действия по отношению к эвакуированному населению, а ситуации с недостаточным обеспечением данной категории граждан необходимыми продуктами и товарами оперативно отслеживать и принимать соответствующие меры[428].

В городах области эвакуированное население не выделялось в отдельную категорию, однако их продовольственное и материальное обеспечение являлось приоритетным. Например, в Кемерове горисполком обязал Кемеровоторг в первую очередь снабжать продуктами питания эвакуированное население[429]. В Мариинске функционировал специальный магазин по обслуживанию эвакуированного населения, через который было продано с октября по декабрь 1941 г. сахара – 1 100 кг, крупы – 80 кг, рыбы –

[426] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 87 об.
[427] ГАК. Ф. П-4. Оп. 1а. Д. 32. Л. 197.
[428] ГАК. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 15. Л. 231–231об.; ГАК. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 10. Л. 66.
[429] ГАК. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 16. Л. 19.

911 кг, чаю – 10 кг, мыла – 1 510 кг, керосина – 3 000 кг., платьев – 102 шт., хлопчато-бумажных тканей – 50 м, ведер – 50 шт., посуды хозяйственной – 301 шт.[430]. Такие специализированные магазины функционировали и в других городах области[431]. Также стоит отметить, что в населенных пунктах региона действовали столовые и чайные для обслуживания детей нуждающихся эвакуированных граждан[432].

В Киселевске, по данным на начало 1942 г., было выдано эвакуированному населению промтоваров: одеял – 80 шт., фуфаек – 75 шт., пальто зимних – 20 шт., обуви – 50 шт., белья – 100 шт., платьев – 30 шт., ведер – 2 650 шт., детских ванночек – 50 шт., тазов – 300 шт. Из овощей: картофель – 250 т., капуста – 45 т., квашеная капуста – 15 т., морковка – 35 т., свекла – 35 т. На 1 квартал 1942 г. имелся наряд в Киселевскторг на продукты исключительно для эвакуированных детей: колбасы, мяса, сельди и растительного масла на 100 кг[433].

В Прокопьевске за 1941 г. эвакуированному населению было выдано: пальто – 70 шт., белья – 40 пар, матрацев – 17 шт. Из хозяйственного инвентаря: кастрюлей – 2 350 шт., ведер – 512 шт., тазов – 45 шт., досок стиральных – 590 шт., ведер деревянных – 119 шт., стульев – 170 шт. За этот же период времени отпущено продуктов питания: картофеля и других овощей – 250 т., соли – 4 615 кг, мыла хозяйственного туалетного – 6 336 кусков. При этом при проверках положения эвакуированного населения все же отмечался недостаток картофеля, овощей, хозяйственного инвентаря. Под особым контролем были детские организации, где отмечалось недостаточное количество мяса в рационе детей. Кроме того, было установлено, что в некоторых яслях не хватало необходимых детских товаров. К тому же в

[430] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 212.
[431] ГАК. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 15. Л. 17; Электронная библиотека Архивного управления Кузбасса: «Вклад Кузбасса в Победу». URL: https://kuzbassarchives.ru/upload/iblock/903/903a47f16f5a2709bbc89ec82a5fcb18.pdf (дата обращения: 25.01. 2026).
[432] ГАК Ф. Р-61. Оп. 3. Д. 2. Л. 187; ГАК. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 7. Л. 64.
[433] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 205. Л. 60 об.

городе существовала общедоступная столовая № 1, которая была сильно перегружена и не отвечала требованиям санитарного состояния[434].

Местное население старалось оказать помощь прибывшим эвакуированным гражданам[435]. Например, в Кемерове учительница начальных классов рассказала своим ученикам о том, что в город прибыли дети из фронтовых и прифронтовых районов и предложила помочь им. В итоге учащиеся школы собрали для прибывших ребят несколько десятков необходимых вещей[436]. Комсомольцы Тисульского района также собирали теплые вещи для эвакуированных детей. За короткий срок удалось найти валенки, ботинки, пальто, свитеры, теплые рубашки и другую необходимую одежду[437].

Стоит отдельно отметить роль столовых в организации питания, в том числе и для эвакуированного населения. В Кузбассе с 1940 г. по 1943 г. количество столовых увеличилось с 807 до 1 205, т. е. в 1,3 раза. Примерно такая же динамика роста была характерна и для других областей Западной Сибири. На всех крупных промышленных объектах функционировали буфеты и столовые[438].

Важную роль в материально-бытовом обслуживании рабочих предприятий, а также членов их семей играли отделы рабочего снабжения (ОРСы), которые были созданы по решению СНК СССР в марте 1942 г. ОРСы находились в подчинении у Главного управления рабочего снабжения наркоматов, а также у директоров предприятий. Отделы рабочего снабжения хоть и получали продовольственные и промышленные товары в первую очередь, однако количества продуктов и товаров не хватало для

---

[434] ГАНО. Ф. 1030. Оп. 1 Д. 172. Л. 90.

[435] Домохозяйки-эвакуированным детям // В бой за уголь. 1942. № 26 (1568) от 8 марта; Помощь эвакуированным детям // Путь Ленина. 1942. № 18 (190) от 14 февраля; Встретим, как родных // Сталинская трибуна. 1942. № 10 (632) от 24 января.

[436] Для дорогих гостей // Советская Сибирь. 1941. № 304 (6873) от 24 декабря.

[437] Эвакуированным детям // Советская Сибирь. 1942. № 27 (6907) от 1 февраля.

[438] Акименко Г. В. Продовольственное снабжение Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 3. С. 398.

удовлетворения потребностей. В связи с этим ОРСы активно использовали другие способы пополнения фондов. Они имели свои подсобные хозяйства, огороды, грядки, теплицы, совхозы, также им были переданы магазины, столовые, производственные и бытовые учреждения, торговые склады и обслуживающий их транспорт для продовольственного и вещевого снабжения рабочих[439].

Отделы рабочего снабжения также привлекали для получения продуктов питания – рыбаков, грибников, охотников. Кроме того, ОРСы вели закупку продовольствия у сельского населения. Благодаря использованию децентрализованных фондов рабочие предприятий Кузбасса могли дополнительно получить к основной карточке 4,5 кг мяса и рыбы, 1,5 кг жиров, 1,4 кг крупы и 0,75 кг сахара[440].

В период с 1942 г. по 1945 г. количество ОРСов в стране выросло с 2 000 до 7 700, к концу войны в Кемеровской области практически все предприятия имели свои отделы. Удельный вес продуктов, полученных ОРСами за счёт подсобных хозяйств и децентрализованных заготовок, составил в Кузбассе в 1944–1945 гг. по картофелю – 82–86 %, овощам — 90–94 %, мясу – 80–84 %, рыбы – 71 %, молоку – 88 %. Необходимо упомянуть, что чуть меньше половины от общего числа рабочих и служащих предприятий региона, находящихся на нормированном продовольственном снабжении, обслуживалась ОРСами[441].

Снабжение промышленными товарами сотрудников предприятий и их семей также, в основной массе, происходило через ОРСы. Большинство ОРСов занимались изготовлением и ремонтом обуви и одежды, используя

---

[439] Мелехова Ю. А. Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края): дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2016. С. 136.

[440] Коновалов А. Б. История Кузбасса: в 3 т. Т. 3. Кузбасс от начала Великой Отечественной войны до распада СССР (1941–1991). Книга 1. 1941–1964. Кемерово: ArtAvis, 2024. С. 110.

[441] Акименко Г. В. Продовольственное снабжение Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 3. С. 393, 396.

местное сырье и производственные отходы предприятий, которые они обслуживали. Производство товаров широкого потребления велось на временно освободившихся мощностях промышленных предприятий и в стационарных мастерских ОРСов. Кроме того, через ОРСы распределялись промышленные товары из централизованных и местных фондов, после чего они продавались рабочим и их семьям[442]. Эвакуированное население, работавшее на промышленных объектах Кузбасса, также во многом получало необходимое продовольственное и вещевое обеспечение благодаря работе отделов рабочего снабжения.

Отдельно стоит отметить, что 7 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление № 444 «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих»[443], согласно которому на пустующих землях вокруг городов, предприятиям, воинским частям и горожанам разрешалось создавать подсобные хозяйства. ОРСам именно благодаря возможности создания подсобных хозяйств в большинстве своем удалось сформировать децентрализованные фонды. В течение 1942 г. в Кузбассе такие хозяйства были созданы при всех крупных заводах. Например, Кузнецкий металлургический комбинат сумел с помощью подсобного хозяйства полностью закрыть потребность в картофеле и на 8–10 % в мясе[444].

Население имело право взять землю под индивидуальные огороды в размере 0,15 га[445]. Однако, в связи с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательной поставке картофеля государству колхозами,

---

[442] Мелехова Ю. А. Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края): дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2016. С. 153.

[443] О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 444 от 7 апреля 1942 г. // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г – 1 мая 1943 г. М., Юрид. Изд-во НКЮ СССР, 1943. С. 143.

[444] Акименко Г. В. Продовольственное снабжение Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 3. С. 397.

[445] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. В трех томах. Том 1 «Исход». Томск: Издательство ТГПУ, 2005. С.9.

колхозниками и единоличными хозяйствами» от 16 апреля 1940 г. граждане, получившие участки, обязательно должны были поставлять государству определенную часть картофеля[446]. При этом согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» семьи эвакуированных освобождались от данной обязанности, а их долги за 1942 г. списывались[447].

Помимо обеспечения продуктами и промышленными товарами, эвакуированному населению оказывали и денежную помощь. Правительство ежегодно отпускало бюджетные средства для помощи особо нуждающимся эвакуированным гражданам. В 1942 г. для этих целей по РСФСР было выделено 55 млн. руб., а в 1943 г. – 50 млн. руб. Деньги причислялись на счета облисполкомов, которые отчитывались за их использование перед Наркомфином СССР[448]. В городах и районах Кузбасса также оказывалась денежная помощь эвакогражданам[449]. Например, в Мариинске при горисполкоме была создана специальная комиссия по оказанию единовременной материальной помощи особо нуждающимся эвакуированным[450].

В Сталинске эвакуированному населению также оказывалась денежная помощь. За 1941 г. 37 семей получили 3 600 руб. Размер ссуды варьировался от 50 до 300 руб. в зависимости от нуждаемости. Детям из числа

---

[446] Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б). Об обязательной поставке картофеля государству колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами. 16 апреля 1940 г. № 543 // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР за 1940 г. № 1–15. М. б. г. С. 267–271.

[447] О ходе реализации постановления ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих». 30 марта 1943 г. // Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны: сборник документов. Киров: Киров. Кн. Изд-во, 1961. С. 219–222.

[448] Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С.11.

[449] ГАК. Ф. П-4. Оп. 1а. Д. 36. Л. 6об.

[450] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 214.

эвакуированных через школы была оказана материальная помощь на сумму 1 900 руб.[451]. В Кемерове денежная помощь данной категории населения за период 1941–1942 гг. составила 14 070 руб. Выплаты производились по мере обращения граждан[452].

Однако не всегда оказанной помощи было достаточно. Согласно материалу по проверке хозяйственного бытового и трудового устройства эвакуированного населения в г. Ленинске-Кузнецке от 6 февраля 1942 г. известно, что горисполком недостаточно оказывал материальную помощь нуждающимся семьям эвакуированных, за все время было выдано 4 032 руб. 53 семьям.[453].

Органы власти отдельно проверяли обеспечение семей начсостава и фронтовиков продуктами питания, одеждой и обувью. Так, согласно докладу военного комиссара Новосибирской области от 28 августа 1942 г. № 0425, не все военкомы и соответствующие организации понимали всю важность поставленной задачи. Вопросы снабжения продуктами питания эвакуированных семей данной категории населения стояли в стороне от областного торготдела и облпотребсоюза, при том, что они были обязаны постоянно контролировать ситуацию. Однако вся деятельность облторготдела и облпотребсоюза в 1942 г. в данном вопросе ограничивалась лишь тем, что были даны указания районным организациям об их снабжении из продовольственных и товарных фондов районов. Специальных же фондов для семей начсоставов и фронтовиков не выделялось, в результате чего снабжение продуктами питания и особенно промтоварами было поставлено неудовлетворительно. Большинство семей, прибывших из прифронтовой полосы и районов военных действий, совершенно не имели теплой одежды и обуви[454]. Эвакуированные семьи начсостава и фронтовиков в городах и

[451] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 96.
[452] ГАК. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 15. Л. 14.
[453] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 174.
[454] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 199. Л. 79–79об.

районах Кузбасса получали продукты питания и промышленные товары через местную торговую сеть и учреждения военной торговли.

Ситуация с материально-бытовым обеспечением эвакуированного населения в регионе начала улучшаться к началу 1943 г. Продовольственное снабжение налаживалось, главным образом, за счет активного развития индивидуальных огородов и подсобных хозяйств при промышленных предприятиях. Огромную роль в обеспечении продовольствием и товарами широкого потребления эвакограждан и их семей в городах с 1942 г. стали играть ОРСы. В Кузбассе они имели особое значение, так как регион был промышленным и значительная часть населения, в том числе и эвакуированного, была занята на предприятиях, большая часть из которых имела стратегическое военное значение. Стоит отметить, что на территории области до конца войны находилось самое большое количество трудоспособного эвакуированного населения среди западносибирских регионов – 45,8 тыс. чел.[455]. Это можно объяснить тем, что данные граждане должны были работать на нужды фронта до конца войны и не могли быть реэвакуированы сразу. Поэтому проблема материально-бытового обеспечения эвакограждан в Кузбассе была актуальна до конца войны.

В отличие от городов области, где продукты и промышленные товары можно было получить по карточкам, в сельской местности эвакограждане получали продовольствие за отработанные трудодни, а те, кто не был связан с сельским хозяйством, могли получить необходимые продукты и товары по талонам и спискам. Важно упомянуть, что эвакуированное население выделялось в отдельную категорию для материально-бытового обеспечения только в сельской местности.

В целом, продовольственное, вещевое и денежное обеспечение эвакуированного населения на территории Кузбасса в годы Великой Отечественной войны было приоритетным направлением деятельности

[455] Сведения о трудоустройстве эвакуированного населения, размещенного в областях РСФСР // ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 423. Л. 11.

органов власти. Однако стоит отметить, что проблемы в снабжении эвакограждан возникали достаточно часто, что сказывалось на их здоровье, трудоспособности, а также политико-моральном настроении.

Предоставление медико-санитарного обслуживания эвакуированному населению в годы Великой Отечественной войны являлось одной из важнейших задач органов здравоохранения. Из-за массового перемещения людей, скученности, антисанитарии, а также нехватки тёплой одежды и полноценного питания мог резко возрасти уровень заболеваемости как среди эвакуированного, так и местного населения.

После начала эвакуационного процесса органы здравоохранения должны были разработать и реализовать комплекс мероприятий для сохранения благоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки. Уже 30 июня 1941 г. вышло «Положение о медико-санитарном обслуживании населения, эвакуируемого из угрожаемых районов», разработанное Наркоматом здравоохранения СССР совместно с Наркоматом путей сообщения СССР, согласно которому запрещалось отправлять в одном эшелоне заболевших или контактирующих с заразными больными граждан. В каждом эшелоне должен был быть организован изолятор, находиться необходимый запас медикаментов, а также должны были присутствовать медицинские работники[456].

При этом стоит отметить, что тяжесть и продолжительность заболевания зависела не только от наличия в эшелоне лекарств и медперсонала, но и от длительности нахождения в пути, а также от времени года. При временных остановках эшелонов на крупных железнодорожных станциях и эвакуационных пунктах эваконаселение мыли, осматривали врачи, а также обрабатывали их личные вещи. При выявлении заболевших

[456] Анисков В. Т. Медико-санитарное обслуживание эвакуированного населения (1941–1942 гг.) // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVII–XX вв.: материалы с Международной научной конференции 19–21 марта 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 165.

граждан их изолировали, умерших снимали с поездов, сами вагоны дезинфицировали.

Однако довольно часто медико-санитарное обслуживание эвакуированных граждан на эвакопунктах было поставлено неудовлетворительно. Например, в Новосибирский эвакопункт за январь 1942 г. поступило 21 352 чел., из них санобработку прошло только 6 026 чел. (28 %), за март из 26 884 чел. – 11 426 чел. (43 %). На Барабинском эвакопункте вообще отсутствовал медпункт, обследование эвакограждан проводил медперсонал вокзала. Встречались случаи, когда после прибытия эшелонов на места несколько десятков граждан были больны уже две или три недели. Также стоит отметить, что не на всех эвакопунктах были врачи. При этом еще в августе 1941 г. была проведена проверка положения о медико-санитарном обслуживании Наркомата здравоохранения СССР от 30 июня 1941 г., согласно которой выяснилось, что оно не выполнялось в полной мере[457].

Довольно часто эвакуированные граждане после прибытия на новые места оказывались в сложных условиях. Прибывшие рабочие предприятий практически сразу включались в работу по установке и вводу в эксплуатацию эвакуированного оборудования, часто данный процесс проходил под открытым небом при неблагоприятных погодных условиях, что также влияло на здоровье эвакуированного населения. Распространению заболеваний способствовало плохое питание, недостаточное снабжение топливом, отсутствие нормальных жилищных условий (часть жилых помещений не отапливалась или находилась в ветхом состоянии). Отдельно стоит отметить скученность, что напрямую способствовало распространению эпидемий[458].

[457] Снегирева Л. И. Медико-санитарное обслуживание населения, эвакуируемого в западносибирский тыл (1941–1943 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 1. С. 50.

[458] Черемных О. А., Шевляков А. С. Санитарные мероприятия и благоустройство в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 182.

При этом рост заболеваемости произошел не только среди прибывшего эвакуированного населения, но и местных жителей.

Еще в довоенное время медицинская сеть Кузбасса не всегда позволяла качественно обслуживать население: больниц и поликлиник было недостаточно, большинство из них находились в неприспособленных помещениях[459]. С началом Великой Отечественной войны все внимание в области здравоохранения было направлено на развертывание эвакуационных госпиталей, под которые отводились лучшие больницы, санатории, дома отдыха. В 1941–1943 гг. только на территории Кузбасса насчитывалось 72 эвакогоспиталя[460]. Массовое прибытие и развертывание большого количества военных медицинских учреждений и эвакуированного населения требовали от местных властей продуманного распределения медицинских кадров и ресурсов[461].

В целом, сеть медицинских учреждений Сибири была развита слабее, чем в центральных частях РСФСР. Например, число больничных коек на 1 000 чел. населения в Центральной России составляло 10–12, тогда как в Западной Сибири этот показатель варьировался от 7 до 8 на протяжении всех военных лет[462]. В Кузбассе в 1942 г. данный показатель составлял 6, в 1943 г. – 7,5, в 1944 г. – 8, в 1945 г. – 9. Общее количество больничных коек за данный период увеличилось на 2 343[463].

Стоит отметить, что за годы войны на территории региона были открыты новые больничные учреждения. Если в 1941 г. в Кузбассе функционировала 121 больница, то в 1945 г. их число увеличилось до 153. Наиболее интенсивно этот процесс шел в 1943–1944 гг., когда было открыто

[459] ГАК. Ф. Р-797. Оп. 2. Д. 79. Л.1.
[460] Орлова Е. А. Формирование сети эвакуационных госпиталей в Кузбассе во время Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2020. № 1. С. 69.
[461] Мелехова Ю. А. Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края): дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2016. С. 168–169.
[462] Давыдова Ю. А. Структура и динамика медико-санитарной сети в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 3. С. 3.
[463] ГАК. Р-864. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

18 новых больниц[464]. Кроме того, в области увеличилось количество врачебных здравпунктов и медсанчастей. Если в 1941 г. их количество составляло 25, то к 1945 г. достигло уже 131[465]. Столь высокие темпы прироста, по-видимому, были напрямую связаны с экстренными нуждами оборонной промышленности региона, требовавшей массового и оперативного медицинского обслуживания своих работников. Важно, что после выделения Кузбасса в самостоятельный регион расходы по содержанию учреждений здравоохранения области значительно увеличились. Если в 1942 г. они составляли 68,2 млн. руб., то в 1943 г. уже 98,3 млн. руб., в 1944 г. – 111,6 млн. руб., в 1945 г. – 117 млн. руб[466].

Отдельного внимания заслуживает динамика численности врачебного персонала в системе здравоохранения Кузбасса за 1940–1945 гг. Количество врачей (физических лиц, без учета стоматологов) в 1941 г. составляло 898 чел. (минимальный показатель за годы войны), в 1942 г. – 1130 чел., в 1943 г. – 1 164 чел. (максимальный показатель за годы войны), в 1944 г. – 1 113 чел., в 1945 г. – 1 115 чел. При этом часть медицинских работников региона была призвана в действующую армию. Освободившиеся места занимали эвакуированные специалисты. Определить точное количество прибывших врачей в Кузбасс затруднительно. Однако из отчета о состоянии здравоохранения г. Сталинска в 1942 г. известно, что более половины врачей города были эвакуированными специалистами[467]. На 1 января 1944 г. в городе насчитывалось 245 врачей, а на начало 1945 г. — 214. Главной причиной сокращения числа врачей стала реэвакуация[468].

---

[464] ГАК. П-75. Оп. 2. Д. 102. Л. 21.

[465] Давыдова Ю. А. Структура и динамика медико-санитарной сети в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 3. С. 13.

[466] ГАК. Ф. Р-797. Оп. 2. Д. 79. Л. 67.

[467] Коновалов А. Б. История Кузбасса: в 3 т. Т. 3. Кузбасс от начала Великой Отечественной войны до распада СССР (1941–1991). Книга 1. 1941–1964. Кемерово: ArtAvis, 2024. С. 100; ГАК. Ф. Р-15. Оп. 5. Д. 26. Л. 41.

[468] ГАК (филиал в Новокузнецке). Ф. Р-18. Оп. 3. Д. 9а. Л. 2.

В Кузбасс прибыло большое количество эвакуированных граждан. В населенных пунктах региона понимали всю важность медико-санитарного обслуживания данной категории населения. Необходимо было сохранить моральное и физическое здоровье прибывших граждан, а также не допустить распространения заболеваний среди местного населения.

Например, из протокола объединенного заседания бюро Прокопьевского горкома ВКП(б) и горисполкома от 8 июля 1941 г. известно, что при разгрузке эшелонов, эвакограждан опрашивали и осматривали. Выявленных больных доставляли в лечебные учреждения, а всех остальных отправляли на санобработку. Ответственными за медобслуживание были назначены зав. горздравом Николаев и зав. дезостанцией Фельдштейн[469].

2 октября 1941 г. Кемеровским исполкомом городского Совета депутатов трудящихся было принято решение «Об обязательной санобработке всех лиц, прибывающих в город». Санобработку и дезобработку вещей производили в бане ГРЭС. Руководители всех предприятий, организаций, начальники коммунальных отделов и другие ответственные лица должны были заселять эвакограждан в жилые помещения только по предъявлении справок о прохождении санобработки и дезобработки вещей. Милиция при прописке на жительство также обязательно должна была требовать данную справку. В случае выявления нарушений виновные привлекались к административной ответственности (штраф до 100 руб.) либо исправительным трудовым работам сроком до одного месяца. Наблюдение за выполнением настоящего решения возлагалось на исполкомы райсоветов, органы милиции и санитарный надзор[470].

Ситуация с предоставлением медико-санитарного обслуживания эвакуированному населению была под контролем и в сельских районах Кузбасса. Например, в докладной записке по вопросу выполнения

[469] ГАК. Ф. П-26. Оп. 6. Д. 5. Л. 34–35.
[470] ГАК. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 13. Л. 232.

Топкинским райисполкомом решения 5 сессии Новосибирского областного совета депутатов трудящихся «О мероприятиях по улучшению бытового обслуживания городов и районов области» (от 14.06.1942 г.) сообщалось, что наличие бань в городе, санпропускника и дезокамеры вполне удовлетворяли потребности населения. Была закончена постройка дезокамер в совхозах, однако их работа, особенно в совхозе № 316, была почти прекращена из-за отсутствия топлива. Всем медработникам на селе были даны указания по обслуживанию эвакуированных и прибывающих мобилизованных на сельскохозяйственные работы в части санобработки и медобслуживания[471].

Стоит отметить, что бани являлись значимым элементом инфраструктуры в период высокой перенаселенности, поэтому за их состоянием был особый контроль. Однако известно, что бань не хватало. Например, в Таштаголе на 20 тыс. чел. в 1942 г. имелась только одна баня с небольшой пропускной способностью. В Сталинске к осени 1942 г. банный фонд также находился в неудовлетворительном состоянии и не обеспечивал потребности города. В связи с этим были случаи отказов в санитарной обработке прибывающих эшелонов[472]. В целом за период войны в области наблюдался рост банного хозяйства: количество бань увеличилось с 27 до 38[473].

Также в Сталинске в результате обследования в феврале 1942 г. было установлено, что в городе медицинское обслуживание эвакуированного населения было поставлено неудовлетворительно. Приводится пример учащейся Гукалиной, которая целый месяц не могла получить консультацию по поводу больного уха, или гражданина Шишкина, поранившего ногу об осколки стекла и больше двух недель после ранения, не получавшего никакой помощи. В целом, в отчете отмечается, что в городе вопрос медицинского обслуживания был один из самых сложных, поскольку,

[471] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп.1 Д. 172. Л. 32
[472] Беленко М. П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. С. 154–155.
[473] ГАК. Р-790. Оп.1. Д. 45. Л. 11.

несмотря на возросшее население, сеть медучреждений была сокращена, медицинское обслуживание ухудшилось, заболеваемость возросла. Если в ноябре 1941 г. было выявлено 2 случая сыпного тифа, то в декабре уже 16, а в январе 1942 г. – 51. Среди детского населения были распространены корь, скарлатина, дифтерия, менингит[474].

В Кемерове в результате обследования эвакуированного населения по вопросам медицинского обслуживания выяснилось, что на некоторых крупных предприятиях не было даже медпунктов (завод «Карболит»), а вызвать врача на дом было проблематично. Был случай, когда в городе на протяжении 5–6 дней к больным детям по улице Советской в дом № 43 вызывали врача и не могли вызвать, поскольку один посылал к другому, другой – к третьему, третий – в скорую помощь, которая выезжать просто отказалась[475]. Также отмечалось, что горздрав не оказывал необходимой помощи для улучшения ситуации[476].

Сложная ситуация в это же время сложилась в Осинниках. Состояние медицинского обслуживания в городе также оценивалось как неудовлетворительное в связи с большой заболеваемостью, в частности среди детского населения. Особенно сложно было вызвать врача на дом. Например, поселок Шурак местной поликлиникой вообще не обслуживался, однако и в самом городе ситуация была не лучше: гражданка Наумова, проживавшая по Комсомольской улице, дом № 12 смогла добиться вызова врача на дом, только обратившись в горком ВКП(б). Встречались случаи халатного отношения к пациентам: у гражданки Ковалевой после прибытия был обнаружен ушиб, ее сразу увезли в больницу, однако при ней не было паспорта, поэтому в приеме ей отказали. Заведующая Горздравотделом тов. Маслакова, выяснив этот вопрос, отчиталась, что в этом случае виновата сама пациентка, что не была настойчива[477]. В семье Синициных было трое

[474] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1 Д. 172. Л. 98–98 об.
[475] ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 163. Л. 96.
[476] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 205. Л 4.
[477] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 205. Л. 80.

детей. В декабре 5 раз вызывали к больному ребенку врача, однако никто не приехал. Мать вынуждена была сама принести ребенка в поликлинику. Через 10 дней ребенок был выписан, хотя еще не был здоров, и вскоре вновь заболел. Несмотря на угрозу прокуратурой, врач к ребенку так и не приехал. В городе не было ни одного случая, чтобы в обслуживаемых домах был дан хоть один положительный отзыв о медицинском обслуживании. Также отмечалось, что в скорой помощи работали малоквалифицированные медсестры[478].

В это же время в Анжеро-Судженском районе оказание медицинской помощи на дому (по вызовам) осуществлялось не в полной мере, так как специального врача для этого сметой облздравотдела не было предусмотрено, а один врач был не в силах обслуживать имеющееся население. В результате были распространены случаи, когда врач выезжал через 2–4 дня после вызова. Например, в ноябре эвакуированная бухгалтер райфо Аникина Татьяна Михайловна вызвала врача к своему ребенку с температурой 41 градус и только на 4 день пришел фельдшер, хотя о вызове напоминали ежедневно[479].

Таким образом, эвакуированные граждане жаловалось в первую очередь на невозможность вызвать врача на дом и халатное отношение со стороны медицинского персонала. Однако стоит отметить, что отчеты фиксировали и надлежащее медико-санитарное обслуживание эвакогражданам. Например, в Яе через амбулаторный прием больницы (с августа по февраль 1942 г.) прошло 237 чел. эвакуированных, из них 23 чел. (16 взрослых и 7 детей) были госпитализированы в больницу. Все прибывающие на ст. Яя эвакуированные проходили санобработку. Поселок был разбит на участки, к которым были прикреплены медицинские работники для проведения профилактических мероприятий по борьбе с заболеваниями: проверяли завшивленность, делали прививки против оспы,

[478] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 205. Л. 80.
[479] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 154.

скарлатины, дифтерии, кори и др. инфекционных заболеваний. В результате было обследовано 884 квартиры, осмотрено в них 3884 чел., из них прошли санобработку 863 чел.[480].

Проблемы с медицинским обслуживанием населения были в первую очередь связаны с серьезным скачком количества заболевших граждан. В городах Кузбасса в 1942 г. по сравнению с 1940 г. количество больных дизентерией, скарлатиной, сыпным и брюшным тифом выросло в 1,8 раза. Особенно заметен был рост заболеваемости брюшным (260 %) и сыпным тифом (630 %). В результате масштабного распространения заболеваний в населенных пунктах области была высокой и смертность. Для Сталинска показатель смертности за апрель 1943 г. составлял 3,4 %, для Кемерова – 9,1 %. Причинами смерти населения в Кемерове за апрель 1943 г. чаще всего становился туберкулез (17,3 % умерших) [481]. Значительное снижение общего числа инфекций в Кузбассе происходит в 1944 г. (таблица 9).

[480] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 154 об.

[481] Черемных О. А., Шевляков А. С. Санитарные мероприятия и благоустройство в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 182.

Таблица 9

Эпидемические заболевания в Кузбассе с 1942 по 1945 гг.

Болезни	Количество случаев			
	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Брюшной тиф	2385	3488	1533	2455
Сыпной тиф	2440	2761	2010	1153
Дизентерия	6117	4894	2611	1956
Скарлатина	5413	1879	1512	3852
Дифтерия	2014	1977	1235	1004
Корь	10966	705	4858	15081
Малярия	8302	14808	11464	6603
Грипп	81845	91461	78459	72687
Всего случаев	119482	121973	103682	104791

Данные приводится по: Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово: Кемер. гос. ун-т: Кемер. обл. ин-т усовершенствования учителей, 2000. С. 187.

Другой проблемой в медико-санитарном обслуживании населения являлся дефицит медицинских работников. Так, в Кемерове в 1942 г. на 5 врачей и их помощников приходилось свыше 1 000 очагов тифопаратифозных заболеваний, а в 1943 г. – уже свыше 2,5 тыс.[482]. Недостаток специалистов ощущался и в Сталинске. В 1943 г. в городе насчитывалось порядка 220 врачей и около 3 000 среднего медицинского персонала, что не могло удовлетворять потребности крупнейшего города Кузбасса в качественной медицинской помощи[483]. Кроме того, в больницы Сталинска обращалось население из близлежащих городов (Гурьевск, Киселевск, Осинники, Прокопьевск)[484].

[482] Черемных О. А., Шевляков А. С. Санитарные мероприятия и благоустройство в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 182.
[483] Морозова О. В. Состояние медицинского обслуживания в Сталинске в годы Великой Отечественной войны // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 1. С. 132.
[484] ГАК (филиал в Новокузнецке). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 305. Л. 1

Необходимо отметить, что органы власти пытались улучшить медико-санитарное обслуживание населения. Например, в Кемерове специальным решением ГКО от 2 февраля 1942 г. в районах были созданы чрезвычайные противоэпидемические комиссии. Их создали для предотвращения распространения инфекционных заболеваний. Согласно решению все медицинские работники города были обязаны совершать обходы граждан для контроля ситуации. Помимо медработников, в работе комиссий принимали участие домкомы, уличные комитеты и общественная санитарная инспекция[485].

В Гурьевском районе в октябре 1942 г. все прибывшие эшелоны подвергались медицинскому осмотру. Больные немедленно госпитализировались, те, у кого была температура и истощение, также направлялись в больницу. Санитарная обработка проводилась тщательно через баню и дезинфицирующую камеру города Гурьевска. При расселении предварительно проверялось санитарное и эпидемическое состояние квартир. В течение 21-го дня эвакуированные граждане находились под медицинским наблюдением, а семьям госпитализированных проводилась повторная санобработка и термометрия. После 21-го дня эвакуированные медицинским обслуживанием пользовались на общем положении[486].

Особое внимание в вопросах медико-санитарного обслуживания уделялось лицам, прибывшим из блокадного Ленинграда. В тот же Гурьевск прибыло 3 эшелона из этого города и области: первый прибыл в мае 1942 г. в количестве 300 чел. из которых было выявлено больных и истощенно-ослабленных – 27 чел., все они были госпитализированы. Из них инфекционных больных: 2 чел. – сыпной тиф, 15 чел. – дизентерия, 3 чел. – токсическая диспепсия, 4 чел. – гастроэнтероколит, остальные 3 человека были ослаблены без особых признаков заболеваний. Во 2-м эшелоне из

[485] Черемных О. А., Шевляков А. С. Санитарные мероприятия и благоустройство в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 183.
[486] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 209. Л. 110.

ленинградцев, прибывших в августе, было выявлено больных 9 чел. Из них: 2 чел. – декомпенсированный порок сердца, 1 чел. – раненый, 2 чел. – грипп, 3 чел. – диспепсия. 3-й эшелон прибыл в сентябре из Ленинградской области. В нем было выявлено больных 3 чел. – все госпитализированы, из них 2 чел. С гастроэнтероколитом и 1 чел. с диагнозом грипп. В этом эшелоне находился труп ребенка 3-х месяцев, была установлена естественная смерть[487].

В Киселевске эвакуированные граждане, прибывшие из Ленинграда, проходили медосмотр, больным оказывались в первую очередь лечебная, а также медикаментозная помощь. Слабые дети, которые в силу того, что детскими учреждениями нельзя было охватить всех, получали питание через молочную кухню[488]. В Юргинском районе для госпитализации больных из Ленинграда в больницах были предназначены специальные койки. Для скорейшего восстановления здоровья в медучреждениях эвакогражданам предоставлялось усиленное питание. Однако имелось 2 случая смерти: 1-й из Ленинградского техникума – умер преподаватель от туберкулеза в больнице через полтора месяца лечения, 2-й случай – умер ребенок от резкого истощения[489]. Большинство прибывших из блокадного города были сильно истощены и имели разную степень дистрофии и различные заболевания.

Также под особым контролем были дети. Еще в сентябре 1941 г. Госсанинспекция РСФСР разработала санитарные требования по обслуживанию детского населения в пути следования и на новых местах, согласно которым все дети при отправке должны были пройти медицинский осмотр, в случае обнаружения признаков болезни их в эшелоны не допускали. Если в эшелоне отсутствовал врач или другой медицинский персонал, то в этом случае обязанности по медико-санитарному обслуживанию детей возлагались на одного из воспитателей или родителей.

[487] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 209. Л. 110 об.
[488] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 209. Л. 107 об.
[489] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 209. Л. 97–98.

Ответственное лицо заранее проходило инструктаж в районных отделах здравоохранения. Детские коллективы на время пути снабжались аптечкой[490].

За санитарно-эпидемическое состояние и медицинское обслуживание детей в городах и районах Кузбасса несли ответственность местные отделы здравоохранения. Само медико-санитарное обслуживание детских учреждений возлагалось на врачей детских лечебных учреждений. Заведующим городскими и районными отделами здравоохранения предписывалось принять специалистов на все вакантные должности врачей во всех детских консультациях. Однако 6 января 1943 г. комиссия Наркомздрава СССР вынесла решение «О состоянии медицинского обслуживания эвакуированных детских учреждений», в котором сообщалось, что приказ от 26 августа 1941 г. Наркомздрава РСФСР «О медико-санитарном обслуживании эвакуированных детей» в большинстве областей РСФСР был выполнен не полностью[491].

Некоторое улучшение медико-санитарного обслуживания населения Кузбасса произошло уже после его выделения в самостоятельный регион в 1943 г. В области возникли новые учреждения – поликлиника и больница специального назначения, государственная санитарная инспекция, кожно-венерологический диспансер, станция переливания крови, психоневрологический диспансер, малярийная станция, судебно-медицинская экспертиза, станция санитарного просвещения и рентгеновская станция[492]. Также в данный период времени уже начался процесс реэвакуации населения, что способствовало снижению нагрузки на медицинские учреждения области.

---

[490] Мелехова Ю. А. Медико-санитарное обслуживание воспитанников эвакуированных детских учреждений в 1941–1943 гг. (на примере Алтайского края) // Вестник ИрГТУ. 2015. № 4 (99). С. 408–409.

[491] Мелехова Ю. А. Медико-санитарное обслуживание воспитанников эвакуированных детских учреждений в 1941–1943 гг. (на примере Алтайского края) // Вестник ИрГТУ. 2015. № 4 (99). С. 408–409.

[492] Коновалов А. Б. История Кузбасса: в 3 т. Т. 3. Кузбасс от начала Великой Отечественной войны до распада СССР (1941–1991). Книга 1. 1941–1964. Кемерово: ArtAvis, 2024. С. 100.

1 сентября 1944 г. вышел приказ Наркомздрава РСФСР «О медико-санитарном обслуживании реэвакуируемого населения и переселенцев», согласно которому в тех населенных пунктах, где происходила посадка в эшелоны, обязательно проводили санитарную обработку и медицинских осмотр эвакуированных граждан. Для сопровождения эшелона выделялся медицинский персонал и необходимый запас медикаментов[493].

Таким образом, прибытие эвакуированных граждан на территорию Кузбасса поставило перед органами власти комплекс задач, одной из которых стало медико-санитарное обслуживание эвакограждан. Прибытие эваконаселения привело к распространению заболеваний как среди эвакограждан, так и среди местных жителей, что значительно увеличило нагрузку на медицинскую сеть региона.

Первоначально организовать медико-санитарное обслуживание эвакограждан на должном уровне не удалось из-за нехватки медицинских работников, материально-технической базы и учреждений здравоохранения. Однако существующая система все же смогла предотвратить развитие эпидемий. Ситуация начала улучшаться с 1943 г., когда Кузбасс стал самостоятельной административной единицей, что позволило создать новые областные учреждения здравоохранения. Начавшийся процесс реэвакуации также поспособствовал снижению нагрузки на медицинскую сеть региона.

Помимо медицинского обслуживания, эвакуированные граждане обеспечивались жильем, продуктами питания и необходимыми товарами. Отдельной задачей являлось трудоустройство, поскольку от него зависело не только благосостояние эвакуированных, но и обеспечение кадрами местной промышленности и сельского хозяйства.

В итоге, перед местными органами власти стояли сложные задачи по обустройству эвакуированного населения на территории Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на многочисленные проблемы, они

[493] Мелехова Ю. А. Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края): дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2016. С. 191.

были решены. Стоит отметить, что помимо органов власти, помощь эвакуированным гражданам оказывали и местные жители.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что история эвакуированного населения в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны представляет собой значимую научную проблему, которая имеет большое значение для изучения социальной истории советского тыла и региональной истории Сибири военного времени. Массовое перемещение гражданского населения из прифронтовых и оккупированных районов СССР на восток страны было не только крупной государственной кампанией, вызванной чрезвычайными обстоятельствами войны, но и сложным, внутренне противоречивым социальным процессом, затронувшим все основные сферы жизни принимающих территорий.

На материале Кузбасса особенно отчетливо выявляется многоплановый характер эвакуации, включавшей задачи приема, учета, размещения, хозяйственного устройства, трудового использования, материально-бытового обеспечения и медицинского обслуживания прибывших граждан. Тем самым проблема эвакуированного населения раскрывается не как периферийный сюжет, связанный с историей промышленной эвакуации, а как один из важных аспектов функционирования тылового региона в условиях войны.

Поставленная в диссертации цель, состоявшая в выявлении специфики приема, размещения и обустройства эвакуированного населения на территории Кузбасса в годы Великой Отечественной войны, в целом достигнута. Ее решение стало возможным благодаря комплексному анализу архивных и опубликованных источников, отражающих как деятельность центральных и региональных органов власти, так и практические аспекты реализации эвакуационной политики на местах. Использованный корпус материалов позволил проследить не только нормативные основания по организации эвакуации, но и реальные формы ее осуществления в условиях конкретного индустриального региона. В результате удалось реконструировать основные параметры эвакуационного процесса, выявить

его внутреннюю динамику, определить место и роль эвакуированного населения в социально-экономической жизни Кузбасса, установить важнейшие противоречия, сопровождавшие его прием и обустройство.

Организация эвакуации населения в Кузбасс осуществлялась в рамках многоуровневой системы управления, объединявшей союзные, республиканские, краевые, областные, городские и районные органы власти и управления. Нормативные акты высшего уровня государственной власти определяли общие принципы приема и размещения населения, однако практическая реализация этих решений зависела от организационных возможностей регионального и местного уровней. Именно на местах происходило конкретное распределение прибывших, решались вопросы жилья, трудоустройства, снабжения, медицинской помощи, обучения детей и взаимодействия с местным населением. Таким образом, установлено, что эвакуационная политика обладала не только вертикальным, но и выраженным горизонтальным измерением: общегосударственные предписания реализовывались с учетом хозяйственных, демографических и инфраструктурных особенностей территории.

Решение первой исследовательской задачи позволило установить, что деятельность партийно-государственных органов по размещению эвакуированного населения носила системный характер, однако это обстоятельство далеко не всегда означало полноту и согласованность действий. Военные условия, острота текущих хозяйственных задач, недостаток ресурсов и высокая интенсивность перемещений затрудняли точное исполнение принятых решений. Вместе с тем логика функционирования власти в условиях войны проявилась достаточно отчетливо: прием населения рассматривался не только как гуманитарная задача, но и как часть общего мобилизационного механизма, подчиненного интересам сохранения производственного потенциала страны и обеспечения устойчивости тыла. В этой связи особо значимым стало постоянное

взаимодействие между органами власти, промышленными предприятиями, учреждениями социальной сферы и местными хозяйственными структурами.

Вторая задача, связанная с выявлением специфики приема персонала эвакуированных предприятий, также была разрешена. Данная категория эвакуированного населения занимала особое положение, поскольку ее прибытие непосредственно связывалось с перебазированием производственных мощностей и задачей скорейшего восстановления работы предприятий на новом месте. Кузбасс выступал не просто как территория временного размещения, а как крупный индустриальный район, в котором прибывшие рабочие, инженерно-технические специалисты, члены их семей должны были быть максимально быстро вовлечены в производственный процесс. Это обусловило тесную связь между эвакуацией населения и промышленной мобилизацией региона, что придало кузбасскому опыту отчетливо выраженный хозяйственно-социальный характер.

Выявление специфики организационных форм учета, размещения и распределения эвакуированного населения показало, что данная сфера являлась одной из наиболее трудных в практической реализации. Учет населения в военное время объективно осложнялся массовостью и неравномерностью потоков, повторными перемещениями, изменением административных границ (в том числе и самого региона), несовершенством отчетности, а также расхождениями между сведениями разных учреждений. Вследствие этого количественные данные источников нередко оказываются противоречивыми и требуют критического сопоставления. Вместе с тем проведенный анализ позволил установить основные тенденции размещения эвакограждан в Кузбассе, определить динамику их численности и выявить территориальные особенности распределения между городом и деревней. Важным выводом является признание того обстоятельства, что неполнота учета не сводится к случайному недостатку документации, а отражает объективные трудности самого эвакуационного процесса в условиях войны.

Проведенное исследование показало, что размещение эвакуированного населения на территории Кузбасса имело дифференцированный характер. На формы и масштабы расселения влияли промышленная специализация населенного пункта, наличие или отсутствие в нем эвакуированных предприятий, состояние жилищного фонда, транспортная доступность, уровень обеспеченности продовольствием и потребность в рабочей силе. Именно поэтому в ряде случаев наблюдалась значительная концентрация прибывших в крупных индустриальных центрах, тогда как в других случаях применялась практика рассредоточения по сельским районам. Такое распределение не было механическим следствием решений сверху, а формировалось в процессе постоянного соотнесения хозяйственных задач региона и потенциальных возможностей местной среды. В результате размещение эвакуированного населения предстает как процесс, эффективность которого определялась своевременностью управленческих решений, экономической целесообразностью и наличием социальных условий.

Одной из центральных проблем, рассмотренных в диссертации, является жилищное обеспечение эвакуированного населения. Анализ источников позволяет утверждать, что именно жилищный вопрос стал основным фактором закрепления прибывших людей на новом месте и одновременно основным звеном всей системы их обустройства. Массовое поступление эвакограждан в города и рабочие поселки Кузбасса происходило при крайне ограниченном жилом фонде, недостаточной коммунальной оснащенности и высокой производственной нагрузке на регион. В сложившейся обстановке применялись различные формы временного расселения: уплотнение местных жителей, использование общежитий, бараков, ведомственных помещений, приспособленных зданий и иных объектов, нередко не отвечавших нормативным требованиям длительного проживания. Решение жилищной проблемы непосредственно влияло на санитарное состояние, режим питания, семейную жизнь,

трудоспособность и общую устойчивость повседневного существования эвакуированных.

Не менее значимым направлением исследования стало изучение трудового устройства эвакуированного населения. Вовлечение прибывших граждан в систему труда выполняло двойственную функцию: с одной стороны, оно являлось важнейшим механизмом их социальной адаптации, с другой – служило необходимым условием обеспечения военной экономики региона рабочей силой. Для Кузбасса, который испытывал острую потребность в кадрах для угольной, металлургической, химической, строительной и транспортной отраслей, это обстоятельство имело принципиальное значение. Однако наличие значительного числа эвакуированных само по себе не означало автоматического решения кадровой проблемы. Недостаточная полнота учета специальностей, несоответствие между профессиональным составом прибывших и местом их первоначального назначения, вторичные перемещения и общая перегруженность системы управления снижали эффективность трудоиспользования. Следовательно, трудоустройство эвакограждан должно рассматриваться как один из наиболее показательных индикаторов противоречий между мобилизационными потребностями государства и реальными административно-хозяйственными возможностями тылового региона.

Существенное место в исследовании занимает анализ материально-бытового снабжения и медико-санитарного обслуживания эвакуированного населения. Именно эти направления во многом определяли возможность закрепления прибывших людей в регионе и поддержания их работоспособности. В условиях острого дефицита продовольствия, одежды, обуви, топлива, медикаментов и хозяйственных ресурсов обеспечение эвакограждан требовало постоянного перераспределения средств и использования административного ресурса.

При этом формы снабжения различались в зависимости от типа населенного пункта, ведомственной принадлежности предприятий, состава населения и условий местной хозяйственной жизни. Городская модель в значительной мере опиралась на карточную систему и централизованные каналы распределения, тогда как в сельской местности действовали иные механизмы, связанные с колхозной системой, трудоднями, натуральными формами обеспечения и местными возможностями самообеспечения. Аналогичным образом медицинская помощь зависела как от общих решений органов власти, так и от состояния локальной сети лечебных учреждений, обеспеченности кадрами и санитарного состояния мест проживания. Снабжение и медицинское обслуживание составляли не вспомогательный, а системообразующий элемент политики приема и обустройства эвакуированного населения.

По итогам исследования эвакуацию населения в Кузбассе можно рассматривать как форму внутренней вынужденной миграции, которая проводилась в условиях военно-мобилизационного режима и подчинялась одновременно задачам спасения людей, сохранения трудового потенциала страны и обеспечения устойчивости тыловой экономики. Такой подход представляется продуктивным не только в описательном, но и в объяснительном отношении, поскольку позволяет увидеть в эвакуации не разовое перемещение контингентов, а длительный процесс. Он включал в себя последовательные стадии прибытия, учета, распределения, трудовой и бытовой адаптации, повторных перемещений и частичной реэвакуации.

Проведенный анализ позволил также уточнить критерии периодизации размещения эвакуированного населения в Кузбассе. Наиболее обоснованным представляется выделение периодов на основе совокупности взаимосвязанных признаков: интенсивности притока населения, характера управленческой организации, степени связи размещения с перебазированием предприятий, уровня нагрузки на жилищную и социальную инфраструктуру, состояния трудового использования эвакограждан и общей военно-

политической обстановки. С учетом этих критериев представляется возможным выделить этап экстренного приема и первичного размещения во второй половине 1941 г.; этап массового распределения и начальной адаптации в 1942 г.; этап организационной стабилизации и максимальной концентрации эвакуированного населения в 1943 г.; этап относительного упорядочения положения, сокращения контингента и начальной реэвакуации в 1944 г. – мае 1945 г. Подобная периодизация позволяет более последовательно раскрыть внутреннюю динамику изучаемого процесса и точнее соотнести региональный материал с существующими историографическими подходами к изучению эвакуации населения в тыловых районах СССР.

Важным результатом исследования является установление того факта, что история эвакуированного населения и история индустриального тыла Кузбасса в годы Великой Отечественной войны неразделимы. Прибытие значительных масс населения изменило демографическую ситуацию в регионе, усилило нагрузку на жилищную, продовольственную и медицинскую инфраструктуру, обострило проблему кадрового распределения, но одновременно стало одним из условий сохранения и развития хозяйственного потенциала Кузбасса. Тем самым эвакуация выступила важнейшим фактором военной трансформации региона, в которой социальные процессы были теснейшим образом связаны с промышленными и управленческими.

Не менее значимым представляется вывод о двойственном характере самого эвакуационного процесса. С одной стороны, он свидетельствовал о способности советского государства в условиях войны осуществлять масштабное перераспределение населения и материальных ресурсов на огромных пространствах страны. С другой стороны, он выявил объективные пределы централизованного управления, поскольку на уровне конкретных городов и районов реализация государственных решений постоянно сталкивалась с нехваткой жилья, дефицитом продовольствия и товаров

первой необходимости, слабостью функционирования медицинской сети, несовершенством учета и недостатком времени для организационной подготовки. В этом проявилась важнейшая особенность военного тыла: стратегическая эффективность принимаемых мер нередко достигалась ценой значительного бытового напряжения, организационных перегрузок и серьезных ограничений повседневной жизни населения. Опыт Кузбасса в данном отношении является показательным и позволяет увидеть реальное содержание мобилизационной модели советского общества в годы войны.

Таким образом, все поставленные в диссертации задачи были решены. Выявлены основные звенья партийно-государственных органов, ответственных за эвакуацию и проанализированы принятые ими документы, раскрывающие организацию приема и размещения эвакуированного населения; установлена специфика приема работников эвакуированных предприятий и членов их семей; реконструированы формы учета, территориального распределения и динамики численности эвакограждан; определено значение жилищного вопроса в системе их обустройства; выделены основные механизмы и противоречия трудоустройства; охарактеризованы продовольственное, вещевое и медико-санитарное обеспечение как важнейшие условия повседневной адаптации.

Научная значимость проведенного исследования состоит в том, что оно позволяет по-новому осмыслить место Кузбасса в истории Великой Отечественной войны. Регион предстает не только как важнейшая производственная база страны, которая обеспечивала фронт и тыл стратегически значимой продукцией, но и как крупное территориальное пространство для приема, освоения и частичной интеграции эвакуированного населения. В этом контексте эвакуация раскрывается как фактор, изменивший не только производственную, но и социальную структуру региона. Она усилила роль власти в регулировании повседневной жизни, обострила проблему распределения дефицитных ресурсов, изменила состав трудовых коллективов, трансформировала городское и сельское

пространство, а также придала новый масштаб взаимодействию между государством и обществом. Тем самым диссертация позволяет расширить представления об исторической природе советского тыла и уточнить содержание процессов, происходивших в глубинных индустриальных районах страны.

Вместе с тем проведенное исследование открывает и дальнейшие перспективы научного поиска. Одним из наиболее важных направлений представляется специальное изучение процессов реэвакуации в 1945–1948 гг., поскольку именно в этот период окончательно определялись масштабы возвращения населения в освобожденные районы, степень закрепления отдельных групп в Кузбассе и долговременные социально-демографические последствия войны для региона. Не менее перспективным является обращение к отдельным категориям эвакуированного населения – детям, подросткам, женщинам, высококвалифицированным специалистам, работникам культуры, научных и образовательных учреждений, медицинскому персоналу, а также к тем группам, опыт которых отличался особыми условиями перемещения и адаптации. Подобная конкретизация позволит глубже раскрыть внутреннюю неоднородность эвакуированного населения и уточнить формы его включения в жизнь тылового общества.

Перспективным направлением дальнейших исследований является также сравнительное изучение Кузбасса с другими регионами Западной Сибири, Урала и Поволжья, принимавшими значительные потоки эвакуированных. Такое сопоставление позволит точнее определить, какие черты кузбасского опыта носили общий для советского тыла характер, а какие были обусловлены индустриальной специализацией региона, его структурой расселения, уровнем хозяйственного развития и особенностями административного управления. Существенные возможности открывает и более широкое использование методов количественного анализа, картографирования, баз данных, а также привлечение биографических документов и материалов устной истории. Все это способно углубить

представления о масштабах, механизмах и человеческом измерении эвакуационного процесса.

В более широком историографическом контексте тема эвакуированного населения в Кузбассе непосредственно связана с рядом крупных проблем современной исторической науки. К их числу относятся соотношение государства и общества в условиях мобилизационного режима, социальная цена военной экономики, демографические последствия военного времени, региональная специфика советского тыла, повседневность как важнейшее измерение исторического опыта и механизмы выживания населения в экстремальных обстоятельствах. Именно поэтому дальнейшая разработка данной проблематики имеет значение не только для региональной истории Кузбасса, но и для углубления современных научных представлений о Великой Отечественной войне в целом. В этом отношении изучение эвакуированного населения сохраняет высокую исследовательскую актуальность и обладает значительным потенциалом дальнейшего развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1.Архивные источники:

1.1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. А-327 Главное переселенческое управление при Совете Министров РСФСР и его предшественники

Оп. 2. Д. 4, 30, 404, 423.

Ф. Р-5446 Совет министров СССР

Оп. 1. Д. 194.

Оп. 106сч. Д. 22.

Ф. Р-6822 Совет по Эвакуации при Совете Народных Комиссаров СССР

Оп.1. Д. 538, 541.

1.2 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 644 Государственный комитет обороны СССР (ГКО) (1941–1945)

Оп. 1. Д. 2, 9, 12, 17,

Ф. 17 Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991)

Оп. 3. Д. 1041.

1.3 Государственный архив Кузбасса (ГАК)

Ф. П-1 Анжеро-Судженский городской комитет ВКП(б)-КПСС

Оп. 5. Д. 5, 7, 44.

Ф. П-4 Ижморский районный комитет ВКП(б)-КПСС

Оп. 1а. Д. 32, 36.

Ф. П-15 Кемеровский городской комитет ВКП(б)-КПСС

Оп. 8. Д. 5, 6, 17.

Оп. 9. Д. 27.

П-18 Крапивинский районный комитет ВКП(б)-КПСС

Оп. 1. Д. 4.

Ф. П-26 Прокопьевский городской комитет ВКП(б)-КПСС

Оп. 6. Д. 5, 6, 16

Ф. П-35 Топкинский районный комитет ВКП(б)-КПСС

Оп. 1. Д. 21.

Ф. П-74 Новокузнецкий городской комитет ВКП(б)-КПСС

Оп. 6. Д. 6, 33, 57, 83.

Ф. П-75 Кемеровский обком ВКП(б)-КПСС

Оп. 2. Д. 102, 449.

Оп. 14. Д. 364.

Оп. 15. Д. 1340.

Ф. П-81 Киселевский городской комитет ВКП(б)-КПСС

Оп. 1. Д. 63.

Ф. П-88 Беловский городской комитет ВКП(б)-КПСС

Оп. 1. Д. 10, 15.

Ф. П-112 Гурьевский районный комитет ВКП(б)-КПСС

Оп. 1. Д. 61.

Ф. П-118. Таштагольский городской комитет ВКП(б)-КПСС

Оп. 1. Д. 1.

Ф. П-126 Кемеровский областной комитет ВЛКСМ

Оп. 1. Д. 9, 79.

Ф. П-127 Ленинск-Кузнецкий городской комитет ВКП(б)-КПСС

Оп. 2. Д. 45, 46.

Ф. П-483 Партархив Кемеровского обкома КПСС

Оп. 1. Д. 168, 208.

Ф. Р-2 Кемеровский городской отдел народного образования исполнительного комитета Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся

Оп. 1. Д. 48.

Оп. 2. Д. 19.

Ф. Р-6 Плановая комиссия Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся

Оп. 2. Д. 21.

Оп. 4. Д. 15.

Ф. Р-14 Кемеровская городская инспектура государственной статистики областного статистического управления

Оп. 1. Д. 247.

Ф. Р-15 Исполнительный комитет Кемеровского районного Совета народных депутатов.

Оп. 5. Д. 22, 26.

Ф. Р-18 Исполнительный комитет Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся

Оп. 3. Д. 96, 97.

Оп. 5. Д. 13, 15, 16, 99.

Ф. Р-57 Кемеровское городское бюро по принятию и устройству эвакуированных при исполнительном комитете Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся

Оп. 1. Д. 8, 9, 20, 26.

Ф. Р-61 Исполнительный комитет Яйского районного Совета народных депутатов трудящихся

Оп. 3. Д. 2.

Ф. Р-69 Исполнительный комитет Киселёвского районного Совета депутатов трудящихся

Оп. 3. Д. 77.

Ф. Р-77 Исполнительный комитет Тяжинского районного Совета народных депутатов трудящихся

Оп. 3. Д. 53.

Ф. Р-79 Исполнительный комитет Юргинского районного Совета депутатов трудящихся

Оп. 2. Д. 7.

Ф. Р-204 Кемеровский механический завод Министерства оборонной промышленности СССР

Оп. 2. Д. 2.

Ф. Р-210 Государственный союзный трест «Кемеровоуголь» комбината «Кузбассуголь»

Оп. 3. Д. 37, 49.

Ф. Р-212 Кемеровский коксохимический завод Комитета Российской Федерации по металлургии

Оп. 1. Д. 154.

Ф. Р-253 Исполнительный комитет Крапивинского районного Совета народных депутатов

Оп. 4. Д. 131, 134а, 143.

Ф. Р-271 Областное управление торговли Кемеровского областного исполнительного комитета

Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-291 Главное финансовое управление Кемеровского областного исполнительного комитета

Оп. 1. Д. 16.

Ф. Р-304 Кемеровский областной комитет государственной статистики Государственного статистического комитета

Оп. 1. Д. 1, 2.

Ф. Р-311 Закрытое акционерное общество фирма «Токем»

Оп. 1. Д. 5.

Ф. Р-323 Отдел народного образования исполнительного комитета Кемеровского областного Совета народных депутатов Министерства народного образования РСФСР

Оп. 6. Д. 2.

Ф. Р-418 ОАО «Кузбассэлемент» Министерства промышленности Российской Федерации

Оп. 2. Д. 1, 7.

Ф. Р-469 Исполнительный комитет Рудничного районного Совета депутатов трудящихся

Оп. 1. Д. 4.

Ф. Р-590 Исполнительный комитет Ленинск-Кузнецкого городского Совета депутатов трудящихся

Оп. 2. Д. 40, 42.

Ф. Р-625 Исполнительный комитет Анжеро-Судженского городского Совета депутатов трудящихся

Оп. 2. Д. 52.

Ф. Р-626 Государственный каменноугольный трест «Ленинуголь» комбината «Кузбассуголь»

Оп.1. Д.130а.

Ф. Р-790 Исполнительный комитет Кемеровского областного Совета народных депутатов

Оп. 1. Д. 6, 8, 30, 31, 45, 76.

Ф. Р-797 Плановая комиссия исполнительного комитета Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся

Оп. 2. Д. 18, 39, 51, 72, 76, 79.

Ф. Р-855 Исполнительный комитет Осинниковского городского Совета депутатов трудящихся

Оп. 1. Д. 3.

Ф. Р-858 Исполнительный комитет Кузедеевского районного Совета депутатов трудящихся

Оп. 1. Д. 34.

Ф. Р-864 Департамент охраны здоровья населения Кемеровской области Министерства здравоохранения Российской Федерации

Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-878 Исполнительный комитет Беловского городского Совета депутатов трудящихся

Оп. 1. Д. 8, 9, 10.

Ф. Р-914 Исполнительный комитет Киселевского городского Совета депутатов трудящихся

Оп. 1. Д. 171, 200, 207.

1.4. Государственный архив Кузбасса филиал в г. Новокузнецке (ГАК филиал в г. Новокузнецке)

Ф. Р-1 Исполнительный комитет Новокузнецкого городского Совета народных депутатов

Оп. 1. Д. 281, 282, 297, 305.

Ф. Р-18 Отдел здравоохранения исполнительного комитета Новокузнецкого городского Совета народных депутатов

Оп. 3. Д. 9а.

Ф. Р-81 ОАО «Новокузнецкий алюминиевый завод»

Оп. 5. Д. 72.

Ф. Р-86 Сибирская государственная горно-металлургическая академия

Оп. 1. Д. 11.

Ф. Р-122 Кузнецкий машиностроительный завод

Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-143 Кузнецкий металлургический комбинат им. Сталина

Оп. 3. Д. 454.

Ф. Р-205 Кузнецкий цементный завод

Оп. 1. Д. 1.

1.5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)

Ф. П-4 Новосибирский областной комитет ВКП(б)-КПСС

Оп. 5. Д. 488.

Оп. 6. Д. 10, 130, 414.

Оп. 7. Д. 63, 569.

Ф. Р-1020 Новосибирский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет

Оп. 1. Д. 102, 104, 163.

Ф. Р-1030 Отдел по хозяйственному устройству эвакуированных и переселенцев

Оп.1 Д. 134, 137, 142, 147, 172, 199, 205, 209, 233, 287.

1.6. Архивный отдел Администрации г. Прокопьевска

Ф. 95. Завод «Электромашина»

Оп. 1. Д. 139.

2. Периодические издания

1. Большевистская сталь: печатный орган Сталинского горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся. – Сталинск, 1941–1942
2. В бой за уголь: печатный орган Киселевского городского комитета ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся. – Киселевск, 1941–1942
3. Известия Советов депутатов трудящихся СССР – печатный орган СНК СССР. – Москва, 1941
4. Кузбасс: печатный орган Кемеровского обкома и горкома ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся. – Кемерово, 1941–1943
5. Ленинский шахтер: печатный орган Ленинск-Кузнецкого городского комитета ВКП(б) и городского совета депутатов трудящихся. – Ленинск-Кузнецкий, 1942
6. Правда: печатный орган ЦК ВКП(б). – Москва, 1941
7. Путь Ленина: печатный орган Киселевского райкома и районного Совета депутатов трудящихся. – Киселевск, 1941–1942
8. Советская Сибирь: печатный орган Новосибирского областного и городского комитетов ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся. – Новосибирск, 1941–1943
9. Сталинская трибуна: печатный орган Тисульского райкома ВКП(б) и

районного Совета депутатов трудящихся. – Тисуль, 1941–1943

3.Опубликованные официальные и документальные материалы

1. В памяти сердца эхо войны: сборник документальных материалов / отв. ред. О. В. Турбаба. – Кемерово, 2020. – 352 с.
2. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – 360 с.
3. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 2 «На сибирской земле» / отв. ред. Л. И. Снегирева. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – 377 с.
4. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 3 «Спасенное детство» / отв. ред. Л. И. Снегирева. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – 398 с.
5. Герои тыла / ред. кол.: В. С. Балахонов и др. – Кемерово: ООО «Примула», 2012. – 460 с.
6. Дети военного времени: историко-биографический справочник / Л. З. Боголепова, Л. А. Циркина; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2016. – 159 с.
7. Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. / Народный комиссариат юстиции СССР. – М.:Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942. – 144 с.
8. Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г – 1 мая 1943 г. – М.: Юрид. Изд-во НКЮ СССР, 1943. – С. 143.
9. Кемеровская областная организация КПСС в цифрах, 1943–1974. – Кемерово: Кн. изд-во, 1975. – 110 с.
10. Кемеровская область в цифрах 1965–1975 гг.: статистический сборник. – Кемерово: Книжное изд-во, 1977. – 116 с.

11. Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны: сборник документов. – Киров: Кировское кн. изд-во, 1961. – 376 с.
12. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 7: 1938-1945 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1985. – 576 с.
13. Кузбасс в документальных памятниках: 300 уникальных и значимых документов по истории Кузбасса XVII – начала XXI века / А. Ю. Карпинец [и др.]; Администрация Правительства Кузбасса, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Кузбасская медиа группа и др., 2021. – 399 с.
14. Кузбасс. История в цифрах: статистический сборник. – Кемерово: [б. и.], 2008. – 322 с.
15. О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 444 от 7 апреля 1942 г. // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г – 1 мая 1943 г. – М.: Юрид. Изд-во НКЮ СССР, 1943. – С. 143.
16. О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 6. – С. 208.
17. О порядке мобилизации на период военного времени трудоспособного городского, населения для работы на производстве и строительстве, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938–1944 гг. – М., 1945. – С. 148.
18. О сохранении непрерывного стажа работы за рабочими и служащими, поступающими на работу в другие предприятия или учреждения в связи с эвакуацией. Разъяснение ВЦСПС, утвержденное СНК СССР 3 ноября 1941 г. // Законодательные и административно-правовые акты военного

времени». – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942. – С. 114.

19. О ходе реализации постановления ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих». 30 марта 1943 г. // Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны: сборник документов. – Киров: Кировское кн. изд-во, 1961. – С. 219–222.
20. Об образовании Кемеровской области в составе РСФСР (Указ от 26 января 1943 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1943. – № 5 (211) от 31 января.
21. Об образовании при Совнаркоме РСФСР Управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Выписка из постановления СНК РСФСР № 102 от 30 января 1943 г. // Картотека законодательных и инструктивных материалов НКМП РСФСР. – М.: Гос. изд-во мест. Пром-сти РСФСР, 1943. – Вып. 4–9.
22. Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий (Указ от 26 декабря 1941 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1942. – № 2.
23. Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): в 2 т. / Партархив Кемеровского обкома КПСС, Гос. арх. Кемеров. обл.; сост. Т.В. Высоцкая [и др.] – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1962. – Т. 1: (июнь 1941 г. – декабрь 1942 г.). – 230 с.
24. Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): в 2 т. / Партархив Кемеровского обкома КПСС, Гос. арх. Кемеров. обл.; сост. Т.В. Высоцкая [и др.]. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1965. – Т. 2: (Январь 1943 г. – июль 1945 г.). – 280 с.
25. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 16 апреля 1940 г. № 543 «Об обязательной поставке картофеля государству колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами» // Собрание постановлений и распоряжений

правительства СССР за 1940 г. № 1–15. – М.: [б. г.]. – С. 267–271.

26. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 13 сентября 1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. М.: Политиздат, 1968. – Т. 3: 1941–1952 гг. – С. 50–52.
27. Путь к Победе: эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов / Гос. ком. по делам архивов Челяб. обл., Объед. гос. архив Челяб. обл.; редкол.: Н. А. Антипин [и др.] – Санкт-Петербург: Первый ИПХ, 2020. – 398 с.
28. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. – М.: Политиздат, 1968.– Т. 3: сборник документов. 1941–1952 гг. – 754 с.
29. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г.) / Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б); сост. Д.Г. Кузьменко. – М.: [Б. и.], 1944. – 382 с.
30. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938–1944 гг. – М.: Ведомости Верховного совета СССР, 1945. – 362 с.
31. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР за 1940 г. № 1–15 / Упр. делами Совета Народ. Комиссаров СССР. – М.:[б. и., б. г.]. – 524 с.
32. Советское военно-политическое руководство в годы Великой Отечественной войны. Государственный Комитет Обороны СССР. Политбюро ЦК ВКП(б). Совет народных комиссаров СССР: сборник документов / отв. ред. И. В. Быстрова, В. В. Захаров. – М.: РОССПЭН, 2021. – 509 с.
33. Советское военно-политическое руководство в годы Великой Отечественной войны. Государственный Комитет Обороны СССР. Политбюро ЦК ВКП(б). Совет народных комиссаров СССР: сборник документов / сост. Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк. – М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. – 752 с.

34. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов за 50 лет. – М., 1968. – Т. 3: 1941–1952 годы. – С. 37–38.
35. Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. – Кемерово, 2025. – 276 с.
36. Этот день мы приближали, как могли: сборник документальных материалов / отв. ред. В.А. Сергиенко. – Кемерово, 2005. – 261 с.

3. Воспоминания и мемуары

1. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. / Г. К. Жуков. – М.: АПН, 1986. – 2 т. – 327 с.
2. Семичастный, В. Е. Беспокойное сердце / В. Е. Семичастный. – Москва: Вагриус, 2002. – 458 с.
3. Это нашей истории строки. Кемерово 60–80-х годов: воспоминания, интервью, летопись / Администрация г. Кемерово; сост. Г. В. Корницкий, В. М. Чурпита. – Кемерово: Кемеровский. гор. Совет ветеранов, 2003. – 664 с.

4.Электронные ресурсы и базы данных

1. База данных Государственного архива Кузбасса (ГАК): «Эвакуация населения в Кемеровскую область в годы Великой Отечественной войны» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://arhfond.arhiv42.ru/database/7 (дата обращения: 01.11.2025).
2. Главный корпус Верхо-Томского детского дома для эвакуированных ленинградских детей. Подвиг тылового города [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://redhillexpo.tilda.ws/75victory (дата обращения: 04.10.2025).

3. Дети войны: сайт Кемеровского областного отделения Общероссийской общественной организации «Дети войны». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://детивойны42.рф/ (дата обращения: 29.01.2026).
4. Личная карточка эвакуируемой из г. Ленинграда в г. Кемерово Н. А. Мельниковой. Блокада Ленинграда. Эвакуация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://evacuation.spbarchives.ru/card?cardRecordId=2621706&pageNumber=1&recordsPerPage=25&fio= %D0 %BC %D0 %B5 %D0 %BB %D1 %8C %D0 %BD %D0 %B8 %D0 %BA %D0 %BE %D0 %B2 %D0 %B0&birthYear=&birthMonth=&birthDay=&evacuationYear=&evacuationMonth=&evacuationDay=&evacuationPlace= %D0 %9A %D0 %B5 %D0 %BC %D0 %B5 %D1 %80 %D0 %BE %D0 %B2 %D0 %BE %20&address=&jobPlaceOrOrganization (дата обращения: 03.10.2025).
5. Прибытие военно-санитарного поезда в Кемерово. Подвиг тылового города [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://redhillexpo.tilda.ws/75victory (дата обращения: 04.10.2025).
6. Тематический перечень документов: История Кемеровской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://arhiv42.ru/pictures/20181204071437perecen2018.pdf (дата обращения: 20.11.2025)
7. Тематический перечень документов: История Кемеровской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ч. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://arhiv42.ru/pictures/20260324080012Perechen_2026_chast2.pdf (дата обращения: 14.04.2026)
8. Урок рукоделия в Верхо-Томском детском доме для эвакуированных ленинградских детей. Подвиг тылового города [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://redhillexpo.tilda.ws/75victory(дата обращения: 04.10.2025).

9. Электронная библиотека Архивного управления Кузбасса: «Вклад Кузбасса в Победу» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kuzbassarchives.ru/vklad-kuzbassa-v-pobedu/ (дата обращения: 25.01. 2026).
10. Электронная библиотека Государственного архива Кузбасса (ГАК): «Кузбасс – Донбасс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://arhfond.arhiv42.ru/database/8?sort=content (дата обращения: 28.01.2026).
11. Электронная библиотека Государственного архива Кузбасса (ГАК): «Эвакуация из Ленинграда и Ленинградской области в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://arhfond.arhiv42.ru/database/11?page=4 (дата обращения: 24.01.2026).

5. **Библиографические указатели**

1. Соболева, Е. Б. Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): библиогр. указ. / Е. Б. Соболева, А. Н. Лебедева; Зон. объединение б-к Зап. Сибири, Новосиб. обл. б-ка, Воен.-науч. о-во при Новосиб. окр. доме офицеров Сов. Армии. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. – 165 с.
2. Сибирь в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – сентябрь 1945 гг.): библиогр. указ: посвящается 30-летию Победы в Великой Отечественной войне / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Гос. публич. науч.-техн. б-ка; [сост. В. Н. Волкова и др.]. – Новосибирск: ГПНТБ, 1976. – 249 с.

6. **Литература**

1. Акименко, Г. В. Продовольственное снабжение Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Г. В. Акименко // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». – 2019. – № 3. – С. 391–400.

2. Акулов, М. Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / М. Р. Акулов. – Ставрополь: Ставропольская правда, 1967. – 331 с.
3. Алексеев, В. В. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны / В. В. Алексеев, В. А. Исупов. – Новосибирск: Наука, 1986. –232 с.
4. Анисков, В. Т. Крестьянство против фашизма, 1941–1945. История и психология подвига / В. Т. Анисков. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 500 с.
5. Анисков, В. Т. Медико-санитарное обслуживание эвакуированного населения (1941–1942 гг.) / В. Т. Анисков // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVII-XX вв.: материалы Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 19–21 марта 1996 г.). – Новосибирск,1996. – С. 164–167.
6. Анисков, В. Т. Численность и состав эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны / В. Т. Анисков // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. 2. Социально-демографическое развитие советской Сибири: Всесоюз. науч. конф. (Новосибирск, 12–14 декабря 1989 г.). – 1989. – С. 43–44.
7. Архипенко, Е. А. Социально-бытовые аспекты тыловой повседневности города Осинники / Е. А. Архипенко // Шахтерские города Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): материалы региональной научно-практической конференции (Прокопьевск, 28 мая 2015 года) / науч. ред. А. Б. Коновалов. – Прокопьевск: ООО «Кузбассвузиздат», 2015. – С. 209–215.
8. Беленко, М. П. Источники по численности гражданского населения, эвакуированного в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны / М. П. Беленко // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26. – № 2. – С. 88–92.
9. Беленко, М. П. Численность и состав эвакуированного в Западную Сибирь гражданского населения (1941–1943 годы) / М. П. Беленко // Вестник

Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2006. – Т. 5 – № S1. – С. 154–159.

10. Беленко, М. П. Численность эвакуированного гражданского населения в Новосибирскую область в 1941–1942 гг. / М. П. Беленко // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Новосибирск: Наука-Центр. – 2004. – С. 55–79.
11. Беликов, А. М. Тяжелую промышленность – в глубокий тыл / А. М. Беликов // Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: сборник статей и воспоминаний. – М.: Наука, 1966. – С. 31–53.
12. Белоносов, И. И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. / И. И. Белоносов // Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: сборник статей и воспоминаний. – М.: Наука, 1966. – С. 15–30.
13. Бельков, А. В. Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории 1920–2015 гг. / А. В. Бельков, К. А. Заболотская. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. – 113 с.
14. Бельков, В. И. Документы государственного архива Кемеровской области об отдельных вопросах работы промышленных предприятий г. Анжеро-Судженска в годы Великой Отечественной войны / В. И. Бельков; науч. ред. А. Б. Коновалов // Шахтерские города Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): материалы региональной научно-практической конференции (Прокопьевск, 28 мая 2015 года). – Прокопьевск: ООО «Авторское издательство Кузбассвузиздат», 2015. – С. 45–52.
15. Бикметов, Р. С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.) / Р. С. Бикметов. – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва, 2009. – 430 с.
16. Блинов, А. В. Описи Государственного архива Кемеровской области как источник информации по эвакуированным предприятиям и оборудованию

в Кемерово в годы Великой Отечественной войны / А. В. Блинов, И. В. Кокорев // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 3. – С. 8–17.
17. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 10: Государство, общество и война. – М.: Кучково поле, 2014. – 862 с.
18. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7: Экономика и оружие войны.– М.: Кучково поле, 2013. – 864 с.
19. Великая Отечественная война и Кузбасс // Историческая энциклопедия Кузбасса: в 3 т. Т. 1: А–К. – Кемерово; Познань: Штама, 1996. С. 91–99.
20. Великая Отечественная война. 1941–1945: военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. – М.: Наука, 1998. – 544 с.
21. Витковский, С. Н., Рабочие индустриального Кузбасса / С. Н. Витовский, З. Г. Карпенко. – Кемерово: Кн. изд-во, 1970. – 99 с.
22. Вклад сибиряков в победу в Великой Отечественной войне: материалы региональной науч.-практ. конф., посвященной 60-летию Победы, 21 апреля 2005 г., г. Кемерово / Кемеровский гос. ун-т ; ред. Н. П. Шуранов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 338 с.
23. Вознесенский, Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. – М.: Госполитиздат, 1948. – 192 с.
24. Гатовский, Л. М. Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне / Л. М. Гатовский. – М.:Госполитиздат, 1946. – 124 с.
25. Генина, Е. С. «Дело» КМК (1949–1952): монография / Е. С. Генина. – Красноярск: Красноярский писатель, 2008. 204 с.
26. Генина, Е. С. Борьба с космополитизмом: политические дела и разоблачения в Кемеровской области (1949–1953 гг.) / Е. С. Генина, С. В. Макарчук. – Кемерово: Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, 2018. – 176 с.
27. Генина, Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.): монография / Е. С. Генина. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2009. – 254 с.

28. Головань, Н. С. Жилищно-бытовые условия городского населения Кузбасса (1941–1945 гг.) / Н. С. Головань // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2–4(62). – С. 17–20.
29. Гончаров, Г. А. Трудовая политика советского государства в годы Великой Отечественной войны / Г. А. Гончаров // Вестник Челябинского государственного университета. – 2001. – № 1(12). – С. 79–91.
30. Горбатов, В. В. Юрга. / В. В. Горбатов. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1978. – 71 с.
31. Город Кемерово в годы Великой Отечественной войны: материалы науч. конф., 14 апреля 2000 г. / Кемеровский гос. ун-т; ред. Н. П. Шуранов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 155 с.
32. Город Кемерово. Страницы истории (1918–1991 годы) / И. Ю. Усков [и др.] – Кемерово: ООО «Авторское издательство Кузбассвузиздат», 2023. – 383 с.
33. Давыдова, Ю. А. Структура и динамика медико-санитарной сети в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. / Ю. А. Давыдова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2013.– № 3. – С. 42.
34. Депутатский корпус Кузбасса. 1943 – 2003: биографический справочник: в 2 т. Т. 1. А-Л / Автор-сост. А. Б. Коновалов. – Кемерово: Кн. изд-во, 2002. – 584 с.
35. Докучаев, Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны / Г. А. Докучаев. – М.: Наука, 1973. – 423 с.
36. Докучаева И. Г. Учебные заведения трудовых резервов Западной Сибири в начале Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) / И. Г. Докучаева // СибСкрипт. – 2019. – №3 (79). – С. 585–594.
37. Ермакова, Е. А. История военного завода № 319 «Коммунар» (по материалам поисково-исследовательской работы краеведческого музея-комплекса Средней общеобразовательной школы № 11 Г. Кемерово) /

Е. А. Ермакова, Н. Я. Сафронова // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2021. – № 1(5). – С. 34–40.

38. Ермолаев, А. Н. Кузбасс-Донбасс: из истории взаимодействия регионов в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Ермолаев, А. А. Зеленин, В. А. Овчинников // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – № 2(85). – С. 113–119.
39. Ермолаев, А. Н. Эвакуация населения в Кемеровскую область (указатель архивных материалов) / А. Н. Ермолаев. – Кемерово: Алкор, 2002. – 67 с.
40. Заболотская, К. А. Демографические тенденции индустриального Кузбасса (конец XIX – начало XXI в.) / К. А. Заболотская, А. В. Бельков // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 4. – С. 22–26.
41. Закиров, Д. В. Визуализация динамики размещения эвакуированного населения в Западной Сибири в 1941 г. / Д. В. Закиров // Приоритеты и стратегические направления развития педагогического образования в эпоху 4.0: международная конференция (Томск, 19–24 апреля 2021 г.) – Томск: ТГПУ, 2021. – Т. 2. – С. 540–545.
42. Зелкин, И. И. Кузнецкий угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны/ И. И. Зелкин. – Москва: Наука, 1969. – 187 с.
43. Зинич, М. С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны: монография / М. С. Зинич. – Москва: Центр гуманитарных наук, 2019. – 347 с.
44. Зяблицева, С. В. Влияние эвакуационного процесса на театральную сферу Западной Сибири периода Великой отечественной войны / С. В. Зяблицева // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Всерос. науч.-практ. конф. «VI Емельяновские чтения». (Курган, 26–28 апреля 2012 г.) – Курган: КГУ, 2012. – С. 237–239.
45. Зяблицева, С. В. Некоторые аспекты трудоустройства эвакуированных в Кузбасса / С. В. Зяблицева // Сибирь – фронту: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой

Отечественной войне (Кемерово, 12–13 мая 2000 года). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – С. 100–102.

46. Зяблицева, С. В. Социокультурный потенциал Западной Сибири и практика его реализации (1920 – середина 1950-х гг.): монография / С. В. Зяблицева. – Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2011. – 469 с.
47. Зяблицева, С. В. Эвакуация 1941–1942 гг. как фактор перемен в культурной жизни Западной Сибири / С. В. Зяблицева // Вопросы истории. – 2016. – № 2. – С. 126–136.
48. Иоффе, А. Ф. Советская наука в годы Великой Отечественной войны / А. Ф. Иоффе // Вестник Академии наук СССР. – 1943. № 7–8. – С. 6–9.
49. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М: [б. и.], 1961. – 682 с.
50. История Второй мировой войны, 1939–1945: в 12 т. Т. 4. Фашистская агрессия против СССР: крах стратегии «молниеносной войны» / Н. Г. Андроников [и др.]. М.: Воениздат, 1975. – 534 с.
51. История Кузбасса / С. П. Звягин [и др.]. – Кемерово: Кемеровский технологический институт пищевой промышленности (университет), 2014. – 368 с.
52. История Кузбасса. – Кемерово: «Скиф», 2006. – 360 с.
53. История Кузбасса: в 3 т. Т. 2. / А. Н. Ермолаев [и др.]; Администрация Правительства Кузбасса, Кемеровский государственный университет, Институт экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения РАН. – Кемерово: Кузбасская медиагруппа; ArtAvis, 2021. – 380 с.
54. История Кузбасса: в 3 ч. Ч. 3. История Кузбасса в период строительства социализма и коммунизма. / П. К. Редькин [и др.]. – Кемерово: Кн. изд-во. – 1970. – 223 с.

55. История Кузнецкого металлургического комбината имени В. И. Ленина / Е. М. Полянская [и др.]. – Москва: Металлургия, 1973. – 462 с.
56. История Новосибирской области: история России через историю регионов: учебное пособие / С. Н. Андреенков [и др.]; Новосиб. гос. пед. ун-т [и др.]. – Москва: Интеграция: Образование и Наука, 2017. – 382 с.
57. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и переходы к коммунизму / Б. Л. Борисов [и др.] – Ленинград: Наука, 1969. – 470 с.
58. История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. Т. 10: СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / П. С. Болдырев [и др.]. – Москва: Наука, 1973. – 782 с.
59. Исупов, В. А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) / В. А. Исупов. – Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2008. – 378 с.
60. Исупов, В. А. К вопросу о масштабах воинских мобилизаций в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны / В. А. Исупов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – № 2. – С. 5–10.
61. Исупов, В. А. Людские ресурсы Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: проблемы формирования и использования / В. А. Исупов // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: сборник научных трудов / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт истории; отв. ред. В. А. Ламин. – Новосибирск: НГУ, 2005. С. – 78–112.
62. Исупов, В. А. Население Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: численность, состав, воспроизводство / В. А. Исупов // Российская история. – 2010. – № 4. – С. 69–84.
63. Исупов, В. А. Население Западной Сибири в годы Второй Мировой войны: 1939–1945 гг. / В. А. Исупов, Н. С. Коробейникова, М. А. Семенов // Демографическое обозрение. – 2016. – Т. 3, – № 2. – С. 143–168.

64. Исупов, В. А. Социально-демографическая политика сталинского правительства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сибири) / В. А. Исупов // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): сборник научных трудов / РАН Сибирское отделение; Институт истории ОИИФФ; ответственный редактор В. А. Исупов. – Новосибирск: Наука-Центр, 2004. – С. 115–143.
65. Исупов, В. А. Эвакуированные ленинградцы: Новосибирская область / В А. Исупов, Л. И. Снегирева // Побратимы: Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается. – Москва: Издательство «Политическая энциклопедия», 2019. – С. 727–780.
66. Карпенко, З. Г. Развитие угольной промышленности и черной металлургии Сибири: учебное пособие / З. Г. Карпенко; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 1985. – 82 с.
67. Карсакова, А. Н. Размещение и ввод в действие эвакуированных промышленных предприятий в Сталинске Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Карсакова // Омский научный вестник. – 2011. – № 2 (96). – С. 17–20.
68. Кацюба, Д. В. История Кузбасса: краеведческое пособие для учащихся 7-10-х классов / Д. В. Кацюба. 3-е изд., испр. и доп. – Кемерово: Книжное издательство, 1975. – 126 с.
69. Кискидосова, Т. А. Бытовые условия эвакуированного населения в Хакасии в годы Великой Отечественной войны / Т. А. Кискидосова // Исторический курьер. – 2025. – № 5(43). – С. 94–107.
70. Кокорина, Л. Б. Особенности социально-бытового развития городов Западной Сибири в 1925–1985 гг. / Л. Б. Кокорина // ИСОМ. – 2016. – №6-1. – С. 62–67.
71. Коновалов, А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991): монография / А. Б. Коновалов; Архивное управление Кемеровской области, Государственный архив Кемеровской области. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 491 с.

72. Коновалов, А. Б. История Кузбасса: в 3 т. Т. 3. Кузбасс от начала Великой Отечественной войны до распада СССР (1941–1991). Кн. 1: 1941–1964 / А. Б. Коновалов. – Кемерово: ArtAvis, 2024. – 568 с.
73. Коновалов, А. Б. История создания Кемеровской области в 1943 году: иллюстрированный очерк / А. Б. Коновалов. – Кемерово: ООО «Принта», 2015.– 28 с.
74. Коновалов, А. Б. Образование Кемеровской области в 1943 г.: документальные источники, ход и участники процесса / А. Б. Коновалов // Кузбасс – 75: Материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной юбилею Кемеровской области (Кемерово, 25 января 2018 года) / отв. ред. С. П. Звягин. – Кемерово: Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, 2018. С. 56–59.
75. Коновалов, А. Б. Объективные и субъективные факторы становления Кемеровской области (1943–1945) / А. Б. Коновалов // 65-летие Сталинградской битвы и Кемеровской области: сборник научных трудов, (Кемерово, 21 февраля 2008 года). – Кемерово: ООО «Авторское издательство Кузбассвузиздат», 2008. – С. 230–239.
76. Коновалов, А. Б. Создание Кемеровской области: факты и участники (1943–1945): иллюстрированный очерк / А. Б. Коновалов. – Кемерово: ООО «Принта», 2018. 36 с.
77. Красильников, С. А. Раннесоветский опыт социальной мобилизации: история для теории / С. А. Красильников // Уральский исторический вестник, – 2018. – № 4(61). – С. 38–45.
78. Красильников, С. А. Сталинская модель социальной мобилизации: некоторые проблемы изучения / С. А. Красильников // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, № 10. – С. 40–46.

79. Крах плана «Ольденбург»: О срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР / М. М. Загорулько, А. Ф. Юденков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Экономика, 1974. – 383 с.
80. Кузбасс – фронту: сборник. – Кемерово: Кн. изд-во, 1975. – 396 с.
81. Кузбасс. Прошлое. Настоящее. Будущее / А. И. Мартынов [и др.]. – 2-е изд., перераб. – Кемерово: Кн. изд-во, 1978. – 365 с.
82. Куманев, Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы / Г. А. Куманев // Новая и новейшая история. – 2006 – № 6. – С. 7 – 27.
83. Ленинск-Кузнецкий: страницы истории: в 2 т. Т. 2. 1941–2014 / А. М. Адаменко [и др.] 1941–2014. Новосибирск: Приобские ведомости, 2014. 349 с.
84. Лихоманов, М. И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. / М. И. Лихоманов, Л. Т. Позина, Е. И. Финогенов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, – 1986. – 169 с.
85. Лукин, А. А. Наращивание мощностей тяжелой индустрии в Новокузнецке в период Великой Отечественной войны / А. А. Лукин // Новокузнецк в прошлом и настоящем: материалы научной конференции, посвященной 350–летию основания Кузнецка. – Новокузнецк: [б. и.], 1971. – С. 149–157.
86. Любимов, А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны / А. В. Любимов. – М.: Экономика, 1968. – 231 с.
87. Мелехова, Ю. А. Историография и источники исследования эвакуации населения на территорию Алтайского края в годы Великой Отечественной войны. / Ю. А. Мелехова // Гуляевские чтения: девятая и десятая историко-архивная конференция (Барнаул, 8 декабря 2015 г. – 13 декабря 2018 г.). – Барнаул, 2018. – С. 146–155.
88. Мелехова, Ю. А. Материально-бытовое обеспечение эвакуированных граждан в 1941–1943 гг. на примере Алтайского края. / Ю. А. Мелехова // Актуальные вопросы гуманитарных наук: материалы Всерос. науч.-практ.

конф. (Кемерово, 31 октября 2014 г.). – Кемерово: КузГТУ, 2014. – С. 183–189.

89. Мелехова, Ю. А. Медико-санитарное обслуживание воспитанников эвакуированных детских учреждений в 1941–1943 гг. (на примере Алтайского края) / Ю. А. Мелехова // Вестник ИрГТУ. – 2015. – №4 (99). – С. 408–409.
90. Мелехова, Ю. А. Организация учета эвакуированного населения в 1941–1943 гг. (по материалам Алтайского края) / Ю. А. Мелехова // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 4–2. – С. 171–175.
91. Мелехова, Ю. А. Продовольственное обеспечение эвакуированных граждан в 1941–1943 годах (на материалах Алтайского края) / Ю. А. Мелехова // Вестник Пермского университета. История. – 2015. – № 2. – С. 148–155.
92. Металлурги Кузбасса Ч. 1. (1917–1960) / ред. З. Г. Карпенко. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1975. – 199 с.
93. Митрофанова, А. В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) / А. В. Митрофанова. – М.: АН СССР, 1960. – 486с.
94. Мозохин, О. Б. Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны / О. Б. Мозохин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – № 1(12). – С. 20–37.
95. Морозова, О. В. Состояние медицинского обслуживания в Сталинске в годы Великой Отечественной войны / О. В. Морозова // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2018. – № 1. – С. 128–137.
96. Мужество Донбасса: (Из истории Донецкого бассейна. 1937–1943 гг.): Метод. разработка / М-во высш. и сред. спец. образования УССР. Донецкий гос. ун-т. – Донецк: [б. и.], 1968. – 190 с.

97. Обердерфер, Л. И. Депортированные немцы в Западной Сибири (1941–1944 гг.): действительность и правовой статус / Л. И. Обердерфер // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2002. С. 187–200.
98. Они строили большой Кузбасс: лидеры региона (1943–1991 гг.). Архивное управление Кемеровской области, Государственный архив Кемеровской области. – Кемерово, 2017. – 158 с.
99. Орлова, Е. А. Формирование сети эвакуационных госпиталей в Кузбассе во время Великой Отечественной войны / Е. А. Орлова // Исторический курьер. – 2020. – № 1. – С. 69–76.
100. Осинники / А. С. Цыряпкин. – Кемерово: Притомское, 1995. – 259 с.
101. Очерки истории партийной организации Кузбасса: в 3 ч. Ч. 3. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1985. – 287 с.
102. Перескокова, М. В. Промышленность города Белово в измерении военного времени / М. В. Перескокова // Шахтерские города Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): материалы региональной научно-практической конференции. (Прокопьевск, 28 мая 2015 года) / науч. ред. А. Б. Коновалов. – Прокопьевск: ООО «Авторское издательство Кузбассвузиздат», 2015. – С. 110–116.
103. Пешкин, И. С. На новых местах / И. С. Пешкин. – М.: Профиздат, 1942. – 64 с.
104. Победа была за нами!: история города Прокопьевска / Р. А. Бикметов. – Прокопьевск: Пласт: Издательская фирма Медведева, 1995. – 338 с.
105. Погребной, Л. И. О деятельности Совета по эвакуации /Л. И. Погребной // Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. – М.: Наука, 1966. – С. 201–207.
106. Подвиг земли богатырской: (Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / М. Р. Акулов [и др.]. – М: Мысль, 1970. – 364 с.

107. Потемкина, М. Н. Демографический аспект эвакуации населения в советский тыл в годы Великой Отечественной войны / М. Н. Потемкина // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сборник статей X Уральского демографического форума (Екатеринбург, 10–11 июня 2019 года): в 2 т. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2019. – С. 139–143.
108. Потемкина, М. Н. Организационный опыт эвакуации промышленных предприятий в 1941–1942 гг.: проблемы и результаты / М. Н. Потемкина // Уральский исторический вестник. – 2025. – № 1(86). – С. 62–70.
109. Потемкина, М. Н. Органы руководства эвакуационным процессом: российский опыт Первой и Второй мировых войн / М. Н. Потемкина // Опыт мировых войн в истории России: сборник статей. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – С. 73–82.
110. Потемкина, М. Н. Отделы по хозустройству – важнейшее звено управления механизма эваконаселением в советском тылу / М. Н. Потемкина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2003. – № 13. – С. 409–414.
111. Потемкина, М. Н. Перемещение работников промышленных предприятий из прифронтовой зоны в тыл в 1941–1942 гг.: эвакуация или мобилизация? / М. Н. Потёмкина // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей II Международной научной конференции (Казань, 09–10 апреля 2025 года). – Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2025. – С. 346–352.
112. Потемкина, М. Н. Психологический аспект эвакуации в годы Великой Отечественной войны / М. Н. Потемкина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 16(270). – С. 58–61.
113. Потемкина, М. Н. Управление эвакуацией в СССР в 1941–1942 гг. / М. Н. Потемкина // Государственное управление в СССР в годы Второй мировой войны. Фронт и тыл: материалы XVII Международной научной

конференции (Екатеринбург, 19–22 июня 2025 года). – М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2025. – С. 28–36.

114. Потемкина, М. Н. Эваконаселение в уральском тылу (1941–1948 гг.): монография /М. Н. Потемкина. – Магнитогорск, 2006. – 264 с.
115. Потемкина, М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы: монография / М. Н. Потемкина. – Магнитогорск: МаГУ, 2002. – 265 с.
116. Пятидесятилетие Великой Победы: тезисы науч. конференции / РАН, СО, Ин-т истории, Кемеровский гос. ун-т; ред. З. П. Галаганов, Т. О. Машковская, Н. П. Шуранов. – Кемерово: Изд-во ОблИУУ, 1995. – 174 с.
117. Пятидесятилетие коренного перелома в Великой Отечественной войне. 50 лет Кемеровской области: тезисы докладов и сообщений на научной конференции, 18–19 ноября 1992 г. / Кемеровский гос. ун-т; ред. Н. П. Шуранов. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1992. – 146 с.
118. Романов, Р. Е. Социально-трудовые перемещения эваконаселения в западносибирском тылу (1941–1945): ограничения и стимулы / Р. Е. Романов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15 – № 8: История. С. 146–156.
119. Ростов, Н. Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны / Н. Д. Ростов. – Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2007. – 516 с.
120. Савицкий, И. М. Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны / И. М. Савицкий. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2005. – 448 с.
121. Савицкий, И. М. Эвакуация предприятий оборонной промышленности в Новосибирскую область в начале Великой Отечественной войны /

И. М. Савицкий // Гуманитарные науки в Сибири. – 2001. – № 2. – С. 82–86.

122. Сафонова, Т. А. Прием и размещение эвакуированного населения в Западной Сибири в 1941–1942 годах. / Т. А. Сафонова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – № 4 (20), 2000. – С. 122–125.

123. Семенова, Е. Н. Трудоустройство членов семей военнослужащих в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Е. Н. Семенова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 9(99). – С. 58–63.

124. Сенявская, Е. С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки / Е. С. Сенявская // Военно-историческая антропология: Ежегодник. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 5–22.

125. Сенявская, Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки / Е. С. Сенявская. – М.: Институт российской истории РАН, 1997. – 232 с.

126. Снегирева, Л. И. Медико-санитарное обслуживание населения, эвакуируемого в западносибирский тыл (1941–1943 гг.) / Л. И. Снегирева // Гуманитарные науки в Сибири. – 2018. – Т. 25. – № 1. С. – 49–53.

127. Снегирева, Л. И. Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в западносибирском тылу (1941–1943 годы) / Л. И. Снегирева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. – № 5. – С. 143–156.

128. Снегирева, Л. И. Проблемы реэвакуации коллективов промышленных предприятий и их решение в западносибирском регионе (1942–1948 гг.) / Л. И. Снегирева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3–1. – С. 70–76.

129. Снегирева, Л. И. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 годы) / Л. И. Снегирева, Т. А. Сафонова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2004. – № 4(41). – С. 22–30.

130. Снегирева, Л. И. Реэвакуация из Западной Сибири в освобожденные районы специалистов сельского хозяйства (1943–1945 гг.) / Л. И. Снегирева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2–6. – С. 206–209.
131. Снегирева, Л. И. Реэвакуация строительных организаций и специалистов-строителей в освобожденные районы страны в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) / Л. И. Снегирева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 9. С. – 181–187.
132. Снегирева, Л. И. Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны / Л. И. Снегирева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2. – С. 38–43.
133. Снегирева, Л. И. Социально-экономические последствия реэвакуации в западносибирском тылу (1942–1948 гг.) / Л. И. Снегирева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 9. – С. 188–195.
134. Снегирева, Л. И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны / Л. И. Снегирева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9 – № 1. – С. 201–210.
135. Снегирева, Л. И. Эвакопункты Западной Сибири и их роль в эвакуации населения в регион (1941–1943 годы) / Л. И. Снегирева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 5 (194). – С. 30–37.
136. Снегирева, Л. И. Эвакуация гражданского населения в Западно-Сибирский регион в годы Великой Отечественной войны (историографический обзор) / Л. И. Снегирева, Т. А. Сафонова // Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): материалы Всероссийской научно-практической конференции,

посвященной 60-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне (Томск, 12–13 мая 2005 года). – Томск: Томский государственный педагогический университет, 2005. – С. 4–28

137. Снегирева, Л. И. Эвакуация детей в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) / Л. И. Снегирева // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 2. – С. 28–31.

138. Снегирева, Л. И. Эвакуированные вузы и их вклад в развитие сельскохозяйственного производства Западной Сибири (1942–1945 гг.) / Л. И. Снегирева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4–1. – С. 35–40.

139. Снегирева, Л. И. Эвакуация населения и железнодорожный транспорт в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) / Л. И. Снегирева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – №. 2 (155). – С. 21–30.

140. Советский тыл в Великой Отечественной войне. – М.: Мысль, 1974. – 700 с.

141. Арутюнян, Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю. В. Арутюнян; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 465 с.

142. Соколов, Б. М. Промышленное строительство в годы Отечественной войны / Б. М. Соколов. – М.: Госпланиздат, 1946. – 56 с.

143. Стрельский, В. И. Сибирь в Великой Отечественной войне/ В. И. Стрельский. – Омск: Омгиз, 1943. – 60 с.

144. Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996 гг. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1997. – 357 с.

145. Усков, И. Ю. Административно-территориальное деление Кузбасса. 1920–2000 / И. Ю. Усков. – Кемерово: ИД «Азия», 2000. – 128 с.

146. Усков, И. Ю. Г. Кемерово и эвакуация 1941–1942 гг. / И. Ю. Усков // Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. – Кемерово, 2000. – С. 18–21.

147. Хавин, А.Ф. Великое переселение индустрии / А. Ф. Хавин // Новый мир. – 1948. – № 6. – С. 252–282.
148. Халиулина, А. А. Изменение в составе рабочих кадров Кузбасса в 1941–1942 гг. / А. А. Халиулина// 50 лет Великой Победы: тезисы научной конференции. – Кемерово, 1995. – С. 101–103.
149. Хлевнюк, О. В. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. Исследования о характере и эволюции мобилизационной системы / О. В. Хлевнюк // Российская история. – 2022. – № 3. – С. 122–134.
150. Хохлов, Е. В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй Мировой войны / Е. В. Хохлов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 280 с.
151. Хромова, Т. Ю. Основные тенденции демографического развития сельских районов Кузбасса в годы Великой Отечественной войны / Т. Ю. Хромова, Е. П. Добрыгина // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2015. – №. 3. – С. 195–202.
152. Цукров, В. А. Труд горняков Донбасса в сибирском тылу (1941–1945) / В. А. Цукров // Народы Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Кызыл, 1973. – С. 156–164.
153. Чекина, Л. И. Все для фронта, все для победы: о работе промышленных предприятий Анжеро-Судженска в годы войны / Л. И. Чекина // Шахтерские города Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): материалы региональной научно-практической конференции (Прокопьевск, 28 мая 2015 года) / науч. ред. А. Б. Коновалов. – Прокопьевск: ООО «Авторское издательство Кузбассвузиздат», 2015. – С. 73–81.
154. Черемных, О. А. Будни тылового города. Материально-бытовое положение горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей) / О. А. Черемных, А. С. Шевляков. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2017. – 347 с.

155. Черемных, О. А. Санитарные мероприятия и благоустройство в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны / О. А. Черемных, А. С. Шевляков // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 417. – С. 182–190.

156. Шатилов, С. П. Деятельность милиции Западной Сибири в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: (Историко-правовой аспект) / С. П. Шатилов. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2004. – 147 с.

157. Шуранов, Н. П. Кузбасс – фронту / Н. П. Шуранов. – Кемерово: Притомское, 1995. – 117 с.

158. Шуранов, Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны / Н. П. Шуранов. – Кемерово: Кемеровский государственный университет: Кемеровский областной институт усовершенствования учителей, 2000. – 219 с.

159. Шуранов, Н. П. Кузбасс: все для фронта / Н. П. Шуранов. – Кемерово: Скиф, 2005. – 245 с.

160. Шуранов, Н. П. Объективная обусловленность образования Кемеровской области / Н. П. Шуранов // 55 лет Кемеровской области. – 1998. – С. 9–14.

161. Шуранов, Н. П. Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: монография / Н. П. Шуранов. – Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», 2004. – 220 с.

162. Эвакуация // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. 3. С-Я ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. – С. 557–558.

163. Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности: монография / Российская акад. наук, Ин-т экономики. – М.: Ин-т экономики Российской акад. наук, 2015. – 342 с.

164. Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. – М.: Наука, 1966. – 263 с.

7. **Диссертации и авторефераты**

1. Арсланова, Ч. Р. Эвакуированное и депортированное в Башкирскую АССР население в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Арсланова Чулпан Рафимовна. – Уфа, 2006. – 188 с.
2. Беленко, М. П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект (1941–1943 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Беленко Михаил Павлович. – Новосибирск, 2011. – 204 с.
3. Васильев, Ю. А. КПСС – вдохновитель и организатор патриотического подъема Советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах партийных организаций Западной Сибири): дис. … канд. ист. наук / Васильев Юрий Александрович. – М., 1955. – 307 с.
4. Киселев, Ф. А. Государственная политика по отношению к эвакуированному населению в годы Великой Отечественной войны (на материалах Кировской области и Удмуртской АССР): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Киселев Федор Алексеевич. – Нижний Новгород, 2004. – 23 с.
5. Козурман, С. О. Эвакуированное и перемещённое население на территории Саратовской области в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Козурман Сергей Олегович. – Саратов, 2011. – 25 с.
6. Коновалова, Т. В. Партийная организация Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук / Коновалова Тамара Васильевна. – М., 1953. – 16 с.
7. Купцов, В. П. Проблемы перестройки народного хозяйства и эвакуации мирного населения в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Купцов Виктор Павлович. – М., 2002. – 49 с.
8. Мелехова, Ю. А. Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на

примере Алтайского края) дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Мелехова Юлия Александровна. – Барнаул, 2016. – 325 с.

9. Николенко, А. В. Деятельность государственных и партийных органов по жизнеобеспечению эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Архангельской и Вологодской областей): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Николенко Александр Викторович. – Санкт-Петербург, 2017.– 22 с.
10. Потемкина, М. Н. Проблемы эвакуации и эвакуированного населения на Урале в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 (Историко-партийный аспект): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.01: / Потемкина Марина Николаевна. – Челябинск, 1994. – 15 с.
11. Потемкина, М. Н. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эваконаселение на Урале в 1941–1948 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Потемкина Марина Николаевна. – Екатеринбург, 2004. – 32 с.
12. Сарнова, В. В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Сарнова Виктория Владимировна. – Новосибирск, 2005. – 35 с.
13. Толстова, Н. Ю. Эвакуированные в годы Великой Отечественной войны на территорию Чувашской АССР: организация размещения, социальная адаптация, трудовая деятельность: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Толстова Наталия Юрьевна. – Чебоксары, 2023. – 226 с.
14. Федотов, В. В. Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): проблемы размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Федотов Владимир Владимирович. – Самара, 2004. – 23 с.
15. Шуранов, Н. П. Коммунистическая партия – организатор развития угольной промышленности восточных районов страны в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.01. / Шуранов Николай Павлович. – Новосибирск, 1978. – 38 с.

16. Шуранов, Н. П. КПСС – организатор перестройки работы Кузнецкого угольного бассейна на военный лад (1941-1942 гг.): (Специальность № 277 – История КПСС): автореф. дис. … канд. ист. наук. / Шуранов Николай Павлович. Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. – Томск, 1967. – 24 с.

8. Основные положения диссертации изложены автором в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях и журналах, рекомендованных ВАК

1. Пьянов, А. Е. Архивные документы по проблеме эвакуации гражданского населения в годы Великой Отечественной войны на территорию Кузбасса в фондах архивов различных уровней / А. Е. Пьянов, Е. Ю. Стародубцев, В. Г. Дорохов // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 7(123). – С. 202–208.
2. Стародубцев, Е. Ю. Эвакуация промышленности и гражданского населения на территорию Кузбасса в годы Великой Отечественной войны / Е. Ю. Стародубцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2024. – Т. 24. – № 3.– С. 312–318.
3. Стародубцев, Е. Ю. Эволюция подходов к изучению эвакуации населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии / Е. Ю. Стародубцев, А. Н. Ермолаев // СибСкрипт. – 2024. – Т. 26. – № 3(103). – С. 429–440
4. Усков, И. Ю. Эвакуация промышленных предприятий в Кузбасс в 1941–1942 гг.: новые данные из архивных источников / И. Ю. Усков, Е. Ю. Стародубцев // Известия Алтайского государственного университета. – 2025. – № 3(143). – С. 41–47.

Статьи в сборниках научных работ, международных, всероссийских и региональных научных конференций

5. Стародубцев, Е. Ю. Формирование промышленного облика города Сталинска в 1920-е – первой половине 1940-х гг. / Е. Ю. Стародубцев // Актуальные вопросы истории, социально-политических наук и туризма: материалы симпозиума XIII (XLV) Международной научно-практической конференции «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей»: в 7 т. – Кемерово: КемГУ, 2018 – Вып. 19. – Т. 2. – С.35–38.
6. Стародубцев, Е. Ю. Развитие промышленности в городе Сталинске в период Великой Отечественной войны / Е. Ю. Стародубцев // Актуальные вопросы истории, социально-политических наук и туризма: материалы симпозиума XV (XLVII) Международной научно-практической конференции «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей». – Кемерово: КемГУ, 2020. – С. 29–31.
7. Стародубцев, Е. Ю. Эвакуация промышленности и гражданского населения в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: стратегический аспект / Е. Ю. Стародубцев // Теория и практика стратегирования: сборник избранных научных статей и материалов VI Международной научно-практической конференции (Кемерово-Мариинск-Киселевск-Прокопьевск-Гурьевск-Новокузнецк-Москва, 19–21 марта 2023 года) / Под науч. ред. В. Л. Квинта. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023. – С. 184–188.
8. Стародубцев, Е. Ю. Эвакуация промышленности и гражданского населения в г. Новокузнецк в годы Великой Отечественной войны / Е. Ю. Стародубцев // Актуальные вопросы истории, археологии, философии, международных отношений и туризма: материалы симпозиума в рамках XVIII (L) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей» (Кемерово, 20–22 апреля 2023 года) – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023. – С. 35–37.

9. Стародубцев, Е. Ю. Стратегическое значение процесса эвакуации промышленных объектов и гражданского населения в г. Прокопьевск в годы Великой Отечественной войны / Е. Ю. Стародубцев // Теория и практика стратегирования (Серия «Экономическая и финансовая стратегия»): Сборник избранных научных статей и материалов VII Международной научно-практической конференции (Кемерово – Москва, 29–30 марта 2024 года) – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2024. – С. 225–229.
10. Стародубцев, Е. Ю. Процессы эвакуации и реэвакуации населения в Западную Сибирь в 1941–1945 гг. в оценках современных историков / Е Ю. Стародубцев, А. Н. Ермолаев // Индустриальные регионы России в годы Великой Отечественной войны: экономический потенциал и социальные процессы: сборник статей, посвященный памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки России Николая Павловича Шуранова (1922–2011). – М.: ИД «Стафеефф и К», 2025. – С. 206–211.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Форма №1 учета эвакуированного населения[494]

Список лиц, отправившихся в эшелоне №_____

С какой станции эшелон отправлен_____

Станция назначения_____

Время отправки эшелона _____ месяца 1941 год.

Маршрут движения эшелона_____

(через какие узловые станции проходил эшелон)

№	Фамилия	Имя	Отчество	Пол	Год рождения (возраст)	Отметка об оставлении в пути (где оставлен, название станции, города и пр.)
1	2	3	4	5	6	7

ИТОГО:_____

Начальник эвакопункта _____

(начальник эшелона) подпись

[494] ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 541. Л. 20–22

Приложение 2

Форма № 2 учета эвакуированного населения (1 часть)[495]

Переселенческое Управление

При СНК СССР

Район_____

Город_____

Список Семей и лиц прибывших в _____ район_____

Город (село) _____ области, края, республики)

№ эшелона_____

С какой станции отправлен эшелон____ Станция прибытия эшелона_____

Время отправления эшелона _____ 1941г. Время прибытия эшелона____1941г.

Номер по порядку		Фамилия	Имя	Отчество	Отношение к главе семьи (жена, сын, дочь и др.)	Пол	Год рождения	Место рождения		
Кол-во семей	Членов семей							Область (край, республика)	Район	Город, село
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11

[495] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп.1. Д. 233. Л.2

Форма № 2 учета эвакуированного населения (2 часть)[496]

Специальность(профессия)	Национальность	Где работал до эвакуации					Отметка о выбытии из назначенного места вселения на момент составления списка
		Область	Район	Город	Местработы (учреждение, предприятие, колхоз)	Выполняемая работа	
12	13	14	15	16	17	18	

Председатель исполкома районного (городского) совета депутатов трудящихся (подпись)

[496] ГАРФ. Ф. 6822. Оп.1. Д. 541. Л. 20–22.

Приложение 3

Форма № 3 Личная карточка на ребенка, эвакуированного без родителей[497]

Переселенческое Управление при СНК СССР Литер_____

_____область (край, республика) _____район

_____город

Личная карточка на ребенка, эвакуированного без родителей

1.Фамилия_____

2.Имя_____

3.Отчество_____

4.Пол_____

5.Возраст_____

6.Откуда прибыл (область, район, город, село):_____

7.Номер эшелона с которым приехал_____

8.Время прибытия_____

9.Станция прибытия_____

10.Где поселен_____

(Название детского учреждения или адрес принявшей семьи)_____

11.Сведения, которые ребенок может дать о своих родителях (подробно): фамилия, имя, отчество обоих родителей, местожительство, место их работы, внешние признаки родителей и прочее; если ребенок не может дать сведений о своих родителях, описываются личные приметы ребенка.

Карточку составлял_____

(подпись составителя)

[497]Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Т. 1 «Исход» / отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 287.

Приложение 4

Размещение эвакуированного населения в городах и районах Кузбасса на 1 января 1942 г.[498]

	Города и районы	**Фактически размещено населения на 01.01.1942**
1	Анжеро-Судженск	6 755
2	Белово	3 766
3	Кемерово	17 854
4	Киселевск	4 453
5	Ленинск-Кузнецкий	5 773
6	Осинники	3 408
7	Прокопьевск	8 714
8	Сталинск	18 369
9	Тайга	1 142
	Итого по городам	**70 234**
1	Анжеро-Судженский	3 225
2	Барзасский	589
3	Беловский	2 736
4	Гурьевский	4 282
5	Зырянский	2 850
6	Ижморский	7 483
7	Кемеровский	2 153
8	Киселевский	1 223
9	Крапивинский	2 469
10	Кузедеевский	2 314
11	Кузнецкий	1 302
12	Л-Кузнецкий	2 625
13	Мариинский	5 017
14	Мысковский	17
15	Прокопьевский	1 460
16	Таштагольский	260
17	Тисульский	2 637
18	Титовский	3 036
19	Топкинский	4 343
20	Тяжинский	6 122

[498] ГАНО. Ф Р-1030. Оп. 1. Д. 137. Л. 60–61.

21	Чебулинский	3 303
22	Юргинский	7 630
23	Яшкинский	4 889
	Итого по районам	**71 965**
	Всего по области	**142 199**

Приложение 5

Численность населения Кузбасса на 1 января 1943 г.[499]

Города и районы Кузбасса	**Всего населения**	**Количество эвакуированного населения**	**Процент эвакуированных граждан**
Анжеро-Судженск	74 800	12 624	17 %
Белово	61 795	5 058	8 %
Кемерово	180 291	21 159	12 %
Киселевск	58 492	12 914	22 %
Ленинск-Кузнецкий	91 204	14 968	16 %
Осинники	39 970	21 797	55 %
Прокопьевск	128 621	15 234	12 %
Сталинск (Новокузнецк)	196 847	22 187	11 %
Тайга	33 332	2 617	8 %
Итого по городам	**865 352**	**128 558**	**15 %**
Анжеро-Судженский	44 657	3 530	8 %
Барзасский	32 531	2 558	8 %
Беловский	38 937	4 095	11 %
Гурьевский	89 490	5 142	6 %
Зырянский	26 805	1 963	7 %
Ижморский	41 644	3 147	8 %
Кемеровский	43 275	4 040	9 %
Киселевский	22 302	3 084	14 %
Крапивинский	30 019	1 791	6 %
Кузедеевский	66 609	3 704	6 %
Кузнецкий	38 673	3 743	10 %
Л-Кузнецкий	42 773	3 489	8 %
Мариинский	65 838	6 491	10 %
Мысковский	11 347	476	4 %
Прокопьевский	31 868	4 005	13 %
Таштагольский	53 150	980	2 %

[499] ГАК. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 1. Л. 107.

Тисульский	60 887	2 084	3 %
Титовский	58 722	3 890	7 %
Топкинский	59 582	5 720	10 %
Тяжинский	45 341	4 448	10 %
Чебулинский	28 902	1 804	6 %
Юргинский	47 219	7 299	15 %
Яшкинский	52 360	3 008	6 %
Итого по районам	**1 032 931**	**80 491**	**8 %**
Всего по области	**1 898 283**	**209 049**	**11 %**

Приложение 6

Данные о местах выхода и численности эвакуированного населения в Кузбассе по состоянию на 1 апреля 1944 г.[500]

Откуда прибыли (республики, края, области, города)	**Тыс. чел.**
Белоруссии	2,5
Украины	31,1
Молдавии	0,5
Латвии	0,4
Литвы	0,3
Эстонии	0,5
Карело-Финская ССР	2,8
г. Ленинград	16,4
Ленинградская	16,3
г. Мурманск	0.1
Калининской	4,2
Смоленской	5,2
г. Москвы и Московской области	6,1
Тульской	1,8
Орловской	1
Курской	1,4
Воронежской	1,8
Ростовской	2,8
Сталинградской	2,1
Крымская	0.7
Прочие	4,7
Всего	**110,7**

[500] ГАРФ Ф. А-327. Оп. 2. Д. 423. Л. 24.

Приложение 7

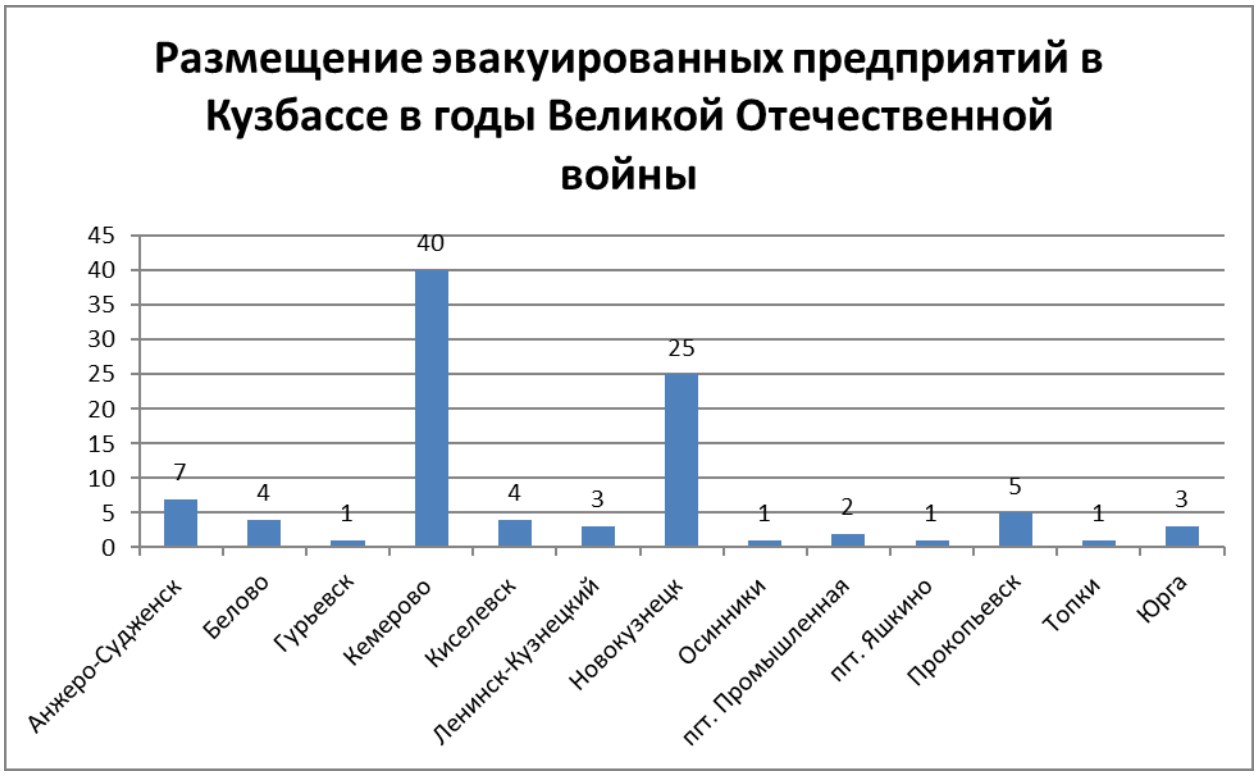
Сведения о трудоустройстве эвакуированного населения на территории Кузбасса на 1 января 1943 г.[501]

Наименование районов	Всего трудоспособных	Из них трудоустроено	Доля трудоустроенных (%)	Из них				
				На предприятиях	В с/х (совхозы, колхозы)	В промысловых артелях	На ж/д транспорте	В прочих учреждениях, предприятиях
Анжеро-Судженский	2430	2301	94,69	540	1215	24	18	504
Барзасский	1048	850	81,11	220	520	20	10	80
Беловский	2151	1315	61,13	-	1231	53	-	31
Гурьевский	2556	1727	67,57	484	786	95	4	358
Зыряновский	1132	1028	90,81	-	949	-	-	79
Ижморский	2030	1880	92,61	4	1670	17	-	189
Киселевский	1653	1452	87,84	630	554	36	60	172
Кемеровский	2718	2113	77,74	158	1418	163	12	362
Крапивинский	1151	1094	95,05	86	693	44	5	266
Кузедеевский	1509	1402	92,91	186	237	198	172	609
Кузнецкий	2535	2119	83,59	268	982	167	59	643
Ленинск-Кузнецкий	1213	1011	83,35	-	703	91	-	217
Мариинский	2158	1385	64,18	112	785	61	36	391
Мысковский	26	26	100,00	-	-	-	-	26
Прокопьевский	2220	2053	92,48	761	797	121	86	288
Таштагольский	190	161	84,74	107	-	6	5	43
Титовский	1793	1695	94,53	298	1210	51	47	89
Тисульский	910	623	68,46	60	293	9	-	261
Тяжинский	978	464	47,44	48	300	-	18	98
Чебулинский	458	368	80,35	-	312	-	-	56
Юргинский	4123	4090	99,20	3123	511	60	21	375
Яшкинский	1407	1401	99,57	252	805	-	-	344
Всего по районам	36389	30558	83,98	7337	15971	1216	553	5481
Города:								
Анжеро-Судженск	2746	2353	85,69	527	40	220	106	1460
Белово	2157	2001	92,77	714	28	213	98	948
Кемерово	9320	9220	98,93	6548	-	44	98	2530
Киселевск	5320	5320	100,00	4875	-	95	3	347
Ленинск-	8926	8870	99,37	6361	-	385	68	2056

[501] ГАНО Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 287. Л. 4–4об.

Кузнецкий								
Осинники	15235	12850	84,35	8653	-	438	351	3408
Прокопьевск	5134	4572	89,05	2732	-	56	99	1685
Сталинск	16830	14913	88,61	8899	-	645	215	5154
Тайга	1230	1006	81,79	78	-	13	562	353
Всего по городам	66898	61105	91,34	39387	68	2109	1600	17941
Всего	103287	91663	88,75	46724	16039	3325	2153	23422

Приложение 8

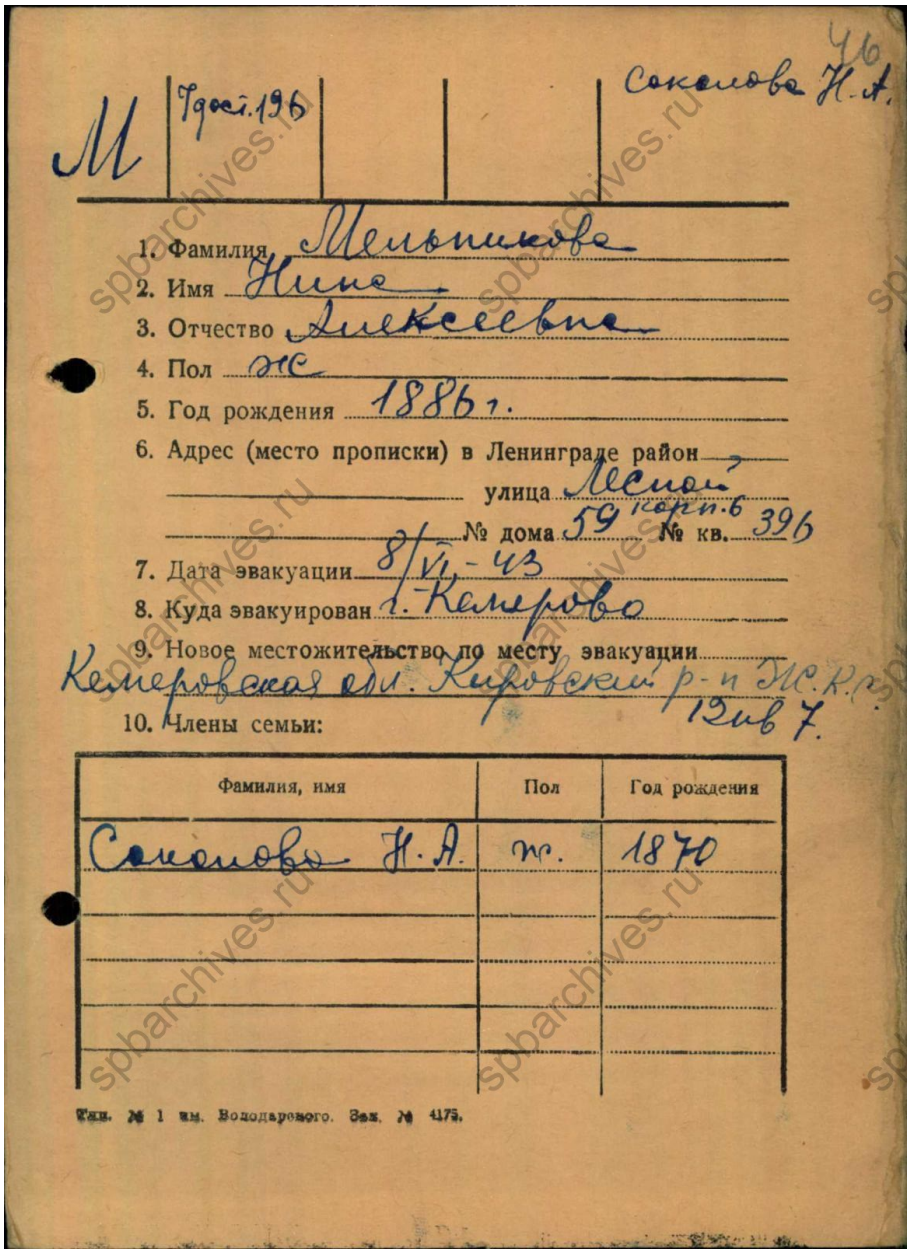

Данные составлены по: ГАРФ. Ф. Р-6822 Оп. 1. Д. 538. Л. 7, 25, 27, 33, 36, 38, 43, 56, 60, 63, 69, 80, 82, 84, 90–95, 109–111, 115–116, 118, 121–122, 131, 136–140, 142–145, 182, 206, 224, 236; Эвакуация в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов / Сост.: А. В. Блинов, М. А. Орлов, И. Ю. Усков. Кемерово, 2025. С. 207–214.

Приложение 9

Данные приводятся по: Шуранов Н. П. Кузбасс: все для фронта. Кемерово: Скиф, 2005. С. 73–74.

М | Трое 196 | | | Соколова Н.А. 46

1. Фамилия Мельникова
2. Имя Нина
3. Отчество Алексеевна
4. Пол ж
5. Год рождения 1886 г.
6. Адрес (место прописки) в Ленинграде район ?
   улица Лесной
   № дома 59 корп. 6 № кв. 396
7. Дата эвакуации 8/VI-43
8. Куда эвакуирован г. Кемерово
9. Новое местожительство по месту эвакуации Кемеровская обл. Кировский р-н ЖСК 12 кв 7.
10. Члены семьи:

Фамилия, имя	Пол	Год рождения
Соколова Н.А.	ж.	1870

Тип. № 1 им. Володарского. Зак. № 4175.

Личная карточка эвакуируемой из г. Ленинграда в г. Кемерово Н. А. Мельниковой[502]

[502]Личная карточка эвакуируемой из г. Ленинграда в г. Кемерово Н. А. Мельниковой. Блокада Ленинграда. Эвакуация. [Электронный ресурс]. – URL: https://evacuation.spbarchives.ru/card?cardRecordId=2621706&pageNumber=1&recordsPerPage=25&fio= %D0 %BC %D0 %B5 %D0 %BB %D1 %8C %D0 %BD %D0 %B8 %D0 %BA %D0 %BE %D0 %B2 %D0 %B0&birthYear=&birthMonth=&birthDay=&evacuationYear=&evacuationMonth=&evacuationDay=&evacuationPlace= %D0 %9A %D0 %B5 %D0 %BC %D0 %B5 %D1 %80 %D0 %BE %D0 %B2 %D0 %BE %20&address=&jobPlaceOrOrganization (дата обращения: 03.10.2025)

Приложение 11

Главный корпус Верхо-Томского детского дома для эвакуированных ленинградских детей[503]

[503]Главный корпус Верхо-Томского детского дома для эвакуированных ленинградских детей. Подвиг тылового города [Электронный ресурс] – URL: https://redhillexpo.tilda.ws/75victory (дата обращения: 04.10.2025).

Приложение 12

Урок рукоделия в Верхо-Томском детском доме для эвакуированных ленинградских детей[504]

[504]Урок рукоделия в Верхо-Томском детском доме для эвакуированных ленинградских детей. Подвиг тылового города [Электронный ресурс]. – URL: https://redhillexpo.tilda.ws/75victory (дата обращения: 04.10.2025).

Приложение 13

Прибытие военно-санитарного поезда в Кемерово[505]

[505]Прибытие военно-санитарного поезда в Кемерово Подвиг тылового города [Электронный ресурс]. – URL: https://redhillexpo.tilda.ws/75victory (дата обращения: 04.10.2025).